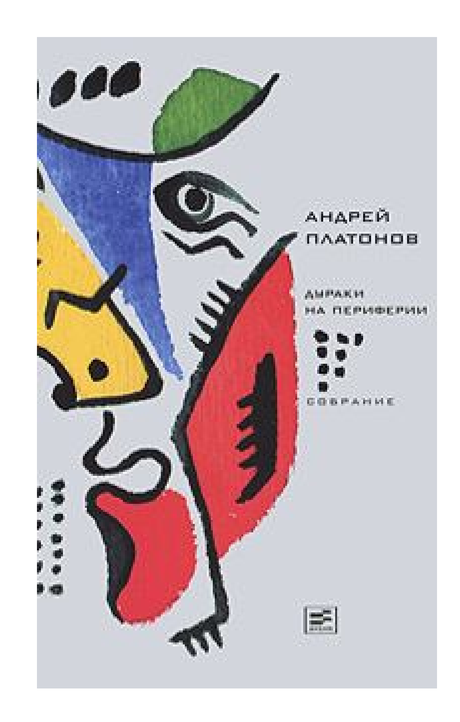
Андрей Платонович Платонов
Том 6. Дураки на периферии

Собрание сочинений – 6

«Собрание сочинений»: Время; Москва; 2011
ISBN 978-5-9691-0480-8

Аннотация

Перед вами — первое собрание сочинений Андрея Платонова, в которое включены все известные на сегодняшний день произведения классика русской литературы XX века.

В этот том классика русской литературы XX века Андрея Платонова вошли его пьесы, в том числе неоконченные «Избушка бабушки» и «Ноев ковчег», а также киносценарии.

Андрей Платонович Платонов
Собрание сочинений
Том 6. Дураки на периферии

Пьесы

Дураки на периферии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Иван Павлович Башмаков, счетовод.

Марья Ивановна Башмакова, его жена.
Катя, дочь Башмакова от первого брака,
Глеб Иванович Рудин, письмоводитель милиции.
Евтюшкин Карп Иванович, председатель комиссии охматмлада.
Ащеулов Василии Степанович, секретарь комиссии
Лутьин Данила Дмитриевич, член комиссии.
Милиционерша,
Мальчик, сын милиционерши.
Ащеулова Алена Фирсовна.
Лутьина Лидия Павловна.
Евтюшкина Капитолина Сергеевна.
1-й крестьянин.
2-й Крестьянин.
Старший рационализатор.
Судья.
Сбитенщик и Торговка.
Странник.
Жены членов охматмлада.

Место действия — уездный город Переучетск.

Акт I

Русская уездная квартира: комната, кровать, письменный и обеденный столы, радио шипит без толку, две двери, два окна. Сумерки. Глеб Иванович, письмоводитель милиции, в полумилиционной одежде, болезненный человек, и Марья Ивановна, обильная женщина. Играют в козла. Радио.

Глеб Иванович . И вот все пишут и пишут газеты: книги в массы, автомобили в массы… там вот еще — культуру — тоже в массы… Прямо как кирпичи летят. Это им сверху так кажется, что внизу массы, а на самом деле эти массы и есть отдельные люди вроде меня, и даже любящие… Козлом вы остались, Марья Ивановна. И, например, любовь. Вам сдавать, Марья Ивановна. Выйдешь в поле, птички поют, луна держится. А в милиции у нас сапогами пахнет. И все приводы и приводы — пьяных. А пьяные все знакомые, и региарируешь на память: лучше б они не приходили. Хожу под вас с пикей, Марья Ивановна. А вы говорите — жизнь! Грущу я все время от ваших слов, Марья Ивановна, и собираюсь в губгород уехать — на время, конечно, так как не могу от вас своими силами оторваться…

Марья Ивановна . Грустный ты человек, Глеб Иванович. Надоели вы мне все, скорбящие. Хоть бы ты скорее в начальники выходил. Живу я среди вас и презираю.

Глеб Иванович . Бью валетом.

Марья Ивановна . А я бы с моим удовольствием в милицию поступила. Я бы ваших рьяных сразу всех в православную веру поставила бы. Сама бы ходила с револьвером, в сапогах и галифе. Пила бы за всех пьяниц сразу и любовников выбрала бы по своему усмотрению, которые нравятся… И ездила бы верхом, как начальник милиции.

Глеб Иванович . Что это вы говорите, Марья Ивановна, какие слова вы все повторяете… Берите выше.

Марья Ивановна . А когда ты мне чулки принесешь? Вторую неделю обещаешь.

Входит муж Иван Павлович, пожилой человек, уезженный временем, с неимоверными усами.

Иван Павлович *(раздеваясь, снимая сапоги и подвешивая их в специальном мешочке на специальном блоке к потолку, вешая на гвоздь пиджак, оставшись в чулочках и жилете)* . В козла играете? — А коз небось не подоила? Здравствуйте, Глеб Иванович, *(указывает на*

радио,) заткни дьячка.

Глеб Иванович . Мое почтение, Иван Павлович, — как поживаете?

Иван Павлович . Спешу! Маша, убирайся скорее. Сейчас отзаседает текущие моменты и явится…

Глеб Иванович . И как теперь выражаются? Вы не знаете, Иван Павлович, как, например, моменты могут течь?

Иван Павлович . Как они текут, меня не касается. Сейчас комиссия придет, отзаседает моменты и придет.

Глеб Иванович . Какая комиссия?

Иван Павлович . Узкий состав охматмлада — охрана матерей и ихних младенцев… А вы разве не знаете? *(к Марье Ивановне.)* Придет обследовать социальное положение, основные статьи нашего бюджета, как живем и на что расходуемся. Убирайся лучше. Чтобы пострашнее было.

Глеб Иванович . А мы тут с Марьей Ивановной обсуждаем про милицию. Очень хочется ей стать милиционером.

Иван Павлович . Она еще не такое захочет, только допусти ее до нашего уровня положения.

Марья Ивановна . С вами захочешь. А доктор документ дал?

Иван Павлович . Дал. Беременна. Вставай, убирайся лучше.

Марья Ивановна . А раз я беременна, убирайся сам.

Иван Павлович . Опять скандалишь?

Марья Ивановна . Раз я беременна, мне двигаться невозможно. Ты мудришь, и я тебе не, попутчица в твоих мудрствованиях.

Глеб Иванович . Марья Ивановна, вы беременны?

Иван Павлович учиняет в доме малый погром, растаскивает стулья, вынимает грязную ветошь, переворачивает некоторые вещи вверх дном.

Глеб Иванович (в волнении). Иван Павлович, объясните толком причину происхождения комиссии.

Иван Павлович (кричит во внутреннюю комнату). Катька, иди помогать отцу! *(Глебу Ивановичу.)* От первой Жены в дореволюционный период…

Входит двенадцатилетняя дочь Катя.

(Дочери) Положи на стол вареной картошки, со шкуркой. Ешь жмых. Кинь шубу на кровать.

Катя приносит старый кожух. Иван Павлович и Катя работают над расстройством квартиры, лишь на письменном столе наводится тщательный порядок.

От первой жены в дореволюционный период у меня есть трое детей. Один на рабфаке, другой сын остался расти при старой жене, когда мы развелись. Катька при мне. И я считаю — прилично и достойно. У немцев есть «цвай-киндер-системе», После революции я рожать не могу. Я получаю по седьмому разряду семнадцатиразрядной сетки, а нагрузку от меня отняли. Пускай рожают руководящие лица. Я родить не могу.

Глеб Иванович. Да вам и невозможно, Иван Палыч.

Катя. А вот есть стихи, пионеры поют:

По неизвестным никому причинам
Постановила нарком Коллонтай,
Чтобы рожали только мужчины,
Хочешь не хочешь, лопай, а рожай.

Иван Павлович . Цыц, ты!.. Это только так говорится, что женщины рожают. А теперь хотя в городе и равенство на женщин, а все расходы на мужчинах. Ты эти песни брось, я их уж слышал по трубе из Москвы… Унеси стул, принеси вместо него ящик, — не до стихов тут.

Катя уходит со стулом.

(К жене) А ты смотри в окно, слушай комиссию… Целое учреждение по одному делу придет, а бесплатно. Человек теперь дорог, особенно пока он рожаться хочет…

Глеб Иванович. Так чего же вы желаете, Иван Павлович? Комиссия-то тут ни при чем, раз вы правовые родители?

Иван Павлович. Чего я желаю? — Я желаю — не родить. Я уже родил свою норму. А без комиссии нельзя сделать аборта, на основании обязательного постановления. А закона нарушать не могу — по своим политическим убеждениям: иначе меня со службы тихо выкинут. У нас есть законное постановление во всеуездном масштабе, что аборты можно делать только с разрешения охматмлада.

Глеб Иванович. Иван Павлович, да ведь это же против естества, против мировидения.

Иван Павлович . Естество здесь ни при чем, Естеством одни собаки живут, а мы люди, наше дело — социальные условия.

Глеб Иванович *(к Марье Ивановне)* . Ну а вы-то, Марья Ивановна, вы-то? — Где же ваша доля? — Вы ведь будете вроде мамаши?

Марья Ивановна. А ну вас, у меня в голове от ваших разговоров целый гул гадов… Иван Павлович меня прямо загонял бюджетом. Уйду я от вас в разбойники: у вас все силы не на жизнь, а на учет уходят, а мне одна домашняя, доля остается…

Катя *(высовываясь из-за двери)* . Папаня, там целых два ящика. Только я их не дотащу, — ты иди волоки, я тебе покажу.

Иван Павлович уходит за ящиками.

Глеб Иванович *(хватая за руки Марью Ивановну)* . Марья Ивановна, что же вы мне не сказали, что у вас ребеночек-то будет! — Ведь ему особое питание потребуется… Ведь я вижу, что Иван Павлович неспособен родить, ему революция душу отшибла. Ребеночек-то ведь мой, получается… Марья Ивановна, сподвижница, — ведь ребеночек-то, получается, наш с вами, мой то есть… Да ведь я для этого факта… Марья Ивановна, — наш?! Вы родить не бойтесь, все родят, и ничего, службу получают и живут до старости, Я от вас никогда не отлипну, буду как страстотерпец при вас. У меня все принципы повысились до высшего разряда… Наш?!

Марья Ивановна. Может, и наш. Знаю, что мой.

Глеб Иванович. Ну а как же ты — родить-то будешь? — К чему эти комиссии-то?

Марья Ивановна. А пущай мудрит, может, льгота какая будет. Двинуться мне некуда от вас, а то бы я вам показала, как бедной женщине родить!

Глеб Иванович. Ну его с комиссиями. Давай вместе жить по всем принципам и в теплой тишине.

Марья Ивановна. Подождем — увидим. Нашелся тоже родитель по шестому разряду. Я у тебя две недели чулки просила. Вон какие фильдеперсовые поступили в епо, а ты — принципы!.. То всеобщая равная свобода, а то принципы. Ты что — по принципиальности в любовники ко мне влип?

Иван Павлович волочит два ящика и устанавливает их около стола.

Иван Павлович. Идут! С той улицы! Маня, ляжь, вроде как нездоровится, вроде как тошнит. Глеб Иванович, сядьте к столу, читайте любую книжку, а я буду работать, — на службе всего не поспеваешь. Я кое-что упорядочу для вида. *(Садится к столу, листает бумаги.)*

Марья Ивановна ложится на бушлат. Пауза.

Глеб Иванович. Вот в газетах пишут, Иван Павлович, — радио в массы, чудеса науки и техники в массы, прочие отношения — тоже в массы. Только успевай ловить, Я, конечно, понимаю, что вас принцип мучает с абортом, но, думаю, надо подойти к вопросу индивидуально. Швырнуть ребенка в массы нельзя, он в воздухе растворится, как падучая звезда.

Иван Павлович. Мы живем в настоящие времена, а не в будущие. По нашим временам человек должен выполнять общественные функции, а также лично жить и

наслаждаться. Я послужил для общества тремя детьми, а теперь служу счетной работой.

Пауза.

Глеб Иванович. Я бы, Иван Павлович, все-таки родил бы…

Иван Павлович. Ну и родите на здоровье, а этот вопрос оставьте открытым, как внутрисемейного происхождения.

Пауза.

Глеб Иванович. Вот в губернском органе пишут — рачья чума кончилась.

Иван Павлович. Чего?

Глеб Иванович. Опять раков есть будем. В газете написано кончилась рачья чума. Пятнадцать лет продолжалась и самостоятельно кончилась без научных забот. За это время дети выросли, не видя раков.

Пауза.

А то вот у нас в Заречье, — мужики, со зла на кооперацию, сельским сходом магазин госспирта закрыли. Плавают за водкой через реку на пароме. Большая опасность для милиции. Многие тонут… Организовать бы у нас общество спасения на водах.

Иван Павлович. Глеб Иванович, у меня новый ребенок в едоки просится, а вы мне спасением раков голову морочите.

Марья Ивановна. Уйду от вас, чертей, в разбойники, в леса, в атаманы, в батьки и матки.

Иван Павлович. Опять скандалишь? Упорядочь ты себя, пожалуйста, хоть для комиссии!

Марья Ивановна. Жила бы в лесу и пела бы песни. Налетела бы набегом на ваш город, взяла бы его в плен и супруга моего либо к стенке, либо в золоторотный обоз, заниматься учетом контроля. Я бы тебя, учетного беса, каждое утро по морде бы била.

Иван Павлович. Опять скандалишь?

Марья Ивановна. Надоели вы мне все до скуки. Прямо от петли живу с вами!..

Катя *(вбегая со двора)* . Идут! Что мне делать?!

Иван Павлович. Садись, учись! — Марья, Христом Богом тебя умоляю от чистого сердца, — не скандаль при комиссии!..Лежи и болей!

Входит комиссия, председатель Евтюшкин Карп Иванович, сухоречивый человек, бывший санитар, — секретарь Ащеулов Василий Степанович, бородатый выдвиженец, — и член комиссии Лутьин Данила Дмитриевич, ротный лекпом. У двери становится во фрунт Женщина-милиционер.

Ащеулов *(здороваясь по-домашнему со всеми и с трепещущей Катей за руку)* . Мое почтение! *(Официально.)* Здесь проживает…

Евтюшкин *(официально, ни с кем не здороваясь)* . Здесь проживает гражданин счетовод Башмаков с женой и семейством?

Иван Павлович. Да-с, я и есть Башмаков… Моя фамилия произносится вслух — Башмаков… Чем могу служить? — Удостоверение личности прикажите предъявить?

Комиссия садится в шапках вокруг стола. Члены держат в квартире себя, как татары в Древней Руси.

Евтюшкин. Не требуется. Мы есть узкая комиссия охматмлада. От вас поступило заявление о желании применения аборта к вашей супруге. Врачебная комиссия, освидетельствовав вашу супругу, нашла ее состояние здоровья в полном блестящем положении, и даже констатировала, что даже полезны дети от таких блестящих густых матерей. Нам теперь надо обследовать ваше матерьяльное положение, поскольку вы есть член профсоюза и ссылаетесь на имущественную маломощность… Товарищ Ащеулов, пиши протокол. Лутьин, приступи к осмотру движимого и его санитарного состояния. На дворе скотины никакой не имеется?

Лутьин лезет под кровать, под столы, тащит рухлядь, нюхает вещи и пр.

Катя. Имеются две козы.

Иван Павлович. Цыц!

Евтюшкин. С ягнятами?

Катя. Пять козленков. У коз ягнят не бывает. Они не коровы.

Иван Павлович. Цыц, ты!

Евтюшкин. Не мешай, девочка. Делу. Ты учи свои уроки. И сознательно вырастай понемногу *(К Марье Ивановне.)* Вы и будете потерпевшая?

Марья Ивановна. Вот лежу и терплю, как он *(указывает на Лутьина)* подо мной шарит.

Лутьин. У вас что — изжога?

Марья Ивановна. Нет, это у Ивана Павловича.

Лутьин шарит по обеим комнатам.

Ащеулов *(читает вслух заготовленный бланк)* . КОМИССИЯ охматмлада в своем узком составе, из председателя гр. Евтюшкина, К.И., а также члена комиссии гр. лекпома Лугьина, Д.Д., и, наконец, секретаря гр. Ащеулова, В.С., то есть меня, — слушала и постановила, с правой стороны…

Иван Павлович. Позвольте сделать мне мои устные показания, ради уточнения событий дела. Я есть трудящийся человек. В свое время, а именно до революции, я родил троих детей и разошелся впоследствии, после революции, по кодексу со своей старой женой. Теперь я женат вторично и первой жене плачу алименты. Кроме того, я выполняю общественные служебные функции, состоя в профсоюзе и платя взносы. Но кодекс продолжает действовать, И сверх того немецкую систему «двай-киндер-системе» я выполнил с превышением, то есть родил троих. Так что перед нацией я оправдан как родитель и как трудящийся элемент, служа по счетной линии… Вот, позвольте мне предоставить на рассмотрение комиссии баланс моих доходов и расходов с приложением объяснительной записки. *(Читает.)* Доходы. Жалованье по седьмому разряду семнадцатиразрядной тарифной сетки — 43 р. 72 к. ежемесячно. Козы: 366 стаканов молока, в нынешний год как високосный. Считая по две с половиной копейки стакан, итого 8 р. 32 к. в год, а ежемесячно 32 к. целых и 55 сотых. Огород: капуста, картофель, свекла, морковь, огурцы, помидоры, рассада…

Ащеулов *(по-домашнему)* . Как капуста, ничего уродилась?

Иван Павлович (Ащеулову). Капуста ничего, жаловаться нельзя. Вилка хорошо наливает.

Ащеулов . А у нас в деревне, сказывают, — плоха!

Иван Павлович *(читает)* . Огород. Капуста, картофель, свекла…

Евтюшкин *(строго перебивая)* . Даты говори чохом общий и целый итог.

Иван Павлович . Итого с огорода в год…

Евтюшкин . Говори ежемесячно.

Иван Павлович. Итого с огорода в месяц 3 рубля 44 коп. Экономия от бережной эксплуатации мебели и носильного имущества, через это удлиняются нормальные сроки амортизации.

Мальчик *(просовываясь в окно)* . Маманька, Васятка заливается, титьку хочет.

Евтюшкин. Это еще какой Васятка?

Милиционерша. А это мой. Я на этой улице живу. Я отлучусь. Ащеулов. Ступай, ступай. Открывай буфет.

Милиционерша уходит.

Иван Павлович. Через это удлиняются нормальные сроки амортизации…

Евтюшкин. Говори чохом и без утайки. А то предадим суду за бюрократизм.

Иван Павлович. Итого по доходным статьям на дебете 58 р.32 с половиной коп. Расходы. Алименты первой жене — треть основного жалованья без внутрихозяйственных доходов — 14 р. 64 к. Квартира по ставке с излишком площади — 4 р. 11 к.

Евтюшкин. Ну, дай сюда документ, а сам обследую. *(Дьячит.)* Отопление, освещение, вата на переделку шубы… А это что?

Иван Павлович. А это?., это чулки по три пары в год, мне и жене… На месяц

получается чистого расхода… Евтюшкин. Ага… Очистка нужника… Покупка кадки… А какая в кадке необходимость?

Иван Павлович. Кадка намечается для огурцов.

Лутьин *(выходя из другой комнаты с корзинкой)* . Тут находятся кружева и чистое белье.

Марья Ивановна. А ты это не трожь. Тебя это не касается. Это, может, мое приданое.

Евтюшкин *(отрываясь от чтения)* . Поставь в сторону. Потом обследуем… Итого ты выводишь ежемесячного сбережения 2 р. 31 к. А где деньги хранишь?

Иван Павлович . Кто где, а я, как убежденный гражданин, в сберкассе.

Евтюшкин Тогда покажь книжку.

Иван Павлович. Я, товарищ председатель… тайна вкладов предусмотрена законом.

Евтюшкин . Показывай ради существа дела. Я не для формы прошу.

Иван Павлович нехотя ставит ящик к печке, лезет в печной вентилятор, вынимает измазанный в саже пакет, расшнуровывает, достает сберкнижку и пачку облигаций.

Евтюшкин *(разглядывая сберкнижку)* . 32 р. 77 к. А сколько набежало процентов, того не указано. А облигаций?

Иван Павлович. Облигаций рублей на сорок.

Евтюшкин. Покажь.

Иван Павлович. Точной цифрой 42 р. 50 к. без купонов.

Евтюшкин *(Ащеулову)* . Пиши. Слушали, и осматривали, и обследовали матерьяльное положение гр. Башмакова, он же Башмаков: читается так, а пишется иначе…

Иван Павлович. Товарищ председатель, убедительно прошу, не заставляйте родить. Лучше я куда-нибудь пожертвую. Родить я никак не могу. Я не хочу увеличивать основные кадры беспризорников. Я свою активность потеряю. У меня бюджет лопнет. Непосредственно умоляю вас.

Евтюшкин. Ничего, ничего: ты человек честный. Вон в графах на канцелярские принадлежности 17 коп. ставишь, а мог бы госснабжением пользоваться… Может, 500 р. по займу выиграешь.

Глеб Иванович *(в волнении)* . Товарищи, я не как представитель власти и не как член профсоюза. Я — как отдельный несчастный человек… Она женщина молодая, пышная, уже расцветшая. Ей жить да счастьем жизни наслаждаться, сподвижнице нашей. Нельзя подходить к женщине в массовом масштабе. Она не сумма, а личность, потому что несчастная.

Иван Павлович. Глеб Иванович, хотя вы и частный представитель, но вы нарушаете закон. А я стою на законе и прошу вас не вмешиваться во внутрисемейные мои условия, как вы не родственник.

Глеб Иванович. Я не как родственник умоляю вас. Я как человек будущего.

Иван Павлович. А у нас не будущее, а настоящее. Будущего сроду не было.

Ащеулов. Нам надо, чтобы наши женщины рожали без устатку. Сколько еще народу потребуется для…

Иван Павлович. Граждане! Я судиться буду! Меня сократить могут! У меня бюджет лопнет! Я на самом основании закона стою

Глеб Иванович. Да вы хоть женщину спросите, мученицу самую.

Иван Павлович *(наступая на Глеба Ивановича)* . Нечего ее спрашивать, она здесь ни при чем, она сама знает!..

Евтюшкин. Ну, вы, — тишина! Тут комиссия заседает. Сейчас тут не дом, а учреждение. Прошу понимать! Женщину мы не упустим… Гражданка Башмакова, скажите ваше мнение.

Иван Павлович. Нечего ее спрашивать, товарищ председатель. Она скандалить будет.

Евтюшкин. Нам необходимо для существа. Говорите ваше мнение, гражданка.

Марья Ивановна. Убегу я от вас всех и открою шинок. Либо в милицию поступлю. Я желаю быть работницей.

Евтюшкин. За шинок тебя оштрафуют. А в милиции все равно родит. Говори по существу.

Иван Павлович. Я же говорил вам, что она скандалить будет.

Евтюшкин. Родить будешь?

Марья Ивановна. А то что же?

Евтюшкин. Ну, то-то.

Иван Павлович. Не говорите с ней. Видите, скандалит!

Евтюшкин. Молчи для дела. Открываю прения. Товарищ Лутьин, докладай матерьялы вещественного осмотра. Ничего предосудительного, кроме чистого белья, не нашел?

Лутьин. Нет.

Евтюшкин. Говори тогда по науке.

Лутьин. Я от мнения воздерживаюсь и с вами буду солидарен. По-моему — чтобы родить. Объективных сопротивлений нету, а субъектов надо подчинять руководству. Вот мы только корзинку не осмотрели.

Иван Павлович. Товарищи! Граждане!

Евтюшкин. Ты молчи. Твое мнение, товарищ Ащеулов.

Ащеулов. Безапелляционно — родить.

Евтюшкин. Беру себе личное слово. Возражений нет? — Позвольте, товарищи, мне резюмировать свою мысль.

Ащеулов. Резюмируй ее.

Евтюшкин. Я принципиально стою на почве зрения, что родить надо неминуемо для пользы народонаселения. Раз мы охматмлад, то на то нас и поставили, чтобы фактически охранять судьбу поколений и тем показывать пример несознательным гражданам и организовывать будущее. Граждане нужны не только теперь, но надо заботиться также заготовкой граждан впрок. Роды женщинам никак нельзя прощать — наоборот, их надо учащать по мере темпа… А то и комиссию реорганизовать могут. Возражений против обеспечения будущего населения нет?

Ащеулов. Быть не может.

Евтюшкин. Прения внутри комиссии считаю законченными. Подкомиссию избрать нахожу преждевременным ввиду ясности состояния вопроса. Товарищ Ащеулов, пиши, Комиссия, Письменное заявление и баланс присовокупить к делу. Устное заявление гр. Башмакова не считать, так как комиссия его не помнит. Пиши… Комиссия, ознакомившись на месте посредством внезапного и фактического обследования… Комиссия увидела и нашла… Матерьяльное положение удовлетворительно, что подтверждается наличием сбережений и свидетельским показанием делопроизводителя уездной милиции гр. Рудина, Г.И. *(показывает рукой на Глеба Ивановича)* . Вот его… А ты зачем здесь оказался?

Глеб Иванович. Я в гости пришел.

Иван Павлович. Он гость, а не свидетель! Не пиши его — он не официально пришел.

Евтюшкин *(Ащеулову)* . Пиши. Комиссия постановляет… Пиши… Комиссия, состоящая… перечисли нас постановляет… Гражданке Башмаковой, М.И. — родить! Точка. Ввиду необнаружения к данному делу препятствия.

Иван Павлович. Прошу вас, не пишите! Не могу я рожать!

Евтюшкин. Будеже гражданка М.И. Башмакова сделает аборт на частной стороне у кустарной докторицы, то подлежит подвержению штрафа в размере в будущем усмотренном.

Иван Павлович. Умоляю вас, не пишите! Я судиться буду! Не могу я рожать!

Глеб Иванович *(бросаясь к Марье Ивановне)* . Марья Ивановна! Сподвижница! Родите на здоровье, — на радость и счастье и горе!

Иван Павлович. Товарищ Рудин! Прошу вас оставить мою квартиру присутствием вон!

Глеб Иванович. Прошу вас в присутствии комиссии не допускать извращений! Я говорю на основании постановления!

Иван Павлович, А я говорю, вон ступайте!

Евтюшкин. Заседание комиссии объявляю закрытым. Членов комиссии прошу от семейного скандала следовать за мной. До свиданья, гражданин Башмаков. Счастливо размножаться! Позовите к себе на октябрины, принесу подарок от комиссии.

Евтюшкин и Лутьин идут к двери. Иван Павлович следует за ними. Ащеулов дописывает, складывает бумаги.

Лутьин. А корзину мы не досмотрели.

Евтюшкин. Наплевать!.. Я раньше ее видел…

Глеб Иванович. Прощайте, Марья Ивановна. Ваш муж меня отстраняет, но я от вас, печальной, сам не отойду.

Иван Павлович *(поспешно обуваясь и надевая пиджак)* . Во имя Спасения Человечества прошу Вас!.. *(Глебу Ивановичу, тихо.)* Убирайся отсюда к чёрту, инородное тело… *(Громко — комиссии.)* Не губите жизнь, не родите детей!.. *(Убегает им вслед, толкая перед собою Глеба Ивановича.)* Я судиться буду!

Все уходят, кроме Марьи Ивановны, лежащей на кровати, и Ащеулова, складывающего бумаги.

Марья Ивановна *(вскакивая с кровати навстречу Ащеулову)* . Васька, голубчик мой милый, ребеночек-то ведь твой!

Ащеулов. Да ну?

Марья Ивановна . Ей-богу, твой.

Ащеулов *(озабоченно)* . А не врешь?

Марья Ивановна. Не вру. Ты сам пойми, какой он теперь человек! — Он человек дореволюционный, ты маломощность его прими во внимание. Он после революции от службы живет со слабостью сил.

Ащеулов. А может, еще кто?

Марья Ивановна, Ей-богу, фактически ты.

Ащеулов. Ты смотри. Ты прими во внимание мое положение. Я человек служебный, выдвинутый из гущи.

Марья Ивановна. Ну-к, что ж?

Ащеулов. Хотя, впрочем, это я могу. У меня природа низовая, я.

Марья Ивановна *(радостно)* . Подлецы вы все, мужики! Вам радость и власть, а нам последствия.

Ащеулов. А что это ты сказывала, — шинок открываешь?

Марья Ивановна. Вот ты какой! Я тебе про ребенка, а ты шинку обрадовался.

Ащеулов. Я не радовался. Это надо с умом делать. А то оштрафуют. А раз комиссия постановила, теперь рожай. Ты живи при муже, как жила, а комиссия тебя не оставит без надзора. Она не человек, а организация.

Марья Ивановна. Васька, давай уйдем в разбойники…

Ащеулов. Это для какой причины?

Марья Ивановна. Для вольной жизни. Будем всех грабить, песни петь. Учетного пса к стенке поставим и шлепнем его.

Входят Иван Павлович и Катя.

Входит Женщина-милиционер.

Милиционерша *(ревет по-бабьи)* . Касатики, родить порешили…. Вот она, наша бабья доля. Всегда решают…

Катя *(прыгая на одной ноге).* А теперь можно не учиться? Все равно велели рожать. Теперь можно ставить вещи на место?

Иван Павлович *(в самоуглублении)* . Родить? А? — разбойники!

Акт II

Камера уездного нарсуда. Плакаты, озунги, скамьи, перегородка.

Заседание суда. На скамье ответчиков — комиссия охматмлада в узком составе. На

скамье истцов Башмаков. Сзади ответчиков на скамье для публики две жены членов охматмлада: Лидия Павловна Лутьина, особразная женщина, и Капитолина Сергеевна Евтюшкина, солдатообразная женщина. У дверей Милиционер-женщина, За судейским столом Судьи, Уездный, Крестьянский народ.

Идет заседание. Превеликий шум. Все стоят. Комиссия орет в сторону Башмакова. Башмаков кричит на суд. Жены теребят мужей. Судья звонит.

Возгласы. Тише!.. Именем!.. Мелкая подворность!.. Это ты с ней живешь!.. Я тебе дам детей рожать!..

Судья *(орет)* . Тише! Тише, граждане! Всех опорожню из зала! У меня ум опух! Милиция!

Евтюшкина. Товарищ судья, пусть он признается, жил он с ней или нет? Это не суд, а слабосудие.

Судья. Гражданка Евтюшкина! Вы к суду не относитесь. Милиция, вывести Евтюшкину за руку прочь!

Евтюшкина. Как это не отношусь, если мой муж с ней жил? Это ты не относишься! Я с ним разводиться буду! Я член нарпита!

Милиционерша. Ну, ты тише, раз ты член. Сиди, не оглашайся,

Судья. А раз хотите разводиться, подавайте заявление на бумаге, а не голосом. Милиционер, выведите ее вон!

Милиционерша выводит Евтюшкину.

Судья. Гражданин Башмаков, говорите ясно ваше очередное слово.

Иван Павлович. Гражданин судья. Никто ни с кем не живет. Это она брешет от настроения. Войдите в мое состояние, раз я фактически существую. Я к делу присовокупил все постановления. Из дела вы видите, что я поступаю по закону. Я родить не могу. Не важно, кто природный отец, а важно, кто правовой и фактический и, так скажем, общественный. А общественно-фактическим отцом является комиссия охматмлада в узком составе. Они фактически правовые и надлежащие отцы. Мне не на что взращивать ихнего ребенка. А мои сбережения я внес в деткомиссию, хотя, быть может, и напрасно, — что вы видите из формы дела. Раз они мне предписали ребенка, как фактические отцы, я и прошу взять с них алименты в мою пользу.

Евтюшкин Это что же такое выходит! Это подрыв работоспособности комиссии!

Судья. Молчите, гражданин Евтюшкин, пока вам не указали говорить,

Иван Павлович . Вот у них в лозунге охматмлада записано. *(Читает.)* «Комиссия фактически охраняет судьбу поколений и тем показывает пример несознательным гражданам и организует будущее. Граждане нужны не только теперь, но надо заботиться также заготовкой граждан впрок…» А в резолюции написано, вот ее копия, а подлинник в деле, *(читает.)* «Комиссия постановляет гражданке Башмаковой, М.И., родить». — Она и родила по их повелению! Гражданин судья, разрешите мне Евтюшкину задать проясняющие вопросы.

Евтюшкин. Не желаю с ним разговаривать.

Судья. Задавайте. Гражданин Евтюшкин, отвечайте суду.

Иван Павлович. Комиссия охматмлада — может ошибиться или нет?

Судья. Можете вы ошибиться или нет?

Евтюшкин. Никогда не может, Комиссия… в ней нет единоличного начала, чтобы ошибиться. Она не человек, а организация.

Иван Павлович . Я согласен. Комиссия поступила вполне законно, предписав мне родить?

Евтюшкин. Стало быть, законно, раз мы комиссия.

Иван Павлович, А стало быть, платите мне алименты! *(к суду.)* Граждане судьи, они сознались! Умоляю вас, предпишите им платить мне алименты. Прошу вас от чистого сердца!

Шум. Крики. Вбегает Евтюшкина.

Евтюшкина. Ты мне скажи, ты жил с ней или нет? Судьи, жили они или нет?!

Ащеулов. А нас не сократят?

Евтюшкин. Это что же, на основании закона беззаконие получается! Что мы, родоначальники нации, что ли?!

Судья. Милиция! Молчите все сразу! Дайте нам задуматься! Молчать!! А я буду фиксировать. *(Толпа стихает.)* Кто хоть слово скажет, сейчас того вон истреблю из зала судебных установлений.

В зале насильная тишина. звуки сдерживаемых сипов, дыханий, прочее. Судья пишет. отворяется дверь. Входят два крестьянина с мешком, натыкаются на милиционершу.

1-й крестьянин *(громким шепотом устоявшегося голоса, почтительно и удивленно, принимая женщину по форме за милиционера, а затем успокаиваясь, видя, что это баба)* . Товарищ милиционер, вот вам заявление подать…

2-й крестьянин *(так же сипло)* . Потому как мы женатые и рожденные в дореволюционный период…

1-й крестьянин. Погоди. Как мы два брата. Я — Степан Меринов, а он Логин Меринов. Как он женат в. дореволюционный период на Дарье Семеновне с детьми, а я на Фекле Павловне с детьми… Да никак ты бабочка?..

2-й крестьянин. То просим…

1-й крестьянин. Погоди. То просим аннулировать наши браки с детьми, как зачатые в дореволюционный период, потому как…

Милиционерша. Тиш-ша. Р-разойдись!.. — Видишь, суд и то задумался.

Судья *(вставая)* . Ничего суд на месте понять не может. Нам надо углубиться. Председатель Евтюшкин, хотите выразиться на помощь?

Евтюшкин. Прямо скажу, ничего не понимаю, что происходит. Однако постановления комиссии правильные. Давайте начнем сначала. Мы предписали родить по закону, а жена мне не дает покою, останавливает текущую работу, и въелось ей в ум, будто я живу с Башмаковой. Освободите меня от ней, гражданин судья.

Евтюшкина. Я сама от тебя освобожусь,

Евтюшкин *(жене)* . Капа, ну чего ты с цепи сорвалась закон нарушать?

Судья. А откуда она тут взялась? Я ее опорожнял отсюда. Милиция, гоните ее без отказа вон!

Евтюшкина. А ты хоть и судья, а моего мужа не покрывай, должна я его шашни знать!

Судья. Гони ее вон маршевым ходом!

Милиционерша выводит Евтюшкину.

Лутьин. Хотя это дело и темное, но нужно осветить его лучом науки и техники… Ведь это же нарушение дисциплины получается.

Лутьина. Спасибо вам, Данила Дмитрии, за такую науку и технику!

Судья. Ничего суд на месте понять не можут. Нам надо углубиться. Объявляю перерыв для приговора.

Шум и свалка. Вместе со Сбитенщиком и Торговкой горячими пирожками врывается Евтюшкина. Жены лезут на мужей, мужья на Башмакова, Башмаков прячется за милиционершу.

Сбитенщик и Торговка *(всю картину)* . Сбитень-сбитень горячий! Пирожкиря горячие на огне паруют, в животе жируют…

Евтюшкин *(Башмакову)* . Иван Палыч, это вы какими сознательными чувствами придумали такое безобразие? Ведь этак скоро весь город к нам на сознательные алименты поступит, вы нарушаете нашу установку.

Иван Павлович. Я, Карп Иваныч, государственный житель, я все обдумал государственными мозгами, на основании законов.

Евтюшкин. Комиссия…

Ащеулов. Карп Иваныч, Карп Иваныч, Карп Иваныч-жа!..

Евтюшкин. Чего тебе?

Ащеулов. А нас не сократят, на периферию не отправят?

Евтюшкин. На периферии одни дураки живут, а мы в уездном центре…

Евтюшкина. Это что же такое?! — Люди с женой имеют семейные отношения, а вы вмешиваетесь поперек, велите им родить против их воли.

Лутьина. Знаем мы, почему вы чужую породу продолжаете.

Лутьин *(жене)* . Лида, попей сбитню.,

Лутьина. Вы уж Марью Ивановну сбитнем угощайте! Научные средства знаете, а мне аборты потихоньку делаете!

Евтюшкина. Знаем мы эту вашу охрану своих младенцев от чужих матерей. Это чтобы я поверила, что вы ради закона рожаете, а не так…

Евтюшкин. Бабы, ешьте пирожки! Питайтесь!

Евтюшкина. Это чтобы поверить, это чтобы поверить, чтобы люди ради должности родить могли, чтоб…

Евтюшкин. Жены, отстаньте от нас! Дайте нам подумать.

Лутьин. Карп Иваныч, надо обсудить, чтобы не перегибать линии. Ведь одно искривление получается.

Евтюшкин. Гони баб, раз они не члены! *(Комиссия оттирает женщин.)* Дайте нам сознательно обсудить! Дайте хоть одно мероприятие выпустить! *(Теснят женщин.)* Комиссия… гражданки… я как единоличный председатель комиссии… женщины, сократитесь от нас вон!

Евтюшкина. Не уйдем мы от вас с пустыми руками!

Лутьина. Поговорите, поговорите, — мы послушаем последний раз!

Ащеулов. Дайте нам обсудить служебное положение!.. Карп Иваныч, Карп Иваныч-жа!.. С протоколом будем писать или так?

Евтюшкин. Как хотишь: ты сам теперь думай, видишь — я руковожу!

Лутьин. Надо бы с протоколом, ведь комиссию привлекают, а комиссия устно функционировать не может.

Евтюшкин. Вынимай бланок!

Ащеулов готовится на ходу писать. Комиссия лезет на Башмакова.

Евтюшкин. Гражданин Башмаков…

Иван Павлович. Граждане подсудимые, прошу вас очистить своим присутствием от меня!

Евтюшкин. Погоди, ты нам даешь свои показания!

Иван Павлович. Не желаю я вам давать своих показаний. Будет! Надавался уже!

Евтюшкин . Как это не желаешь давать показания официальной комиссии?!

Иван Павлович. Будет, давал уже на свою голову. Ваша комиссия для детей, а не для возмужалых. Я и так уже от вас пострадал.

Евтюшкин. Нет, ты погоди!

Иван Павлович . Гражданин женщина-милиционер! Прошу вас охранить мою неприкосновенность личности!

Милиционерша *(к комиссии)* . Не трожь скорбящего человека.

Лутьин. Давайте обсудим по точному существу… Карп Иваныч, председательствуй по плану.

Евтюшкин. Комиссия… кто желает высказаться?

Ащеулов. А нас не сократят?

Евтюшкин. Нас сократить не могут, нас могут только реорганизовать.

Лутьин. Погоди ты каркать, Может, суд нас еще помилует.

Лутьина *(мужу)* . Так и знайте, муженек, если судья присудит вам платить, разведусь я с вами вон.

Лутьин. Лидочка, перестань волноваться. Съешь пирожка!

Евтюшкин. Не мешай течению обсуждения. Может, еще не присудят.

Ащеулов. Отстаньте от учреждения.

Лутьин. Женщины, Лида, дайте я вам исчерпаю вопрос, только дайте нам подумать, Может, с нас алиментов и не возьмут.

Евтюшкин. Суд еще ничего не выдумал.

Лутьин. Наше учреждение поставлено заботиться о сохранении гражданского населения для будущего.

Евтюшкин. Солнце, например, оно тоже видимый административный центр. Ведь оно нагревает землю, производит теплоту, и про то произрастают всякие растения, даже ненужные, вроде Башмакова… А люди кормятся… Так и комиссия…

Евтюшкина. Что же, по-твоему, и дети от одной голой теплоты рождаются?

Евтюшкин *(теряя терпение, усиленным служебным басом)* . Беру слово себе. Дело не в голой теплоте комиссии и не в солнце. Комиссия… я, как председатель, говорю без отступлений-от инструкций… Комиссия не нашла в бюджете Башмакова узкого места. Четкая линия закона…

Лутьин. Товарищи, мы с женщинами не столкуемся, а суд сейчас грянет. Нам надо внутри комиссии сговориться. Пойдемте заседать в мужскую уборную, туда женщин не пускают.

Ащеулов. Правильно. Идемте всем скопом!

Евтюшкина. Так и знайте, если суд назначит алименты, разведемся навеки!

Комиссия поспешно идет к двери, женщины за ними.

Лутьин *(жене)* . Лида, ведь мы от своих отступлений поступить не можем,

Лутьина. Желаете с нами жить — отступите!

Уходят.

Сбитенщик и Торговка. Сбитень! Сбитень! Пирожки горячие, сами паруют, сами жируют!

Иван Павлович. Дай пару! *(Покупая пирожки, к торговке.)* Кто хотел ребенка? Я или они?

Торговка. Они.

Иван Павлович . А раз они, пусть надлежащие органы и рожают. Я здесь ни причем.

Торговка. Колхозом рожать лучше… А супруга-то где?

Иван Павлович. Она в больнице лежит. Я заявление в суд за две недели подал, чтобы алименты были к факту родов и чтобы не скандалила.

Реплики.

— От голой теплоты невозможно, в ней вещества нет.

— Тогда и в загнетке может родить.

— Блоху, например.

— Нет, загнетка не может, в ней сырости нет.

Судья *(выходит и покупает пирожки)* . Три штуки

Милиционерша. Скоро начнете?

Судья. Сейчас кончим. У нас весь разум вытек.

Мальчик. На, мам окорми!

Судья уходит. Входит Мальчик с грудным ребенком на руках.

Мальчик. На, мам окорми!

Милиционерша отворачивается, расстегивает мундир, кормит ребенка спиной к зрителю.

Реплики.

— Вон милиции добро, родит — не парует, никому не жалуется.

— Она действует по натуре закона, ей иначе нельзя.

Милиционерша . Тише там! Сейчас суд выйдет!

Реплики.

— А вы по какому делу здесь?

— Приезжал к нам иностранец, по профессии турист, ихний гад, проделал в стене дыру в женскую уборную на вышине потолка и висел там, как паук, пока не измучился, фамилия его Гуго Ванцентович Прохадьзько, а классовая принадлежность неизвестна, Женщины от этого объявили забастовку и перестали ходить в уборную. А мы дали им ход в суд. А он уехал по своей профессии.

1-й крестьянин *(милиционерше, вынимая из мешка куст крыжовника с корнем; ствол куста обвязан веревкой, и висит бланк с печатью)* . Так, вот, бабочка-постовой… Ты слухаешь, аи нет?

Милиционерша *(не обрачиааясь)* . Слухаю, слухаю, аи вас не услышишь?

1-й крестьянин *(с корнем)* . Так вот одно дело мы тебе изложили, как мы просим аннулировать наших жен, как заведенных в дореволюционный период. А теперь вот у меня какое дело… Ты слухаешь, аи нет?

Милиционерша . Слухаю-слухаю.

1-й крестьянин. Так вот обложили меня неподъемно из-за этого куста… Я, вишь, шесть кустов крыжовника посадил, а седьмой самотеком вырос, недосмотрел я за ним, а он в мочь вошел. А у меня по нему все остальные сельским налогом обложили. Но я вот теперь его вырыл и принес со свидетельством, что я его вырыл, — тут и печать приставлена, чтоб там усмотрели, — да ты глянь на печать-то! — Сынок-то насосался, — аи, дочка?

Милиционерша. А ты не допускай, чтобы росли по своей воле!

1-й крестьянин. Дочка! Ну, нехай, дочка — мала да жива!.. А я ж его и вырвал за это с корнем и с печатью. То-то и горе, что само растет, не усмотришь… Так как же мне теперь оправдаться, чтобы по норме в аккурат налог брали, в нитку…

Милиционерша. Подавай прошение, чего ж ты молча пришел?

Судья *(за дверь, милиционерше)* . Сейчас выходим, бросай кормить!

Милиционерша *(громко)* . Занимай места и садись. Вставай, суд идет!

Все занимают первобытные места. Милиционерша левой рукой держит ребенка, а правой — суду под козырек. Напряженная тишина.

Ащеулов. Мужние жены! Прошу вас без скандалу!

Евтюшкина. Так и знайте, разведемся!

Судья *(дьячит)* . Именем… Нарсуд третьего участка, заслушав дело о взыскании алиментов с комиссии охматмлада узкого состава… постановил… принимая во внимание заявление комиссии охматмлада о правильности ее постановления о родах, в силу чего комиссия поступила законно и вполне принципиально и является хотя и не природным, но фактическим отцом ребенка Башмакова… в силу ее постановления о рождении и дальнейшем существовании… С другой же стороны, принимая во внимание социальное положение гр. Башмакова, И. Пе., а именно дореволюционного солдатского писаря из крестьян-отходников… А также принимая во внимание вынужденную законность действия гр. Башмакова, И. Пе, подтвержденную его бюджетным реестром, дабы поддержать максимальный уровень правосознания в массах… На основании статей гражданского кодекса… постановляется… Комиссии охматмлада узкого состава платить алименты гр. Башмакову, И. Пе…

В зале шум.

Евтюшкина. Разведусь!

Лутьина. Очень культурно!

Судья. Ма-а-лчать!!.. *(Дьячит.)* …алименты гр. Башмакову, И. Пе, на воспитание рожденного по обязательному постановлению вышереченной комиссии младенца в размере одной трети ежемесячного жалованья без прочих доходов каждого узкого члена комиссии…

Из толпы. А широкого?

Судья. Что широкого?

Из толпы. А широким и кооптированным членам не нужно платить?

Судья. Нет. Молчать!.. *(Дьячит.)* Постановление суда окончательное и может быть обжаловано в двухнедельный срок,

Иван Павлович. Я вполне праводоволен.

Ащеулов. Товарищ судья, объясните своими словами, что я — отец только по действию или только по чистому закону? И меня не сократят за принадлежность к отцовству?

Судья. Суд не входит в природное рассмотрение отцовства. Раз вы решили ребенку тому быть, то вы и есть виновники происхождения. Суду не подведомственно знать, кто природный отец.

Комиссия в обалделом трепете. Пауза.

Милиционерша. Встать! Суд уходит!

1-й крестьянин. А когда же наше дело оправдаешь? — Ведь корень лежит-сохнет.

Судья . Какой корень?

2-й крестьянин. А вон он у тебя лежит как факт.

Судья. Корень? Корень нам не обязательно, чтоб свежий. Нам дорого нарушение закона на чистом месте. А на корень глядеть нечего.

Евтюшкина. Разбойники! Разведусь! Будет, пожила с ответственным мужем!

Евтюшкин. Комиссия… Члены!

Евтюшкина. Разбойники!..

Акт III

Помещение узкой комиссии охматмлада — среднерусское учреждение. Посреди комнаты громадный стол для заседаний, и вообще пусто, Лозунги. Дверь приперта конторкой.

Евтюшкин и Лутьин сидят рядом на столе и тоскуют.

Евтюшкин. Мы по закону поступили или нет?

Лутьин. По закону-то по закону, а получается одна слитная тьма.

Евтюшкин. Против молотка лоб не подставишь, хоть мы и идем вдоль справедливости. Хоть бы Ащеулов скорей пришел. Лутьин. А твоя баба как?

Евтюшкин. Да как и твоя — вторую ночь здесь от нее спасаюсь.

Лутьин . Неужели разведутся?

Евтюшкин. Факт — разведутся. Вбить им в голову сочувствие власти никак не возможно. Это же империалистические существа.

Лутьин. А моя пятый день даже не ругается — вот что самое паршивое.

Евтюшкин . И моя.

Лутьин. Значит, у них все в голову поднялось. Надо полагать, разведутся.

Стук в дверь.

(Растерянно.) Опять бабы! Великомученики мы с тобой!

Евтюшкин *(безразлично, ко всему готовый)* . Кто там? — не пустим!

Ащеулов *(из-за двери)* . Пустите. Это я — член Ащеулов.

Оба поспешно отставляют конторку. Дверь отворяется — и оба пятятся в сторону. Ащеулов входит бритый до омоложения и втаскивает за собою узлы.

Евтюшкин . Ты что? — Это ты?

Ащеулов. Я. А что?

Лутьин. А где твоя наружность?

Ащеулов. А я ее сбрил. А то все сразу узнают, что я настоящий член охматмлада… Что в городе производиться — уму не понять!.. Нас все за разбойников считают и даже за хороших людей, как мы на сторону принципиально деньги жертвуем. А зеленей не топчем. Очень большие в городе разногласия… А вы осаду можете снять. Ваши бабы в загс пошли — зачеркиваться. И вот ваше приданое прислали… А с бородой я жить не могу.

Евтюшкин и Лутьин *(вместе)* . Чего?!

Ащеулов. Да вот бурьян снял с личности.

Евтюшкин. Да мы не про бурьян, а про жен.

Ащеулов. Теперь осаждаться не надо, — говорю, пошли расписываться и вот — вещи вам прислали.

Лутьин . В загс?

Ащеулов. Конечно, в учреждение. А то куда же?

Евтюшкин. А это наши вещи?

Ащеулов. Они.

Пауза.

Евтюшкин и Лутьин садятся по-прежнему рядом и понуро на стол.

Лутьин. Мы — что же теперь — холостые, значит?

Евтюшкин. Да-с, послужили… Вместо пользы дела и покоя вышло усложнение процесса. Установку держали на размножение, а сами сиротеем.

Ащеулов. И самое главное — все нас в городе за разбойников считают. Мальчишки за мной бандами носятся, а в спину из калиток бабы-стервы выглядывают. Пришлось обриться.

Пауза.

Дожились!..

Евтюшкин. Прямо хоть коллективным рапортом механически сокращайся.

Ащеулов. Сокращаться не надо. Все-таки лучше за власть держаться, чем за бабу. Баба дело текущее. Вы не унывайте. Все-таки выгодней алименты платить, чем в низовую деревню возвращаться, там одни массы, а более нет ничего.

Евтюшкин. Конечно, к грунту из государства возвращаться не стоит…

Пауза.

Ащеулов. Члены, принимайте вещи, давайте расписки.

Евтюшкин. И нужно же было ребенку происходить!

Ащеулов. Я что — теперь занятий нет. Пишите сначала расписки в сохранности вещей, а я в загс схожу, посмотрю, что на улице движется, он же во втором этаже.

<утрачено 1/5 листа. — Ред.>

Лутьин. И посмотри, как у них выражения лиц.

Ащеулов. Я смотрел. Выражение лиц скудное. Ёвтюшкина Капитолина меня по горбу узлом огрела, когда вещи вручала, как приспешника. А я ваших делов не знаю. А в загс пошли с зонтиками, чтобы на них не капало.

Евтюшкин и Лутьин передают расписки.

Поставь число. Расписались непонятно. Волнуетесь, а лебединых хвостиков нарисовать не забыли. Не запирайтесь — я сейчас!

Ащеулов уходит. Евтюшкин и Лутьин сидят по-прежнему и тоскуют. Пауза.

Евтюшкин. Все-таки запереть надо на всякий случай и вывесить объявление, что прием окончен вследствие рационализации…

Лутьин запирается и садится на прежнее место на стол заседаний.

И может быть, вот в этот самый текущий момент я перевожусь на холостую должность. Лучше бы она меня три недели пилила деревянной пилой, утром и вечером по три часа, а в середине дня по часу… Пускай бы далее на службу ходила мешать заниматься…

Лутьин *(очень грустно)* . И все выходит из-за голой идеи.

Евтюшкин . Вот их тут попробуй и надень, когда они не вещи, а отношения, эти самые идеи…

Лутьин. Отношения ничего не значат, Карп Иваныч, это не силы природы, это не…

Стук. Оба бегут отпирать. Входит деревенская женщина с продуктовым узелочком — жена Ащеулова, отставшая от мужа в культурном развитии.

Ащеулова. Муж-то здесь аль скрылся?

Евтюшкин. Какой муж?

Ащеулова. Товарищ Ащеулов, выдвиженец в начальники.

Лутьин. В какие начальники?

Ащеулова . Да он, сказывают, заведующий над матерями, что ли, по всему уезду… Аи нет?

Евтюшкин. Над ними. Мы тоже заведующие.

Ащеулова *(конфиденциально)* . Касатики, обтолкуйте мне… Сказывают у нас в деревне, будто мой-то в компании с жуликами разбой учинил, — будто втроем они одну бабочку оскоромили, — и будут платить за это большие деньги… Я ему пышек принесла, небось уж всю жалованью отбирают…

Евтюшкин. Преувеличения. Это все для должности делается.

Лутьин. Для науки и знания, гражданка.

Ащеулова . О! Неужли для нее? — и действительно — родили?

Входит Ащеулов.

Ащеулов. Готово — разведены! Покупай пшеничной климовки! *(Увидав жену.)* Алена Фирсовна, — это ты, или так?

Лутьин и Евтюшкин покорно садятся на стол, на первобытные места.

Ащеулова. Батюшка, Василий Степаныч, ужли ж это вы?

Ащеулов. Я.

Ащеулова. А где же ваша личность?

Ащеулов. Это я ее сбрил для пользы дела, для санитарности. При должности с бородой невозможно.

Ащеулова. Аи неволят?.. А тебя без бороды не рассчитают? Тебя за бороду и в город взяли…

Ащеулов (*целуя с превосходством жену)* . Алена, здесь присутствие, а не квартира.

Ащеулова. А я тебе зато пышек напекла. *(шепотом.)* Говорят, ты разбой совершил над женщиной. Наши мужики велели сказать, что — ничего, мол, чтоб прибегал в деревню, мужики тебя утаят… велели непременно сказать…

Ащеулов. Пока еще не требуется. Я живу на рыск.

Ащеулова. Ну, спаси те Христос.

Ащеулов. Какой Христос? — Бога теперь нет.

Ащеулова. Как нет? А где же он?

Ащеулов. Не знаю. Только нет.

Ащеулова. Это почему ж такое?

Ащеулов. А потому что я есть, иначе б меня не было… Ты присядь в уголку на скамейку, а мы пока обсудим. Я ж тут член, тут государственный орган сидит — видишь его?

Ащеулова *(оглядываясь)* . Где он? — Покажь его мне.

Ащеулов. А вот мы втроем… Сядь, отдышься!.. Давай твои пышки-лепешки.

Жена Ащеулова покорно садится в уголку.

Ащеулов *(с узелком, к комиссии)* . Я, значит, вхожу… значит, в загс…

Лутьин. А они, что ж, — ничего? — Не плачут?

Ащеулов. Нет, — ничего… не плачут. Там ведь тоже учреждение, — там не заплачешь, Стоят рядом, и вид у них серьезный, а в руках зонтики, а дождя нету…

Лутьин. И ничего?

Ащеулов. Ничего.

Евтюшкин. Вот стервы безначальные…

Лутьин. А ничего не спрашивали?

Ащеулов. А я с ними не говорил. Я смутился…

Стремительно и надменно врываются с зонтами и четвертушками загсовой бумаги жены Евтюшкина и Лутьина. Они безмолвно суют бумажки в носы мужей. Мужья берут бумажки, Ащеулов сторонится от жен — за стол.

Евтюшкин *(читая с осторожностью)* . Загс… Число… Номер… Штемпель и печать. Ничего нет… Только разведена гражданка Майская… Это какая же Капитолина Майская? —

У нас в городе таковой нету,

Евтюшкина *(полна презрения)* . Это я теперь Майская. Пожила я Евтюшкиной — будет с меня. Закон не только на вас имеется.

Лутьина. А я — Трудовикова! Смердите тут разбойниками без нашего пола!

Евтюшкина. Я теперь за своего любовника замуж выйду.

Евтюшкин. А разве он у тебя есть? — Где он служит?

Евтюшкина . Конечно, буквально есть! Думаешь, только у вас, на основании комиссии?!

Евтюшкин. Ну-ну…

Лутьин. А у тебя, Лида, тоже?

Лутьина . А я вам не Лида больше. И вас не касается, есть или нет… Мы вам документы показали, и платите нам алименты… Идемте, Капитолина Сергеевна!..

Лутьин. Лида, и это, значит, все итоги?

Лутьина. А чего ж вы б еще желали при вашем разбойничьем отношении?

Лутьин . Да я уж вижу, ты даже не дерешься.

Евтюшкин. В них какая-то углубленная проработка идет.

Лутьина. Да мы не желаем теперь о вас и рук марать. Вы для нас теперь одни граждане, а не мужья. Платите теперь нам алименты за двою и за нашу волю. Идемте. Капитолина Сергеевна Пусть посидят, подумают.

Евтюшкина. Жаль, что ты теперь мне не муж, прямо руки чешутся и сердце зудит.

Бывшие жены уходят так же стремительно и достойно, как появились.

Евтюшкин. Вась, припри дверь на всякий случай. Сегодня мы не присутствуем…

Ащеулов закладывает конторкой. Пауза.

Ащеулова. Это вы такими бабочками и командуете? А где же ихние младенцы? Трудная ваша работа!..

Евтюшкин. Нет — и прочими.

Ащеулов. Ты не в свое дело не суйся. В учреждениях люди сидят И не спрашивают… *(Развязывает узелок.)* Питайтесь, сотрудники, за счет моего деревенского социального положения…

Члены едят.

Лутьин *(Евтюшкину)* . Ты теперь холостой?

Евтюшкин. Холостой.

Лутьин. И я тоже… Нельзя ли кассацию подать на незаконность развода, вызванного исполнением долга.

Евтюшкин. Едва ли выйдет. Там кассацию будут рассматривать тоже не мужья, а сожители, — они такие дела оставляют без воззрений.

Лутьин. Все-таки своим женам платить алименты как-то приятнее, чем на сторону… Всю свою жизнь мечтал я прожить научно и тихо, никого не тревожа и на пользу массам, как народ — жить, повиноваться и трудиться… Человек я от природы скромный и исполнительный…

Ащеулов. Как, конечно, сказать… Я так думаю, что одни алименты, как, например, мне, платить лучше, чем вам — туда и сюда…

Лутьин. Я все припоминаю, с какого места беззаконие началось, — и не вижу… Кругом закон, а мы посредине мучаемся.

Ащеулов. Закон законом, а в городе нас за разбойников почитают… Как бы народные волнения из-за нас не начались.

Евтюшкин. Что-нибудь да выйдет… Закон ошибаться не может. Раз нам жалованье идет, то значит, закон не ошибается.

Лутьин. Надо все сызнова продумать.

Ащеулов. Заседать будем?

Лутьин. Да, позаседаться неплохо… На заседаниях — горе утихает.

Ащеулов . Протокол писать или устно поведем?

Евтюшкин . Пиши.

Ащеулова *(со страхом)* . Мне не уйтить?

Ащеулов. Находись здесь!

Лутьин. Заполни предварительные сведения… комиссия… в составе…

Евтюшкин. Комиссия ошибаться не может… Я как председатель… Граждане члены, комиссия ошибаться может или не может?

Лутьин *(отвлеченно)* . А что же они теперь без нас делать будут, — неужто новых любовников заведут? — И им платить алименты!

Ащеулов. Кому?

Лутьин. Новым мужьям…

Евтюшкин. Про жен на заседании забудьте. Они теперь не жены, а вольные просительницы… Может ошибаться или нет?

Ащеулов. Нет!

Евтюшкин. Фиксируй — нет!.. Комиссии… пиши!., беру слово себе, а потом вам. Мы нравственно стоим на деле и умрем на посту…

(Стук в дверь)

Евтюшкин. Опять бабы!..

<Далее утрачены 4 страницы. — Ред.>

Евтюшкин. …и расписку в получении ребенка получите с курьером… Гражданка Башмакова, мы никакие не разбойники, а я председатель, а они члены. Мы на основании закона будем возращать нашего присужденного сына.

Марья Ивановна. И будем жить как разбойники, а не домочадцы. Васька, держи своего сына прямее!..

Ащеулов. Давайте ее кооптируем от греха и примем в штат как мать и технического работника на предмет детального возращения…

Марья Ивановна . Вот я и буду с вами жить как матка, а учетного пса и прочих служащих и обремененных сюда не пускать.

Лутьин. Марья Ивановна, мы будем возращать его по чудесам науки и знания, как двукратно постановила комиссия.

Ащеулов. Давайте ее кооптируем от греха.

Марья Ивановна. Ащеулов, давай сюда сына! Клади его на престол!

Марья Ивановна кладет сына на конторку.

Ащеулов. Убеждаю, давайте ее кооптируем.

Ащеулова. Вася, я побегу… Очень страшно с вами, слухай, что я скажу, если занадобится в деревню прибегать спасаться, — мужики наказывали сказать, — примут тебя, спрячут… Только ты бороду тогда загодя отпусти, а то такого тебя мужички убьют… Ей-бо!..

Ащеулов. Иди, Аленушка, иди от греха! — оставь пышки!..

Евтюшкин. Комиссия… либо правда ее, явочную стерву, кооптировать?.. Прямо разбой — ребенок на письменной конторке лежит и не плачет. Дожились! Ащеулов, пиши выписку из протокола о наших достижениях и наши проекты в губгород, а копию писателю Максиму Горькому!

Акт V

Наиболее рационально использованная жилплощадь: помесь учреждений, детского приюта и жилья. Под плакатом «Дорогу детям, потому что они цветы» — громадная белая люлька под белым балдахином. Явная медицинская научность и мирная жизнь. На первом плане стол, тот же, что был в комиссии охматмлада. Половина стола накрыта скатертью.

Евтюшкин, Лутьин и Ащеулов сидят за столом, тихо заседая. За сценой Марья Ивановна поет. Ащеулов ей изредка подтягивает.

Евтюшкин *(Ащеулову)* . Ты когда же с ней жил?

Ащеулов. А я с ней почти что не жил. Я ею только любовался.

Евтюшкин. Когда любовался-та?

Ащеулов. Да я не любовался. Так, примерно ходил месяцев за девять, либо с половиной, — на краткие собеседования.

Евтюшкин. Значит, ребенок — твой?

Ащеулов. Да она сказывает — мой. Только это теперь к делу не относится, раз отец комиссия.

Евтюшкин. А я с ней жил в двадцать пятом годе… Когда ж это было? С декабря двадцать четвертого, когда колокол начали с собора спускать, — по январь двадцать шестого включительно, как раз она с Башмаковым зафиксировалась. Тогда же я и свое назначение получил в охматмлад.

Лутьин. А я с ней теперь живу ввиду исключительности… обстоятельств.

Ащеулов. А я изредка…

Лутьин роется в кипе бумаг.

Евтюшкин *(лирически)* . Времена теперь такие пошли, весь город живет сплошь как одно семейство, и все родственники беззависимо от пола и должности… Ну ладно, поговорили неофициально, теперь пора перейти на текущие моменты. Докладай, Лутьин, по медицинской линии.

Лутьин. Вот с цифражом вам пора бы ознакомиться.

Евтюшкин. Докладай цифраж. Ащеулов, пиши.

Лутьин . Да писать-то много не надо. Вешаю ребенка по три раза в день, в весе не прибавляется, но и не убывает, стоит на балансе. Выношу его каждодневно на мороз на два часа, для вентиляции легких…

Евтюшкин. А еще какие мероприятия пускаешь?

Лутьин. Более пока ничего, жду достижений… Посетителей сегодня было — на предмет осмотра наших основных принципов коллективного воспитания — 31 человек. Судя по статистике цифража, наши принципы проводятся срочно в жизнь. Иначе куда у населения впечатления деваются? — Явно в подобные дела уходят.

Евтюшкин. Прямо не живем, а состоим в музее… будущее на руках вынашиваем… Мне бы тоже надо поработать, только некуда применить основное умение. Приходится, в зависимости от косвенных причин малолетства, ждать, когда вырастет. Я из него впоследствии, как вырастет, до возмужалости, буду госмужа делать.

Ащеулов . Я тоже. По соответствующим постам. *(Зевает, отрывается от протокола и поет, подхватывая мотив М.И.)* Э-эх, ва субботу, да в день ненастный, нельзя в поле работать…

Евтюшкин и Лутьин *(продолжая песню)* . Нельзя в полюшке работать, ни боронить, ни пахать.

Марья Ивановна *(входя, поет вместе с членами песню)* . Прощай, девки, прощай, бабы… — Чай, что ли, пить будем, разбойнички?

Ащеулов. А воду поджарила?

Евтюшкин. Который пока час?

Лутьин. Время пить, обед переварился.

Евтюшкин. Комиссия желает чай пить.

Марья Ивановна. Есаул, иди, неси самовар.

Ащеулов уходит за самоваром. Лутьин и Евтюшкин разуваются.

Лутьин. Пищу принимать босому спокойней, кровеобращение облегчается.

Евтюшкин. Ноги — испаряются, а не потеют, хотя мы люди не болящие.

Ащеулов вносит самовар.

Ащеулов. Угар несу. Атаманша, наливай чаю всем членам и себе.

Ащеулов также разувается.

Либо мне бороду сызнова отпустить? — Скучно без шерсти…

Лутьин. Отпусти обратно, а то тебя посетители за малолетнего принимают…

Марья Ивановна. Ну, разбойнички, садитесь наслаждаться вкруговую, приступайте к вольной жизни.

Лутьин *(отхлебывая чай)* . Тихая жизнь… Никогда так планомерно не жил, — вот что значит безбабие…

Стук а дверь.

Евтюшкин. Ежели на предмет осмотра демонстрантов, то пускай ходят по расписанию, завтра с одиннадцати до часу пополудни.

Входит человек, Странник Земного Шара, в башлыке, с вещевой сумкою и с посохом.

Странник. Здесь в узком месте матерняя комиссия живет?

Евтюшкин. Здесь. А тебе чего?

Странник. Да пришел осмотреть ваши достижения. Сказывают, здесь мужики женщинами стали.

Ащеулов. Это им показалось.

Странник. И верно. Вы на баб не похожи… А она вон *(в сторону Марьи Ивановны)* вылитая баба. Может, она баба и есть?

Марья Ивановна. Я не баба, я — атаман.

Странник. О?

Евтюшкин. Ты чего бродишь-то? — Во-первых, у нас смотреть нечего, у нас вещей нету, а есть отношения. А во-вторых, явись завтра от одиннадцати до часу, если хочешь посмотреть. А сейчас мы отдыхаем.

Странник. Ну, покажь хотя бы отношения. Я двести верст прошел — на вас посмотреть, как же можно… Народ повсюду томится. Не то дружбы, не то злобы ищут, не то харчами недовольны…

Ащеулов. Вали, друг, на постоялый двор. Возьми кусок сахару…

Странник уходит, поторапливаемый Ащеуловым.

Лутьин. Работы у нас на все двадцать четыре часа.

Евтюшкин. Еще бы. Народ с периферии тронулся — в силу своевременности наших мероприятий… Налей вторую, доброволица…

Марья Ивановна *(наливая через край)* . Вот это я понимаю, жизнь. Живу и что хочу делаю, а делать я ничего не хочу. Не то что коз у Башмака доить. Он, черт, меня, как бухгалтерскую графу, учитывал, словно я вещь, а я отношение.

Евтюшкин. Ты не отношение — ты соотношение социальных условий, социальная надстройка, баба на базе.

Марья Ивановна. А мне все равно, кто я есть. Мне бы только жить.

Стук в дверь.

Ащеулов. Кого еще там несет?

Марья Ивановна. Дань надо брать с этих посетителей.

Лутьин. Нельзя брать, сочтут за взятку.

Евтюшкин. А можно оформить как пособие для финансирования будущего, раз мы вроде музея.

Ащеулов *(отпирая дверь)* . Ну кто там еще? — В комиссии ребенок спит, а вы гремите,

Входят Башмаков и Рудин в чрезвычайной поспешности.

Евтюшкин (*Ивану Павловичу)* . Ты зачем сюда пришел без повестки?

Иван Павлович. Сейчас объясню.

Глеб Иванович. Марья Ивановна, сподвижница, здравствуйте!

Марья Ивановна. Здравствуй, здравствуй, сподвижник.

Иван Павлович. Мы пришли по внеочередному делу.

Марья Ивановна. А ты не боишься, что я тебя здесь израсходую?

Иван Павлович *(ехидно)* . Нет, М.И., не боюсь, потому что я теперь всю вашу подноготную тайну постиг! *(к комиссии.)* Граждане члены комиссии и председатель! Я должен сделать вам внеочередное заявление. На основе чистосердечного признания гражданина Рудина, Глеба Иваныча… Глеб Иваныч, подтвердите… и в силу политических моих убеждений, благодаря состоянию моей законности, — иначе меня сократят… Глеб Иваныч, повторите ясно при всех ваше чистосердечное раскаяние и за меня не стыдитесь.

Глеб Иванович. Я…

Иван Павлович. Пришел ко мне сейчас гражданин Рудин и внезапно рассказал, одновременно покаявшись… Говорите, Глеб Иваныч, ради закона я терпелив.

Евтюшкин. Тогда мы откроем экстренное заседание комиссии для заслушания устного заявления гражданина Рудина, чтобы оно из устного стало документальным. Ащеулов, фиксируй показания. Говорите, гражданин Рудин.

Глеб Иванович. В газетах все пишут — чудеса науки и техники в массы, безбожие в массы, иностранные языки в массы, — а масс на самом деле и нет, а есть отдельные личности вроде меня, и между личностями идут конфликты, — какие же это массы, раз слитности нет? Надо поступать лично, а не в массовом масштабе, когда ничего не видно и все одинаково.

Евтюшкин. Ащеулов, фиксируй. Представитель милиции говорит, — масс нету, — и что будто есть одни конфликты.

Ащеулов. Беру на заметку,

Глеб Иванович. Я Марии Ивановне сколько раз говорил, а она меня вон гонит и не слушает моих начинаний, говорит, что я не выдающийся и тихий человек, — а кто выдается — того у нас в исправдом сажают.

Ащеулов. А ты не выдавайся зря, иди с массой в ногу. А когда нужно, тебя массы сами выдвинут, как меня.

Глеб Иванович. Я и не выдаюсь никуда… И вот я, несмотря на мои нравственные убеждения держать интимности в секрете, для спасения индивидуального дела, пришел и сказал Ивану Палычу, страдая посреди себя: Иван Палыч, я находился с вашей женой, у нас была любовь, секретная от вас…

Ащеулов. А у кого она не была?

Лутьин. А ты пиши, секретарь, и помалкивай.

Евтюшкин. Продолжай дальше, Рудин. Служащий для женщин не любитель.

Глеб Иванович. И я говорю Ивану Павловичу. Простите мою слабосердечность и не поминайте лихом мою любовь с вашей супругой, А теперь я обращаюсь к вам, Иван Палыч, не для того, чтобы оскорбить ваши мужские качества, а чтобы доказать вам, что ныне коллективно и благополучно воспитываемый в комиссии ребенок, бывший ваш, — есть мой сын, а я лично против коллективного воспитания и хочу воспитывать моего сына по своему усмотрению и душевности совместно с любимой женщиной, на основании естественных и земных принципов… Иван Павлович сначала расплакался от обиды, а потом испугался, что я с нею жил и ни с кем не ссорился под его крышей, и сейчас же повел меня сюда.

Евтюшкин. Ну и жил. Комиссии это не подведомственно. Мало ли кто жил.

Марья Ивановна, А ты не каркай.

Евтюшкин. Я иносказательно… Если бы он в открытом месте жил, а то в тишине частного дома, и никто не видел.

Ащеулов. Комиссию факт жизни не интересует, она заведует матерями, отнюдь не родителями.

Марья Ивановна. Да я с ним всего две недели и была в отношениях. Скорбящий он человек, и никакого в нем бунту, помирать с ним подручно либо в козла играть.

Глеб Иванович. Я, конечно, со всеми вами согласен, что вы правильно рассуждаете, но, между прочим, ребенок-то мой, и я ему полнокровный отец,

Ащеулов. И все ты врешь!

Глеб Иванович. Положа руку на сердце — не вру, потому как Иван Палыч, по моим

сведениям, от неустанно честной службы потерял способность множиться…

Иван Павлович. Это, положим, фактически еще неизвестно. У нас один ученый в городе в девятьсот третьем году ездил к мордве и измерял объемную величину расового корня, а потом письменно сверялся с чувашами и башкирами. Самый большой расовый корень — на основании науки — у русских. А я — русский, несмотря на мой возраст… Но это лишь предпосылка и к делу прямого отношения не имеет, раз Глеб Иваныч признался в своем отцовстве, чему я с прискорбием рад. И вот, как он признался, ко мне сразу пришли следующие закономерные соображения, нарушить которые я не могу в силу моих политических убеждений, поскольку я состою на службе по учетной линии и меня могут сократить за нарушение убеждений. Я все понял и сразу пришел к вам, так как на основании законов мужем считается не тот, что состоит в зарегистрированном супружестве, а тот, кто фактический отец, — и он, то есть фактический отец, должен заботиться о судьбе сына. А раз отец — Глеб Иваныч, — то он и должен подавать на вас в суд на алименты, а не я, — либо не подавать по его личному или нравственному усмотрению.

Ащеулов. Ты — что же — будешь подавать? — И охота тебе была, Глеб Иваныч, усложнять историю потомством?

Лутьин. Стало быть, произошла судебная ошибка?

Иван Павлович. Вот именно! Я ж и говорю! Это меня и волнует до сердца в силу моей необходимой законности.

Лутьин *(Ащеулову)* . Тут не усложнение, а прояснение. Здесь целый культурный пробел.

Иван Павлович. Вот именно! Прошу все дело начать рассмотрением сначала.

Евтюшкин. Ащеулов, фиксируй неотлучно. Здесь лежат неизвестные моменты, и неизвестно, куда обернет закон при новых обстоятельствах.

Иван Павлович. Вот именно! Совершенно верно! Я ж и говорю, раз я не являюсь на основании законов фактическим отцом, то я и ликвидируюсь в сторону и глубоко извиняюсь за все предшествующее беспокойство учреждений.

Ащеулов. А закон обратную силу имеет или нет?

Марья Ивановна. Я тебе возымею обратную силу, учетный пес! Я тебе дам, чтобы все сначала, это ты к тому клонишь, чтобы я к тебе вернулась. Я тебе вернусь! Я конца света хочу, учетный морж!

Глеб Иванович. Это я хочу, а не он, — и не к нему, а ко мне! Мы жить обратно не будем, мы вперед…

Лутьин *(Ивану Павловичу)* . В чем же существо вашего нового иска — давайте четко подумаем сначала. Выходит, жены у вас нет, сына тоже нет, зато вы есть… А в результате вас и мы тоже жен и детей решились, но сами остались и воспитываем неизвестного сына, будущего человека. А что из него выйдет, никто не знает… При чем же вы-то здесь, раз вы не отец, не муж, а вообще инородный обыватель?

Иван Павлович. Вот именно. Я и пришел заявить, что я здесь ни при чем и никакой ответственности в дальнейшем не подлежу, что и прошу записать в протокол.

Ащеулов. А если мы тебя привлечем?

Иван Павлович. Невозможно, нет никаких оснований, раз я ни при чем, не отец, не муж Ведь государство не степь, оно само стоит на основании.

Евтюшкин. Ну а мы при чем в таком разе? — Чем ты можешь удостоверить?

Глеб Иванович. А разве кто чего удостоверит, когда главный мир стоит без документов.

Иван Павлович. Как без документов?

Глеб Иванович. Да ведь заявление подается подателем сего, а кто удостоверит самого подателя, прежде чем он подаст о себе заявление?

Ащеулов. Я на что хочешь мандат напишу, хоть на орбиту.

Глеб Иванович. Вы-то напишете, а орбита вам — нет!

Лутьин. А ведь действительно, мир никем не удостоверен.

Евтюшкин. Стало быть, он юридически не существует.

Лутьин. А как комиссия тогда существует?

Евтюшкин. И мы при чем здесь?

Ащеулов. Где?

Евтюшкин. В комиссии.

Ащеулов. Чтобы руководить.

Евтюшкин. Да чем руководить-то, раз мир юридически не существует?

Лутьин. Существует или не существует — не окончательно удостоверено. Башмаков от всего отказывается, — а мы, несмотря на это, лишились жен и оказались штатными воспитателями комиссии охматмлада.

Глеб Иванович. Вот я и хочу подойти индивидуально и тесно. Умоляю вас, давайте все это бросим…

Марья Ивановна. Я тебе брошу, — ты поднять не умеешь.

Глеб Иванович. Мария Ивановна! Давайте возьмем нашего любимого сына, и пойду я с вами, моя любимая будущая жена, на свою квартиру… Я ее побелю, а на дворе колодезь вырою, чтобы вам за водою не ходить… Марья Ивановна, сподвижница моей единственной жизни! Ведь я вас люблю углубленнее себя!.. Будем жить на пользе симпатии и. любезности.

Ащеулов. Трогательно говорит!.. Даже писать скучно.

Глеб Иванович. Будем жить на природном основании, как верные голуби, дети чистого воздуха.

Марья Ивановна. Не желаю я голубиной жизни, — будет, пожила, — я хочу быть хищницей вроде коршуна, и никуда я отсюда не уйду, от этих разведенных разбойников.

Глеб Иванович. Марья Ивановна, умоляю, пойдемте, вы тут загрустите, вы женщина душевная, а не служебная.

Марья Ивановна. Ты скорбеть надо мной будешь. И ребенок не твой, а Васькин.

Ащеулов. Не усложняй, атаманица!

Глеб Иванович. Не верю, я кровью чувствую, что ребенок мой!

Марья Ивановна. А я тебе говорю без чувства!

Евтюшкин. Ащеулов, ты фиксируешь или только думаешь?

Ащеулов. Я сбился. Они говорят неорганизованно.

Иван Павлович. Мне можно уйти?

Евтюшкин. Зачем?

Иван Павлович. Я бывшей супруги стесняюсь, у нее настроение набухает, и третий муж объявился, — значит, тем более я ни причем.

Евтюшкин. По нашим временам мужей считать не обязательно… Как же ты уйдешь?

Марья Ивановна. И проваливай в свою пещеру, пока мы тебя не вычли.

Иван Павлович. До свидания, граждане, я больше здесь не потребен.

Евтюшкин. Как не потребен? — Тогда и мы тоже не потребны, а ребенок зачался и кончился сам по себе. Тогда и мы уйдем, и ребенок неизвестно с кем останется в одиночестве.

Ащеулов. Мы столько проработали вопросов, что стоим уже накануне достижений. Ежели все отменять на самом конце, то у нас активности не хватит начинать сначала. Вишь сколько бумаги придется переписывать, а писать придется опять автоматически.

Лутьин. Активности хотя хватит, мир, говорят, миллион лет существует и до сих пор цел…

Евтюшкин. Идти нам некуда.

Бесшумно и без стука, но страшно авторитетно входят: Старший рационализатор, Евтюшкина, Лутьина и Женщина-милиционер. Вскорости за ними проникают на порог Странник и Два крестьянина, те, что были на суде с кустом. Пауза.

Марья Ивановна. Вы кто такие?

Пауза.

Марья Ивановна *(нагло поет)* .

Чтоб на службу поступить,
То в союзе надо быть,
Чтоб в союз нам поступить,
То на службе надо быть!..

Старший рационализатор *(выслушав частушку)* . Гражданка, ваше пение прекращается. Комиссия охматмлада здесь существует?

Евтюшкин. Здесь. В полном узком составе. Я ее председатель.

Евтюшкина. Ну-ка, поди, поди сюда, председатель.

Старший рационализатор. Повремените, гражданка Майская, с вашим мужем… *(К Евтюшкину.)* Вы посылали копию ваших достижений в губгород и товарищу Максиму Горькому?

Евтюшкин. Посылали. Ащеулов, достань копию достижений. А вы кто по должности будете? — У вас мандат есть или мы вас так должны знать?

Старший рационализатор. Я старший рационализатор из губгорода, приехал обследовать вас и прочее на основании жалобы ваших бывших жен, гражданок Майской и Трудовиковой, а также на основании вашей копии достижений товарищу писателю Максиму Горькому.

Ащеулов *(Евтюшкину)* . А он нас не сократит?

Евтюшкин *(Ащеулову)* . Едва ли, ты стой пока тактично.

Жены Евтюшкина и Лутьина энергично начинают гробить комнату, собирая вещи, выданные мужьям при разводе.

Иван Павлович. Мне можно уйти?

Старший рационализатор. А вы кто такой?

Иван Павлович. Я здесь ни при чем. Я гражданин Башмаков.

Старший рационализатор. Башмаков? — Отец ребенка или прочий?

Иван Павлович. Да-с, предполагаемый отец. Настоящие отцы — или Рудин, или Ащеулов, двое из них, а законный — комиссия.

Старший рационализатор. Останьтесь присутствовать. Который Рудин?

Евтюшкина. А вон стоит мирный человек в милицейской фуражке, идол тоскливый.

Старший рационализатор. Вы кто?

Глеб Иванович. Я, изволите видеть, отец, но не могу достигнуть сына.

Старший рационализатор. Кого достигнуть и кого отец?

Глеб Иванович. Отец своего сына и его же тщетно достигаю…

Старший рационализатор. От бывших жен Капитолины Майской и Лидии Трудовиковой поступило заявление об незаконных основаниях их развода. Однако причиною указывается закон и то, что вы на основании постановления суда принялись сразу платить алименты, а это, в свою очередь, беззаконие, так как комиссия охматмлада должна не платить, а лишь руководствовать… Ведь если все комиссии будут оплачивать свое руководство, то тогда не будет обязанностей у руководимых.

Ащеулов. Надо начинать все сначала? — Тогда нам еще год надо работать по этому неисчерпаемому делу.

Старший рационализатор. Вот именно, надо начать все сначала.

Евтюшкин. Хорошо, начнем.

Евтюшкина *(мужу)* . Я тебе начну сначала!

Ащеулов. Заняться фиксировкой?

Старший рационализатор. Чего фиксировать?

Ащеулов. Мы заседаем или так находимся?

Старший рационализатор. Как заседаем?

Евтюшкин. А потому, если не заседаем, то неизвестно, к кому вы обращаетесь, потому что вне комиссии мы думать на эти мысли не обязаны, как мы тогда механически

становимся честными гражданами.

Старший рационализатор. Тогда, считайте, заседаем.

Ащеулов. Считаем,

Глеб Иванович. Гражданин старший рационализатор! Отдайте мне моего сына!

Ащеулов *(тихо)* . Бери!

Старший рационализатор. Повремените, гражданин… Повеляю кротко и ясно на основании соответствующих постановлений губорганов. Судебный процесс об алиментах направить к пересмотру, беря за исход моменты зачатия и рождения ребенка… Повеляю гражданину Башмакову взять сына в исходное положение вместе с женою…

Марья Ивановна. Так я и пошла!

Старший рационализатор. Жене Башмаковой следовать за мужем. Комиссии быть в силе и продолжать работу, подавая на Башмакова немедля в суд. Башмакову по суду отвечать. Бывшей Евтюшкиной, а теперь Майской, а также бывшей Лутьиной, а ныне Трудовиковой, по непременному согласию со своими мужьями состоять в первобытном браке, как они о том ходатайствовали.

Ащеулов. А мне куда деваться?

Старший рационализатор. Подождите, я не кончил.

Иван Павлович. Гражданин рационализатор! Ведь я же не отец!

Старший рационализатор. Как не отец, когда вы супруг?

Иван Павлович, Если вы комиссию из отцов аннулируете, тогда пусть отцом будут либо Рудин, либо Ащеулов, раз они относились к моей жене больше моего…

Старший рационализатор. Какой Ащеулов и какой Рудин?'

Глеб Иванович. Вот я, я несогласованно поступал, меня в деле нет.

Старший рационализатор. А надо бы себя увязывать… Повеляю. Непременно приступать к выполнению моих повелений, не откладывая на минуту.

Лутьина. Муженек, идите теперь сюда, связывать вашу скатерть.

Лутьин. Зачем ее связывать?

Евтюшкина. Карпий, поди сюда! — Мы вам покажем — зачем!..

Евтюшкин. Погоди, разведенная гражданка, в силу входить… Гражданин рационализатор, у нас заседание закрывается, раз жены вступили, или длится?.. Ваши слова — окончательное постановление или нам надлежит апеллировать?

Старший рационализатор. Не надлежит. Категорически отрицательное.

Ащеулов. А я теперь кто же? — Они к женам пойдут, а мне куда?

Лутьин. Нам прямо и идти к женам, вещи в комиссии оставить или обратно?..

Старший рационализатор. Идите к женам с вещами.

Лутьина. Иди-ка сюда, муженек, на собеседование.

Лутьин. Я что же, я всегда тебя любил, Лидочка.

Евтюшкин *(жене)* . И мне идти к тебе?

Евтюшкина. Иль еще не набегался?!

Мужья идут к женам: Лутьин покорно Евтюшкин — нехотя.

1-й и 2-й крестьяне *(перебивая друг друга)* . Товарищ улучшатель ихней жизни, а ты заодно и нас разбери вот, как и мы аннулировали наших жен и вырос лишний корень.

Старший рационализатор. Подожди, стой в сторону, разберем вас. *(к страннику.)* А этот чего стоит?

Странник. А я стою и смотрю отношения, а сам живу.

Ащеулов. А я теперь кто же? — Они к женам в основное положение, а мне куда?

Старший рационализатор. Вы — как желаете.

Глеб Иванович. Умоляю вас, отдайте мне моего ребенка!

Старший рационализатор. Гражданин Башмаков, озаботьтесь забрать вашего ребенка и жену.

Марья Ивановна. Разбойники! Евтюшкин! Лутьин! — Куда же вы пошли, на кого же я осталась? Васька, иди сюда, спасайся! Спасай меня от учетного пса, не пойду я к нему, к

нему — как в петлю!

Ащеулов. Мне нельзя, я тоже женатый.

Марья Ивановна. Васька — отказываешься? А кто собирался со мной в леса убегать, сказывал, что там нас мужики…

Ащеулов. Я забыл.

Глеб Иванович. Марья Ивановна, сподвижница!

Старший рационализатор. Гражданин Башмаков, берите своего ребенка. Милиционер!

Марья Ивановна. Не дам! Васька, бери своего сына, бежим в леса!

Марья Ивановна бежит к люльке вместе с Глебом Ивановичем. Страшный крик.

Глеб Иванович. Мертв. Мальчик.

Пауза.

Ащеулов. Гражданин рационализатор, — отметить в протоколе смерть ребенка для формы дела или так оставить?

Милиционерша *(плачет вместе с Марьей Ивановной)* . Ма-а-анюшка…

Два милиционера — Рудин и милиционерша — обнимают Марью Ивановну.

Конец

Шарманка

Пьеса в трех актах, шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Щоев — заведующий кооперативной системой в далеком районе.

Евсей — его заместитель.

Опорных, Клокотов — кооперативные агенты-заготовители.

Годовалов — представитель пайщиков, лавкомиссия.

Евдокия — выдвиженка.

Первая служащая.

Первый служащий.

Алеша — бродячий культработник с музыкой.

Мюд — девушка-подросток, подруга Алеши по общей работе.

Кузьма — железный человек, аттракцион группы Алеша-Мюд.

Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен — датский профессор-пищевик, прибывший с целью приобрести «ударную душу» СССР для Западной Европы.

Серена — его дочь, девица.

Говорящая труба на столе Щоева.

Агент из совхоза.

Чуждый человек.

Четыре девушки-осоавиахимовки.

Пожарный.

Милиционер.

Кольцевой почтальон.

Детские лица, глядящие в окно учреждения.

Двое рабочих, разбирающих строение.

Несколько служащих — мужчин и женщин.

Люди из кооперированного населения.

Люди в очереди у парка культуры и отдыха.

Двое или трое прохожих строителей.

Работники прилавка у дверей кооперативов.

Акт первый

Картина первая

Районная местность. Дорога в даль страны; попутные деревья, которые шевелит редкий ветер; влево — постройка в пустоте горизонта, вправо виден небольшой город — районный центр. Над городом флаги. На краю города стоит большое жилье в виде амбара, над ним флаг, на флаге нарисовано кооперативное рукопожатие, которое можно понять издали.

Ветер и безлюдье. Далекие флаги трепещут. Над землей солнце и огромный летний день. Вначале, кроме ветра, все остальное тихо. Затем слышатся звуки движущегося железа. Неизвестное тяжкое железо движется, судя по звукам, медленно, еле-еле. Девичий голос устало поет негромкую песню. Песня приближается вместе с железом.

На сцену выявляется механическая личность — Железный человек, в дальнейшем называемая Кузьмой. Это металлическое заводное устройство в форме низкого, широкого человека, важно вышагивающего вперед и хлопающего все время ртом, как бы совершая дыхание. Кузьму ведет за руку, вращая ее вокруг оси, как руль или регулятор, молодой человек в соломенной шляпе, с лицом странника — Алеша. Вместе с ним появляется Мюд — девушка-подросток. Она держит себя и говорит — доверчиво и ясно: она не знала угнетения. За спиной у Алеши шарманка. Вся группа дает впечатление, что это пешие музыканты, а Кузьма их аттракцион. Кузьма вдруг останавливается и хлопает нижней челюстью, будто хочет пить. Группа стоит среди пустого светлого мира.

Мюд . Алеша, мне на свете стало скучно жить…

Алеша . Ничего, Мюд, скоро будет социализм — тогда все обрадуются.

Мюд . А я?

Алеша . И ты тоже.

Мюд . А если у меня сердце отчего-то заболит?!

Алеша . Ну что же: тогда тебе его вырежут, чтоб оно не мучилось.

Пауза. Мюд напевает без слов. Алеша всматривается в пространство.

Мюд *(от напева переходит к песне)* .

По трудовой, веселой дороге
Идем мы босые, пешком, —
Осталось идти нам немного:
Построен счастливый наш дом…

Алеша, я задумалась — и вышло: у меня сердце заболело оттого, что я оторвалась от масс…

Алеша . Ты живешь ненаучно. От этого у тебя болит всегда что попало. Я тебя, как наступит социализм, так изобрету всю сначала — и ты будешь дитя всего международного пролетариата.

Мюд . Ладно. А то ведь я при капитализме родилась. Два года при нем вся страдала… *(Обращается к Кузьме, касается его руками, — Мюд всегда трогает руками тех людей и предметы, с которыми вступает в отношения)* . Кузьма, скажи мне что-нибудь умное-умное!

Кузьма чавкает человеческой пастью. Алеша переводит какое-то устройство в обшлагах Кузьмы и держит его руку.

Ну, Кузьма же!

Кузьма *(деревянным равнодушным голосом, в котором всегда слышится ход внутренних, трущихся шестерен)* . Оппортунка…

Мюд *(прислушивается)* . А еще что?

Кузьма . Рвачка… Бес-прин-ципщина… Правый-левый элемент… Отсталость… тебя возглавить надо!

Мюд . А еще я кто?

Алеша делает манипуляцию в руке Кузьмы.

Кузьма . Ты классовая прелесть… Ты сугубый росток… Ты ударник бедняцкой радости… Мы уже…

Мюд *(быстро)* . Знаю-знаю: мы уже вступили в фундамент, мы уже обеими ногами *(движется и приплясывает)* , мы вполне и всецело, мы прямо что-то особенное!! Кузьма… Мы прущая масса вперед!.. *(Из Кузьмы далее идут холостые неразборчивые звуки)* .

Мюд *(Кузьме)* . Я люблю тебя, Кузя, ты ведь бедное железо! Ты важный такой, а у самого сломатое сердце и тебя выдумал Алеша! Ведь тебя быть не может, ты — так себе!..

Кузьма молчит и не хлопает ртом. Гудит паровоз вдалеке.

Алеша . Пойдем, Мюд. Уж скоро вечер. На земле настанет тоска, а нам надо есть и ночевать.

Мюд . Алеша, у меня все идеи от голода болят! *(Трогает свою грудь)* .

Алеша *(касается Мюд)* . Где?

Мюд . Там, Алеша, где у меня бывает то хорошо, то нет.

Алеша . Это вредительство природы, Мюд.

Мюд . Она фашистка?

Алеша . А ты думала — кто?

Мюд . Я тоже думала, что она фашистка. Вдруг солнце потухнет! Или дождь — то капает, то нет! Верно ведь? Нам нужна большевицкая природа — как весна была — правда? А это что? *(Показывает на местность)* . Это подкулачница, и больше ничего. В ней планового начала нету.

Кузьма невнятно рычит. Алеша регулирует его, и он умолкает. Кратко, вблизи гудит паровоз.

Алеша . Пускай она посветится еще. *(Глядит на местность)* . Мы ее тоже ликвидируем скоро, как зажиточное привиденье. Мы ведь ее не делали, зачем же она есть?!

Мюд . Поскорей, Алеша, а то ждать скучно.

Слышны шаги людей.

Кузьма *(бормочет)* . Нереагирование на активность…

Мюд . Что он?

Алеша . Это у него остаточные слова застряли. *(Регулирует Кузьму на его затылке)* .

Приходят человека два-три строителей — с сундучками, с пилами, с флагом в руках переднего.

Мюд . Вы кто — ударники или нет?

Один из строителей . Мы, барышня, — они!

Мюд . А мы культработники. Нас колхозная избушка-читальня послала…

Один из строителей . Вы что ж, побирушка, что ли?

Мюд . Алеша, они — идиотизм деревенской жизни!..

Кузьма *(рычит что-то, затем)* . Живите смирно… Сейте кенаф и клещевину… *(Гудит дальше и умолкает; слышится трение внутри механизма)* .

Один из строителей . Сыграй, малый, и нам что-нибудь — для упоенья.

Алеша . Счас. *(Заводит Кузьму сзади)* .

Мюд . Клади пятачок в Кузьму. *(Показывает, куда класть — в рот)* . Это на культработу с единоличными дворами. Вы ведь любите дворы?

Один из строителей кладет пятак Кузьме в рот. Кузьма жевнул челюстью. Алеша берет Кузьму за руку и ставит шарманку на игру. Кузьма заскрежетал неразборчиво. Алеша стал играть на шарманке ветхий мотив. Кузьма запел более внятно.

Мюд *(поет вместе с Кузьмой)* .

Все-мир-но-му про-ле-та-ри-ю,

Власть держащему, —
Слава!
Под-ку-лач-ни-ку, перегибщику, аллилуйщику,
Дву-руш-нику, беспринципщику,
Правому и левому
И вся-кой темной силе —
Веч-ный по-зор!..

Другой строитель *(выслушав)* . Продай нам железного оппортуниста!

Мюд . Кузю-то?! Что ты, он нам самим дорог. А на что?

Другой строитель . А для утехи. Бог же в свою бытность завел себе черта. Так и мы — будем себе держать оппортуниста!

Один из строителей *(Алексею)* . На, парень, тебе рубль за выдумку. Поешь, а то голова ослабнет.

Алеша . Не надо, Ты лучше свой расценок понизь на постройке, а я везде почую твой рубль.

Мюд . Мы себе денег не берем — мы любим советскую валюту.

Кузьма . …Ххады — херои… Живите потихоньку…

Алеша регулирует Кузьму, и тот замолкает.

Алеша . Все время в нем какие-то контровые лозунги бушуют. Не то он заболел, не то сломался!

Мюд *(строителям)* . Ну, вы идите, идите. Нечего вам стоять, когда пятилетка идет!

Один из строителей . Ну и барышня! Кто только ее мамаша была!

Другой строитель *(вразумительно)* . Социальное вещество.

Строители уходят.

Мюд . Пойдем, Алеша. Я хочу чего-нибудь сытного.

Алеша *(налаживает Кузьму)* . Сейчас пойдем… Что ты, жабочка, страдаешь все? Ты привыкни!

Мюд . Ладно. Я ведь люблю, Алеша, привыкать.

Появляется Стерветсен и его дочь Серена, девушка-европеянка, с монгольским лицом, на бедре у нее изящный револьвер. Оба они с чемоданами, в дорожных плащах. Прибывшие раскланиваются, здороваются с Алешей и Мюд, а также с Кузьмой; Кузьма медленно подает руку в ответ Серене и Стерветсену. Иностранцы говорят по-русски, степень искажения языка должен определить сам актер.

Стерветсен . Здравствуйте, товарищи активщики…

Серена . Мы хотим быть с вами… Мы любим всю горькую долю!

Мюд . Ты врешь, у нас нету теперь доли. У нас теперь лето, у нас птички поют, у нас строится такое! *(К Алексею — другим, мирным тоном)* . Алеша, она — что?

Алеша . Зажиточная, должно быть.

Кузьма . Хады…

Алеша укрощает Кузьму.

Мюд *(к иностранцам)* . Вы что такое?

Стерветсен . Мы… теперь неимущий дух, который стал раскулачен.

Серена . Мы читали, и нам производили… Папа, информасьон?

Стерветсен . Четкое собеседованье, Серен.

Серена . Собеседованье, когда говорили: вы буржуазию, и еще раз полклясса и еще крупный клясс четко послали на фик!

Мюд . Она хорошая, Алеша. Мы их на фик, а они с фика, и сама же ясно говорит…

Стерветсен . Я был молод и приезжал давно в Россию существовать. Я жил здесь в девятнадцатом веке на фабрике жамочных пышечек. Теперь я вижу — там город, а тогда здесь находился редкий частичный народ и я плакал пешком среди него… да, Серен!

Серена . Что, папа? Кто эти люди — батраки авангарда?

Мюд . Ты дурочка-буржуйка: мы поколенье — вот кто!

Стерветсен . Они — доброе мероприятие, Серен!

Алеша . А вам что здесь надо среди нашего класса?

Стерветсен . Нам нужна ваша небесная радость земного труда…

Алеша . Какая радость?

Стерветсен . У вас психия ударничества, на всех гражданских лицах находится энтузиазм…

Мюд . А вам-то что за дело?.. Раз мы рады!

Стерветсен . У вас организована государственная тишина и сверху ее стоит… башня надлежащей души…

Мюд . Это надстройка! Не знаешь как называется — мы вас обогнали!!

Стерветсен . Надстройка! Это дух движения в сердцевине граждан, теплота над ледовитым ландшафтом вашей бедности! Надстройка!!! Мы ее хотим купить в вашем царстве или обменять на нашу грустную, точную науку. У нас в Европе много нижнего вещества, но на башне угас огонь. Ветер шумит прямо в наше скучное сердце — и над ним нет надстройки воодушевления… У нас сердце не ударник, оно… как у вас зовется… оно — тихий летун…

Серена . Папа, ты скажи им, что я…

Кузьма . Рвачка! Сила элемента…

Серена *(на Кузьму)* . Он знает все, как патрон…

Мюд . Кузя-то? Он ведь нам подшефный элемент!

Стерветсен . Где у вас разрешается закупить надстройку? *(Показывая на город)* . Там?.. Мы много дадим валюты! Мы отпустим вам, может быть, алмазный заем, корабли канадского зерна, наши датские сливки, две авиаматки, монгольскую красоту созревших женщин — мы согласны открыть вам наши вечные сейфы… А вы — подарите нам одну надстройку! На что она вам? У вас же есть база, живите пока на фундаменте…

Кузьма *(грозно рычит)* . Хитрость классового врага… Пап-па римский…

Алеша *(укрощая Кузьму)* . Ага. Ты хочешь закрыть у нас поддувало и сифон?! Чтоб мы сразу остыли!

Мюд *(шепотом Алеше)* . Фашисты! Не продавай надстройки!

Алеша . Не буду.

Серена . Папа, нам давали понятие вопроса — у них лежат установки. Купи тогда Европе установку. Надстройку им ведь жалобно дарить!

Стерветсен . Продайте установку! Я вам дам доллары!

Мюд . А у нас есть одна только директивка, и то маленькая.

Серена . Купи, папа, директивку. Надстройку экстремизма ты купишь после вдалеке.

Алеша . Мы директивы за фашистские деньги не продаем.

Мюд *(трогает револьвер на бедре Серены)* . Отдай мне. У нас культурная революция, а ты с пистолетом ходишь. Как не стыдно?

Серена *(недоуменно)* . А вам он сильно нужен?

Мюд . Ну, конечно, У вас ведь нет культурной революции, вы ведь темные, злые, и нам полагаются от вас наганы…

Серена . Возьмите. *(Отдает револьвер)* .

Мюд . Спасибо, девочка. *(Целует сразу Серену в щеку)* . Кто нам сдается, мы тому все прощаем.

Серена . Папа, Совет Юнион очень мил! *(Алеше)* . Сыграйте фокс!

Алеша . Советский механизм не смеет.

Стерветсен и Серена кланяются и уходят.

Мюд . Алеша, а как же они купят идею, когда она внутри всего тела?! Нам ведь больно будет вынимать!

Алеша . Ничего, Мюд. Я им продам… Кузьму. Ведь он — идея. А буржуазия от него помрет.

Мюд . Алеша, мне будет жалко Кузьму…

Кузьма . …Отсталость… Бойтесь капитализма…

Алеша . Не скучай, Мюд. Мы закажем себе другого, а то Кузьма уже отстал чего-то от масс. *(Заводит Кузьму)* .

Кузьма начинает шагать со скрежетом внутри, бормоча невнятное железными устами. Все трое уходят. За сценой, уже невидимые, они поют песню в несколько слов. Алеша и Мюд петь перестают, а Кузьма, удаляясь, все еще тянет в одиночку чугунным голосом: «Э-ээ-э…».

Картина вторая

Учреждение — среднее между баней, пивной и бараком. Теснота служащих, чад, шум. Две уборные, две двери в них. Двери уборных открываются и затворяются: разнополые служащие пользуются уборными.

Щоев — за громадным столом. На столе рупор-труба, которой он пользуется для разговора со всем городом и кооперативами: город невелик и рупор слышен всюду в окрестностях.

Щоев *(всему бушующему в делопроизводстве учреждению)* . Дайте мне задуматься. Прекратите там доносящиеся до меня запахи желудка.

Двери уборных закрываются. Наступает всеобщая тишина. Щоев задумывается. Желудок его начинает ворчать; ворчание усиливается.

(Тихо) . Болит мое тело от продовольственных нужд. *(Гладит свой живот)* . Как задумаюсь, так и живот бурчит. Значит, все стихии тоскуют во мне… *(В массу служащих)* . Евсей!

Евсей *(невидимо где)* . Сейчас, Игнат Никанорович. Сейчас капустку с огурчиком подытожу и к вам явлюсь.

Щоев . Итожь их быстрей, не сходя с мета. А я потом сам поутюжу твои числа. Ответь мне подробно, что мы сегодня непайщикам даем.

Евсей *(невидимо)* . Клей!

Щоев . Достаточно. А завтра?

Евсей . Книгу для чтения после букваря, Игнат Никанорович.

Щоев . А вчера?

Евсей . Мухобойный порошок системы Зверева, по полпачки на лицо.

Щоев . Разумно ли, Евсей, бить порошком мух?

Евсей . А отчего же нет, Игнат Никанорович? Ведь установки на заготовку мух пока не имеется. Утиль тоже насекомых продолжает отвергать.

Щоев . Я не о том горюю — не перебивай ты мне размышления… Я тебя спрашиваю: что птицы-голуби или прочие летучие, что они будут есть, когда ты мух угробишь? Ведь летучее — это тоже пищевой продукт.

Евсей . А летучих в нынешнем году не ожидается, Игнат Никанорович. Их южнорайонные кооперативы вперед нас перехватили и заготовили. Мы весной, Игнат Никанорович, пустое небо ожидаем. Теперь муха зверeть без птицы начнет.

Щоев . Ага, ну нехай так. Пусть жрут летучих. Проверь мне через область телеграфом — не крадут ли в районе установок? Десять суток циркуляров нет — ведь это ж жутко, я линии не вижу под собой!

Играет шарманка на дворе учреждения — старый вальс. Учреждение прислушивается. Щоев тоже.

Евсей *(все еще невидимый)* . Не подать ли музыканту монету, Игнат Никанорович? Все-таки культработник человек!

Щоев . Я тебе подам! Давалец какой! У нас финплан не выполняется, а он средства разбазаривает! Ты пойди у него на дирижабль пожертвование отбери — вот это так!

Евсей показывается, вставая из массы служащих, и уходит вон. Шарманка играет беспрерывно. Переговорная труба на столе Щоева начинает гудеть. Шарманка затихает.

(В трубку) . Алла!.. Ты кто? Говори громче, это я — другого нету!

Эти слова, сказанные в трубу, повторяются затем, втрое усиленные, где-то за стенами учреждения, и это от них раздается в окрестных пространствах, пустота которых чувствуется в долготе и скуке многократно отраженных звуков. Разговор по трубе должен происходить этим порядком; особых ремарок, на каждый раз не будет.

Далекий голос *(извне учреждения)* . Грыбки, Игнат Никанорович, червиветь начинают. Дозвольте скушать работникам прилавка — иль выдать массе!

Труба на столе через секунду-две повторяет эти же слова совершенно другим голосом — более глухим, с другим выражением и даже с иным смыслом.

Щоев *(в трубу)* . Какие грыбы?

Далекий голос *(за сценой)* . Грыбки годовалые, соленые, моченые и сушеные…

Щоев *(не в трубу)* . Евсей!

Служащие. Евсей, Игнат Никанорович, кампанию вышел проводить.

Щоев . Трудитесь молча: я сам вспомнил.

Шарманка играет новый мотив. Входит Евсей с чужой соломенной шляпой в руках, наполненной медными деньгами. Он высыпает деньги на стол Щоева. Шарманка утихает.

Евсей . Двадцать рублей дал. Говорит, после еще принесет. Я, говорит, дирижаблю рад: зря, что раньше не слышал про него, а то бы, говорит, сам выдумал советский воздушный корабль.

Щоев . Он что, энтузиаст всякого строительства, что ли?

Евсей . Да, должно быть, Игнат Никанорович.

Щоев . Член чего-нибудь или нет?

Евсей . Говорит, ничего не член.

Щоев . Как же так? Чудно…

Пауза. Шарманка играет вдалеке, еле слышно.

Сроду не видел энтузиаста! Десять тысяч пайщиков объединяю, а все как животные — только есть хотят день и ночь. Пойди приведи его — для моего наблюдения.

Труба рычит что-то на столе.

(Смотрит в трубу, затем — Евсею) . Это ты грыбки мучаешь второй год?

Евсей . Это не грибы, Игнат Никанорович, это соя в виде грибов, а я ее замариновать приказал… Чего спешить, Игнат Никанорович, ведь люди все могут поесть, а что толку! Пускай лучше материализму побольше будет, а людей и так хватит.

Щоев *(задумчиво)* . Ты прав на все сто с лишним процентов. *(В трубу)* . Не трожь грыбов, чертова саранча: пускай лежат в виде фонда!

Шарманка играет еще дальше.

(Евсею) . Кличь сюда музыку: настроенья хочу.

Евсей уходит.

(Служащим) . Дайте мне бумажек подписаться: скучно чего-то сейчас на свете!

Первый служащий *(вставая из рядов столов)* . Тут, Игнат Никанорович, подтверждения и напоминания лежат…

Щоев . Давай что попало.

Первый служащий подносит к столу Щоева папку с бумагами.

(Вынимает из штанов печать с факсимиле, дает печать первому служащему) . Колоти!

Первый служащий дует в печать и штемпелюет бумаги.

(Сидит без дел) . Надо бы нам спустить директивку какую-нибудь на лавочную периферию.

Первый служащий . Спущу, Игнат Никанорович!

Щоев . Спусти, пожалуйста.

Входит Евсей. За ним — Алеша с шарманкой. Мюд пытается ввести за руку Кузьму,

но туловище того не проходит в ужину входа.

Мюд . Алеша, Кузе здесь тесно. Ему тут узкое место.

Алеша . Пускай он наружи остается.

Кузьма *(в дверь)* …Не трожь капитализма — старика… Ххады… *(Остается вне учреждения)* .

Щоев . Вы кто?

Алеша . Мы пешие большевики.

Щоев . Куда ж вы идете теперь?

Алеша *(глубоко искренне)* . Мы идем по колхозам и постройкам в социализм!

Щоев . Куда?

Мюд *(детски задушевно)* . В социализм!

Щоев *(задумчиво)* . Далекий прекрасный район.

Мюд . Да вот, далекий. А мы все равно дойдем.

Щоев . Евсей, дай этой девочке конфетку.

Алеша *(обнимая Мюд)* . Не надо — она к сладкому не привыкла.

Мюд . Сам соси конфетку, эгоист-сладкоежка!

Щоев *(выходит из-за стола к людям)* . Дорогие товарищи, трудящиеся, потребители, члены, пешеходы и большевики, я вас всех замечательно люблю!

Евсей *(к Мюд)* . Вам, барышня, с какой начинкой конфеток принести: с вареньем или с вишневым соком?

Мюд . Пусть меня пролетариат угощает, а не ты. У тебя неклассовое лицо.

Щоев . Люблю, Евсей, я это поколенье! А ты?

Евсей . Да приходится любить, Игнат Никанорович!

Алеша *(не понимая обстановки)* . А у вас здесь строится социализм?

Щоев . Ну еще бы!

Евсей . Полностью!

Алеша . А можно мы тоже будем строить?.. Все время играть на музыке — это сердце болит.

Мюд *(касаясь Алеши)* . А мне скучно стало жить на свете пешком.

Щоев . А зачем вам строить? Вы весна нашего класса, а весна должна цвести. Играйте на музыке! Как скажешь, Евсей?

Евсей . Да я полагаю, Игнат Никанорович, что мы управимся без малолетних! Пускай уж, когда все будет готово, приходят жировать!

Мюд . А нам охота!

Щоев . А вы можете массы организовать?

Алеша и Мюд несколько времени молчат.

Алеша . Я могу только дирижабль выдумать…

Пауза.

Щоев . Ну вот. А говоришь — тебе охота. Вы лучше оставайтесь в нашей многолавочной системе, как музыкальные силы. Будете утешать руководство… Евсей, у нас там полагаются по штату утешители?

Евсей . Я, Игнат Никанорович, полагаю, что возражений не встречается. Пусть утешают…

Щоев *(глубоко размышляя)* . Отлично. Тогда привлечем, Евсей, этих бредущих, пускай они остановятся. *(Алеше)* . Сыграй мне что-то нежное!

Алеша берет шарманку, играет грустную народную песенку. Щоев, Евсей, все учреждение в глубокой паузе. Учреждение бездействует. Все задумываются. Алеша переводит регистр, играет другую пьеску.

Мюд *(постепенно, незаметно входит в мотив и начинает негромко петь)* .

В страну далекую
Собрались пешеходы,

Ушли от родины
В безвестную свободу,
Чужие всем —
Товарищи лишь ветру…
В груди их сердце
Бьется без ответа…

Алеша играет еще некоторое время, после того как Мюд уже умолкла. Щоев, по мере музыки и песни, склоняется на стол и тихо плачет от тоски. Евсей, глядя на Щоева, также исказил лицо в страдании, но слезы у него течь не могут. Учреждение безмолвно плачет.

Пауза.

Щоев . Жалостно как-то, черт ее дери!.. Евсей, давай организуем массы!

Евсей . На них тогда овощей не хватит, Игнат Никанорович.

Щоев . Эх, Евсей, давай верить во что-то!.. *(Утирает слезы Алеше)* . Ты бы вот выдумал, как лучше слезы сушить на плакальщиках, а не дирижабль!

Алеша . Я могу.

Щоев . Зачислить тогда, Евсей, его штатным утешителем масс — согласуй с трехугольником — давай заготовлять массы в аппарат.

Евсей . Нужно ль, Игнат Никанорович? Нам и так одну выдвиженку Евдокию отгрузили уже!

Алеша тихо играет на шарманке танцевальный мотив. Мюд слегка движется в танце.

Щоев . А что она делает сейчас?

Евсей . Да ничего, Игнат Никанорович, она женщина! Щоев. Что ж такое, что женщина, — в ней тоже есть что-нибудь неизвестное!

Евсей . В ней молоко есть, Игнат Никанорович!

Щоев . Ага. Пускай тогда по молоку и маслу она играет ведущую роль в аппарате.

Евсей . Пускай, Игнат Никанорович!

Алеша играет несколько громче тот же танец. Учреждение, не поднимаясь с мест, сидя, движется туловищами в такт танцу. Труба на столе Щоева рычит.

Щоев *(в трубу)* . Алла! Это — я!!!

Труба . Птицы, Игнат Никанорович, летят над районом.

Щоев *(в трубу)* . Откуда?

Труба . Неизвестно, Из иностранных держав.

Щоев . Сколько их?

Труба . Три!

Щоев . Лови!

Труба . Сычас.

Шум ветра над учреждением, крики птиц.

Щоев . Евсей, что это, что такое?

Евсей . Это, Игнат Никанорович, новый квартал наступает, по-старому — весна!

Щоев *(задумчиво)* . Весна… Хорошая большевицкая эпоха!

Евсей . Терпимая, Игнат Никанорович.

Мюд . Сейчас весны нету, она уже давно прошла. Сейчас лето наступило — строительный сезон!

Щоев . Как лето?!

Евсей . Да это все равно, Игнат Никанорович. Только ведь погода меняется, а время одинаковое.

Щоев . Ты прав, Евсей…

Петр Опорных входит; в руках у него курица и два голубя.

Опорных . Этта… Как-то ее?! Вот я, стало быть, Игнат Никанорович, заготовил тебе птичку: одну курочку неимущую и еще голубей два!

Мюд . Весной прилетают только странные птицы, а не куры. Все куры — колхозницы.

Алеша *(рассматривает птиц в руках Опорных; на ногах курицы ярлычок, а у голубя — бумажная трубка. Читает)* . «Курица заявляет проклятье расточительству. Ей дают непотребную массу зерна, отчего зерно пропадает или его доедают хищники. А пить ей не дают ни капли. Курица заявляет негодование этой недооценке. Пионеротряд совхоза „Малый Гигант“».

Щоев . Не можем мы таких заготовлять — установки нету. Швыряй ее, Петр, прочь.

Опорных берет курицу за голову и швыряет ее в дверь. Голова курицы остается у него в руках, а туловище исчезает.

Евсей *(глядя на куриную голову, на ее моргающие глаза)* . Теперь курочка уморилась и далее не полетит.

Щоев *(Алеше)* . А египетский голубь что нам сообщает?

Алеша *(читает)* . Написано капиталистическим языком: нам не очень ясно.

Щоев . Тогда бей об земь кулацкую пропаганду!

Мюд . Дайте я его лучше съем с бумажкой.

Щоев . Ешь, девочка, без остатка.

Евсей *(к Мюд)* . Я тебе съем: может быть, это нам египетский пролетариат сводочку о достижениях прислал…

Щоев *(задумчиво)* . Далекий изможденный класс… Опорных, береги голубя, как ты профсоюзную книжку бережешь!

Далекий шум. Все прислушиваются. Шум увеличивается, превращается в гул.

Щоев . Опорных, обследуй! Кто там нарушает…

Гул усиливается и одновременно теряет однообразие звука — слышны как бы отдельные голоса. Труба на столе Щоева гудит.

Опорных . Что там за чума!.. *(Уходит)* .

Маленькая пауза страха.

Евсей *(кричит из всего усердия)* . Игнат Никанорович, это интервенция!

Работа учреждения враз замолкает. Мюд вынимает из своей кофты револьвер. Алеша берет со стола Щоева рычащую трубу, труба отрывается от устройства и продолжает рычать в руках человека. Оба бегут на выход с этими предметами и скрываются. Странный гул усиливается, но делается как бы шире и мягче, подобно потоку воды.

(Ужаснувшись) . Говорил я тебе, Игнат Никанорович, что сильна буржуазия-матушка…

Щоев . Ничего, Евсей, может, это буржуазия мелкая… А где же мои массы? *(Оглядывает учреждение)* .

Учреждение пусто; несколько ранее все служащие молча скрываются куда-то. Кузьма разламывает дверной вход и пролезает в учреждение. Садится среди пустоты столов и берет ручку. Щоев и Евсей в страхе следят за ним. Входит Мюд с револьвером в руке.

Мюд . Это гуси-лебеди летят. Дураки!

Гул превращается в голоса тысяч птиц. Слышно, как птичьи лапки касаются железной крыши учреждения: птицы садятся, перекликаясь между собой.

Щоев . Евсей! Кликни мне служебные массы: куда они скрылись? Надо нам что-то налаживать!

Кузьма встает и проходит в уборную, резко захлопывая за собой дверь.

Картина третья

То же учреждение, что и во второй картине. Трубы на столе Щоева нет. Пусто. Один Щоев. Птицы жалобно кричат вне учреждения: их там бьют и морят чем попало.

Щоев *(жуя пищу)* . Народ нынче прожорлив стал: строит какие-то кирпичные корпуса, огорожи, башни и три раза обедать хочет, а я сиди и угощай каждого! Трудно все-таки быть кооперативной системой! Лучше б я предметом каким-нибудь был или просто

потребителем… Что-то у нас идеологической надстройки мало: не то все выдумали уже, не то еще что! Все мне охота наслажденье какое-то иметь!.. *(Подбирает крошки от употребленной пищи и высыпает их дополнительно в рот)* . Евсей!!

Евсей *(за учреждением)* . Сейчас, Игнат Никанорович.

Щоев . Откуда-то эта птица-сволочь еще появилась! Так было покойно и планомерно, весь аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих путин, а тут эта птица мчится — заготовь ее попробуй! Эх, ты, население-население, замучило ты коопсистему!.. Клокотов!!

Клокотов *(за стенами учреждения)* . Иду, Игнат Никанорович.

Входит Клокотов, весь покрытый птичьими перьями.

Щоев . Ну как там?

Клокотов . Да что ж, Игнат Никанорович, конечно это не дело!

Щоев . А что ж это такое?

Клокотов . Весь план срывается, Игнат Никанорович… Мы же взяли установку на организацию рачьих путин — так бы и надо держать. Туловище рака, Игнат Никанорович, лучше любой говядины. А то вчера был рак, сегодня птица летит, завтра зверь выскочит из лесов, а мы, значит, всю систему должны трепать из-за этой стихии?!

Щоев молчит задумчиво.

Так не годится, Игнат Никанорович, и население избалуется! Раз уж мы приучили его к одному сорту пищи — ему и хорошо! А это что такое: из буржуазных царств теперь может вся живность броситься в нашу республику, там ведь кризис — разве ее можно всю съесть?! У нас едоков не хватит!

Щоев . Ну а как раки твои в наших пучинах?

Клокотов . Раки молчат, Игнат Никанорович, рано еще.

Евсей *(входит, весь в птичьих перьях)* . Игнат Никанорович! Птица с документами прибыла. Ты гляди! *(Вынимает из кармана несколько картонных кружочков)* . На каждой номер, на каждой штемпель! Она организованная, Игнат Никанорович! Я ее боюсь!

Щоев *(задумчиво и медленно)* . Организованная птица… Четок воздух над нашей землей!

Опорных *(входя; весь мокрый, в длинных сапогах)* . Рыба поперла, Игнат Никанорович!..

Клокотов . Я так и знал!..

Опорных . Рыба по верху прет, а птица подлетает и жрет ее…

Евсей . Это прорыв путины, Игнат Никанорович!

Щоев . А никого там нету… из крупных животных каких-нибудь, кто бы и птицу скушал! Верно ведь?

Клокотов *(удовлетворенно)* . Конечно, Игнат Никанорович! Нам ничего и не надо. По мясу мы раком обойдемся, по маслу — ореховым соком, а по молоку — там мы дикий мед смешаем с муравьиной кислотой, и всё. Наука теперь, говорят, этого достигла.

Евсей . Мы потихоньку, Игнат Никанорович, всех снабдим. У всех будет полный аппетит!

Опорных . Так что же… этта… скажете? Птицу лупить или рыбу ловить?..

Нарастающий шум за сценой — что и во второй картине.

Щоев . Выйди глянь, Евсей!

Евсей исчезает.

Отчего птица-то к нам из буржуазии летит?..

Опорных . Наша страна дюже жирна, Игнат Никанорович. Рожается что попало — и живет!

Щоев . Не бреши. Тогда бы все в тару само лезло.

Опорных . Ау нас человек дурак, Игнат Никанорович. У нас — как-то ее? — у нас тары нету!

Щоев . Человек же это я…

Шум увеличивается. Вбегает Евсей.

Евсей . Еще летит туча целая!..

Щоев . Кто летит?

Евсей . Гуси, воробьи, журавли, а низом — петухи мчатся… Чайки какие-то!

Щоев . Боже мой, боже мой… За что ты оставил меня на этом посту?! Лучше б я перегибщиком бы и жил теперь на покое!

Опорных . Теперь всю рыбу слопают!.. Так как же быть-то, этта, руководящие?! Заготовлять из воды постную пищу иль попам оставить?

Евсей *(к Опорных)* . Петя, не активничай, когда тебя не привлекают!

Щоев . Евсей! Думай ты ради бога что-нибудь определенное! Ты видишь, у меня сердце болит.

Евсей . А я уж все выдумал, Игнат Никанорович.

Щоев . Так доложи мне, возьми установку и делай.

Евсей . В Осоавиахиме артиллерийский кружок, Игнат Никанорович, находится, а в кружке пушка — разрешите, пульнуть по птичьему стаду!

Щоев . Ступай пальни!

Евсей и Клокотов уходят. Шум за сценой продолжается и переходит в птичьи крики.

Опорных . Игнат Никанорович! Зачем гнать птицу-то эту мимо? Мы б управились и птицу поймать и рыбу вытащить! Народ — как-то она? — работает охотно.

Щоев . Мало ли что! Пусть летает в другие районы — там тоже есть кому жрать! Что ты за эгоист такой — я прямо удивляюсь тебе?!

Опорных бурчит про себя чего-то.

Ну, ты что там еще! Забыл про мое единоначалие, беспринципщик, дьявол какой!.. Иди, Петя, на свою путину.

Опорных *(уходя)* . Вот, этта, как-то ее… вот он стерва мужичок какой!

Щоев . Устал я чего-то… Трудно мне кормить до гробовой доски такое тяжкое население!..

Шум за сценой несколько рассеивается и слышен тихо. Входят Мюд и Алеша. Оба в птичьих перьях. У Мюд перья даже в волосах.

Мюд *(Щоеву)* . Отчего ты важный такой?

Щоев . Я не важный — я ответственный. А вы что вернулись? Вы видите, на кооперацию животные напали?!

Алеша . Это ничто, товарищ Щоев. Пролетариату пища всегда подходяща. Мы втроем тыщу штук заготовили. Мы…

Щоев . Будет тебе мыкать-то: мы-мы!.. Куда б ты годился, если б я тебя не возглавил?

Мюд . Алеша, а где же тут партия и ударники?.. Мне здесь становится скучно!

Щоев *(несколько задумчиво)* . Скука… Нежное, приличное чувство — в молодости от него трудности роста бывают…

За сценой что-то шипит, точно разгорается громадный огонь.

Алеша *(Щоеву)* . Дядь, давай рационализацию выдумаем, а то у тебя ненаучно как-то все…

Шум за сценой превращается в рев и вдруг сходит на нет.

Щоев *(задумчиво)* . Рационализация… *(Трогает Алешу)* . Может быть, ты гений масс, хотя я, брат, тоже задумчивый человек… *(Углубленно)* . Пускай теперь наука трудится, а человек около нее как на курорте. Приличное дело!.. Мы хоть туловищем отдохнем… Хоть…

За сценой — продолжительный нарастающий рев, как от разгорающегося пламени. Маленькая пауза. Довольно тихий удар пушки. Задняя (считая от зрителя) стена учреждения медленно валится, ветер врывается в учреждение, тысячи птиц взлетают с крыши учреждения. Открывается районный ландшафт: две кооперативные лавки с приказчиками наружу; ворота с надписью «Парк культуры и отдыха», у этих ворот — очередь. Первый в очереди — Кузьма. Все это зрелище вначале застлано дымом. Дым

рассеивается. Четыре крупные девушки-осоавиахимовки несут двое носилок в учреждение, проходя через поврежденную стену. На носилках — Евсей и Клокотов. Носилки ставятся на пол перед Щоевым. Евсей и Клокотов привстают и садятся в носилках.

Евсей . Пушка, Игнат Никанорович!..

Щоев . Ну что пушка?.. Ну пушка!

Евсей . Пушка, Игнат Никанорович, цельный час разгоралась, а потом стрельнула…

Щоев . Это хорошо, что стрельнула…

Клокотов . Она в нас стрельнула!

Евсей . Она в них бьет, Игнат Никанорович. У ней на дуле лозунг висит…

Щоев . А вы-то что: убитые или нет?

Евсей . Да нет, Игнат Никанорович, приходится жить еще! Что же поделаешь?

Щоев *(на девушек)* . А девки эти кто?

Евсей . А для них это общественная работа, Игнат Никанорович. Они рады людей таскать.

Кольцевой почтальон *(подбегает с сумкой к очереди людей у парка культуры и отдыха и говорит)* . Граждане, отдайте пакет кооперации — мне каждый шаг ведь дорог, а вы все равно на ногах.

Люди из очереди показывают на Кузьму. Кольцевой почтальон засовывает пакет Кузьме в какую-то прореху и экстренно мчится вдаль. Кузьма начинает шагать на кооперацию. Не теряя порядка очереди, люди также движутся на учреждение, во главе с Кузьмой.

Щоев *(осоавиахимовкам)* . Слушайте меня, девки! Раз вы любите тяжести, то поднимите мне стенку учреждения, а то я все время вижу разные массы и рассеиваюсь!..

Одна из осоавиахимовок . Это можно, гражданин. Ты оттого и начальник, что никому невидим… Ты думаешь, мы дурочки, что ль?!

Вчетвером берут легко бревенчатую стену и ставят на место, загораживая учреждение от районного мира. Сами осоавиахимовки остаются уже вне учреждения.

Мюд . Алеша, здесь что такое — капитализм или второе что-нибудь?

Щоев . Евсей! Организуй, пожалуйста, эту девочку. У меня от нее изжога начинается.

Евсей . Я ее на заметку возьму, Игнат Никанорович.

Щоев . А где же мое учреждение?

Евсей . Оно выходное, Игнат Никанорович!

Щоев *(задумчиво)* . Выходное… Хорошо бы оно не возвращалось. Я бы тогда его враз со снабжения снял и план выполнил! Евсей, давай возьмем курс на безлюдие!

Евсей . Давай, Игнат Никанорович! А как?

Щоев . А я почем знаю — как?! Возьмем курс, и всё!

Алеша . Можно механизм выдумать, товарищ кооператив. Механизмы тоже могут служить.

Щоев . Механизмы… Что же, это отлично: сидит и крутится какое-нибудь научное существо, а я им руковожу. Это мне приятно. Я бы всю республику на механизмы перевел и со снабжения снял. Как, Евсей?

Евсей . Нам было бы легче, Игнат Никанорович.

Клокотов . Нормальный бы темп работы наступил!

Мюд . Птицы летят, рыба плывет, люди кушать чего-то хотят, а они думают… Алеша, я здесь не понимаю!

Щоев . Вот дай я тебя возглавлю, тогда все поймешь!

Опорных *(входит, весь мокрый)* . Так как же… этта, как ее… рыбку-то ловить иль пускай живет…

Щоев . Заготовляй, конечно.

Опорных . Кадушек нету, Игнат Никанорович… А бочары говорят — как-то ее? — ты соли им за прошлый месяц не давал. Дай, говорят, нам соль, а то хлеб насущный не соленый!

Щоев . А ты, Петя, пойди и скажи им, что они оппортунисты.

Опорных . А они мне сказали, что ты оппортун! Так как же мне быть?

Мюд *(ко всем)* . Это кто? Фашисты?

Опорных . Еще встречные девки говорили мне про ягоду. Она, Игнат Никанорович, говорят, в лесах поперла… все, как-то это говорится, летит, прет, плывет и растет, а у нас тары нету. Я хожу и мучаюсь.

Шум за сценой.

Щоев *(Алеше)* . Где твоя музыка, музыкант! Опять мне чего-то печально от мненья и мечты… Евсей, погляди, кто там шумит и нарушает!

Евсей уходит. Вместе с ним исчезают наружу Алеша и Мюд. Шум людей за сценой увеличивается.

Опорных . Еще, Игнат Никанорович, птичьи стада помету навалили. Целые курганы лежат, а, говорят, это золотое дно. Так как же, заготовлять его иль пускай так?

Шум за сценой утихает.

Щоев . Что тебе помет? Ты ведь самый задний человек в своем классе! Из птичьего помета заграничные химики железо и сливки делают, а ты говоришь — помет! Что ты понимаешь?!

Евсей входит.

Клокотов . Давайте выпишем, Игнат Никанорович, заграничного ученого — у нас масса загадочных вопросов стоит.

Евсей . Конечно, надо выписать. Заграничным особый продукт дают, и одежду они привозят в чемоданах.

Щоев . Правильно, Евсей… Кто там шумел наружи?

Евсей . Массы пайщиков двигались сюда, а я их окоротил.

Щоев . Зря, Евсей. Ты бы выбрал от них представителя, чтоб он уже вечно был один за всех.

Евсей . А я уж его выбрал, Игнат Никанорович, и должность ему дал — он теперь угомонится.

Щоев . Ты прав, Евсей. Мы всегда с тобой отчего-то правы!

Тихо стучат в дверь.

Да, пожалуйста, будьте любезны — войдите.

Входят датский профессор Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен и его дочь Серена.

Стерветсен . Здравствуйте, господа русские максимальные люди!

Серена . Мы — научность, которая знает пищу. Здравствуйте!

Щоев . Здравствуйте, господа буржуазные ученые! Мы здесь сидим и всегда рады науке.

Евсей . Мы и науку заготовляем…

Стерветсен . Мы с детства максимально любим кооперативность. В Юнион Рашион Совет кооперативность прелестна — мы хотим учиться всему пищевому и еще товарному… я грустно затрудняюсь… самотеку!

Щоев . Ага, приехали. Теперь наша кооперативность прелестной стала, когда мы вас догнали и перегнали! Евсей, уважай этих чертей!

Серена *(отцу)* . Он говорит — щорт!

Стерветсен *(дочери)* . Потому что, Серен, у них нет бог, остался его товарищ — щорт.

Щоев *(торжественно)* . Товарищи буржуи. Вы попали в самый расцвет реорганизации нашего аппарата. Так вы, во-первых, ступайте, отдохните, опомнитесь, а через десять дней, во-вторых, являйтесь в нашу кооперативность — тогда мы вам покажем! А чемоданчики оставьте здесь — наша земля любую тяжесть выдержит.

Стерветсен . Прелестно. *(Кланяется)* . Идем, Серен, нам надо поскорей опомниться.

Серена . Папа, я так чему-то рада…

Уходят, оставляя чемоданы в учреждении.

Щоев . Евсей! Организуй мне бал! Устрой великую рационализацию, приготовь мощную пищу!

Евсей . Рационализацию-то я сделаю, Игнат Никанорович, ума в массах много, только пищи, боюсь, не хватит.

Щоев *(задумчиво)* . Пищи, говоришь, нет… Ну что ж! Мы организуем вечер испытаний новых форм еды. Мы нарвем любых злаков — мы муку из рыбы сделаем, раков вытащим из воды, птичий помет обратим в химию, суп составим из сала от мертвых костей и квас заварим из дикого меда пополам с муравьиной кислотой… И далее того — мы из лопухов блины такие испечем, что ты их будешь есть с энтузиазмом! Мы всю природу в яство положим, всех накормим дешевым вечным веществом… Эх ты, Евсей, Евсей; еда же — одна социальная условность, и больше нет ничего!..

Треск мотоцикла за учреждением. Входит человек: это агент совхоза.

Агент совхоза . Я из совхоза водно-воздушных мелких животных «Малый Гигант». У нас птицы разбили птичник и сбежали. У нас вода промыла плотины — и рыба бросилась по течению. Вы не замечали этих животных в вашем районе?

Евсей . Нет, товарищ, мы заготовляем некультурных животных. Мы любим трудности.

Агент совхоза . А я видел сейчас людей в перьях!

Щоев . Люди в перьях? Они врут. Это неверно, товарищ!

Агент совхоза . А?!

Акт второй

Картина четвертая

То же учреждение, но несколько измененное. Оно оборудовано разными механизмами. По мере их пуска в ход зритель понимает их назначение. У задней стены лежат иностранные чемоданы. Чисто. Один длинный стол. Трибуна у стола. На столе ничего нет. В одном углу находится рояль. В другой стороне шарманка; на месте ручки у нее шкивок, от шкива идет вверх ременная передача. Тихо и безлюдно. Во второй, соседней половине учреждения — шум варева. Входят Евсей и Алеша.

Евсей . Ну как у тебя тут — все прилично?

Алеша . Устроено подходяще.

Евсей *(оглядывая Алешу)* . Ты что-то похудел.

Алеша . Мысли из туловища выпустил много, и мне скучно в вашем районе… Евсей, когда же настанут будущие люди — мне надоели, кто живет сейчас. Ты ведь тоже стервец, Евсей!

Евсей . Я-то? Я — стервец. Оттого я и цел. Иначе бы давно погиб, может — и не родился бы. А ты что думал?

Алеша . А как же я тогда жив?

Евсей . Стихийно… Да разве ты живешь? Ты движешься, а не существуешь. Ты зачем стал шарманщиком, летун-дьявол?

Алеша . Социализма хочу поскорей добиться. Рвусь куда-то все время вдаль.

Евсей . Социализм наступит для разумных элементов, а ты пропадешь: ты же — ничто, тебя возглавить надо.

Алеша . Пускай. Я себя все равно не считаю. Но отчего ты весь гад, а важней меня?

Евсей . Я-то? Да это меня массы изгадили: руководишь ведь кой-чем.

Алеша *(углубленно)* . Уж скоро коммунизм, тебя на свете не будет.

Евсей . Меня-то? Что ты? Я боюсь, что света без меня не останется — вот чего!

Шум изготовляющейся пищи раздается сильнее. Входит Щоев. Алеша занимается монтажом наличных механизмов.

Щоев . Доложи, Евсей!

Евсей . Все нормально, Игнат Никанорович! Суп из крапивы готов, щи из кустарника с

дубовым салом — париться поставил, механические бутерброды лежат на посту, компот из деляческого сока — на крыше холодится, котлеты из чернозема жарятся. Что касается каши из саранчи и муравьиных яичек, то она преет, Игнат Никанорович! Все прочее — также мобилизуется на плите, а сладкое из клея и кваса поспело первым.

Щоев . А соус — под каким соусом вы это подадите?

Евсей . Соус, Игнат Никанорович, вещь ложная. Мы даем жидкое подспорье из березового сока!

Щоев . А это… Для ясности перспективы ничего не будет?

Евсей . Уксус, Игнат Никанорович, — уксус с махорочной крошкой и сиреневым кустом!

Щоев . Прелестно, Евсей. Теперь сообщи — как с инвентарем.

Алеша . А я вам всю посуду из дерева надолбил. У вас ложек и чашек нигде нету — вы же не догадались, что кругом леса, а в лесу колхозы с рабочими руками. Тут можно устроить целый деревянный век!

Щоев . Деревянный век… Что ж, это тоже приличная переходная эпоха была!

Шум людей за дверью.

Евсей . Гостевая масса идет, Игнат Никанорович.

Щоев . Не пускай. Дай нам опомниться.

Евсей запирает дверь на засов.

Во чего… А научного буржуя с дочкой ты чем будешь кормить?

Евсей . Тем же, Игнат Никанорович. Он сам мне сказал, что сочувствует великой еде будущего и готов страдать за новую светлую пищу.

Щоев . А я что буду есть?

Евсей . Ты, Игнат Никанорович, совместно со мной будешь. Мы с тобой попробуем паек заграничного ученого — я у него для опыта всю пищу взял.

Щоев . Ты умен, Евсей!

Евсей . Ну еще бы! Надо ж всесторонне…

Гости бушуют за запертой дверью.

Щоев . Пускай едоков, Евсей. Алексей, заводи аккорды.

Алеша пускает шарманку: переводит рычаг — и приводной ремень, шлепая во все время игры сшивкой по шкиву, начинает вертеть шарманочный валик. Шарманка тихо, мелодично играет вальс «На сопках Маньчжурии».

Евсей открывает дверь. Входят: Стерветсен под руку с дочерью и с ящиком, Клокотов, выдвиженка Евдокия, пять девушек-служащих, Петр Опорных под руку с женой, трое служащих мужчин с женами и представитель кооперированного населения Годовалов. Затем — пожарный в полном боевом обмундировании и в каске, который становится у дверей; наконец — милиционер.

Шарманка перестает играть. Стерветсен передает Евсею ящик с продуктами.

Евсей . Слушайте меня, товарищи гости! Разрешите мне вас за что-то поприветствовать! Давайте все обрадуемся сегодня…

Щоев . Останови, Евсей, свое слово! Я еще не высказывался…

Евсей . Да я, Игнат Никанорович, как говорится…

Щоев . Ты всегда поступай не как говорится, а как подразумевается… Слушайте меня, товарищи гости…

Гости сели было, потом все встают, кроме Стерветсена и его дочери, и слушают стоя.

Товарищи здешние и заграничные! Я хочу вам сказать что-то особенное, но отвык от счастья настроенья. Мучает меня тревога за сытость масс… Недоумение тоскует во мне… Ввиду же роста темпов аппетита масс перед нашей коопсистемой встала одна явная необходимость, а именно — преодолеть какую-то явную недооценку чего-то… Для сего нужно лишь проглотить пищу, а когда она попала в желудок — то пускай она там сама разбирается, пускай скучает или радуется. Нынче же мы должны испытать в глубине своих

туловищ силу новой пищи, которую мы заготовили из самотечных природных матерьялов. Да здравствует пятилетка в четыре года.

Аплодисменты всех. Общее «ура». Люди прекращают аплодисменты, опускают руки, но аплодисменты не прекращаются, а усиливаются, превращаются в овацию. Повторяется, еще более громогласно, крик «ура!» металлического тона. Все гости испуганы. Алеша жмет рукой рукоятку одного деревянного грубого механизма (он виден отчасти зрителю), приводной ремень сверху вращает механизм — он аплодирует и кричит «ура».

Алеша отжимает рукоятку — ремень останавливается, механизм затихает.

Щоев . Евсей!

Евсей . Алексей!

Алеша . Даю питание. *(Переводит рычаг)* .

Грохот неведомого механизма. Затем — тихо. По столу на конвейере — медленно выплывает громадная деревянная чашка, над нею пар, вокруг чашки стоят прислоненные солидные деревянные ложки. Гости берут ложки.

Щоев . Музыку бодрящую, Алеша!

Алеша . Даю ее. Чего играть?

Щоев . Уважь, пожалуйста, заведи что-нибудь задушевное.

Гости едят. Щоев и Евсей сидят на трибуне. Евсей вынимает из ящика, доставленного Стерветсеном, отдельную пищу — колбасу, сыр и пр., — и ест ее со Щоевым на трибуне.

Опорных . Этта… Игнат Никанорович! Это что же, такие щи ты навеки учредил? Иль просто это одна кампания?

Щоев . Ешь, Петя, не будь оппортунистом.

Опорных . Мне что! Я только говорю… как то ее… у нас говядина и капуста есть в республике. Может, лучше б кушать нормальные щи! А то желудок разбушуется!

Евсей . Петя! Кушай молча, испытывайся.

Опорных . Да я молчу. Я сейчас думать буду для пробы…

Шарманка замолкает.

Щоев . Алеша! Угоди-ка нам вторичным блюдом. Дай для опыта кашку!

Алеша переводит рычаг. Грохот. Чашка со щами уползает. Грохот прекращается. Выплывает миска с кашей.

Годовалов *(встает)* . Ото всех потребляющих членов, которые уполномочили меня думать за них, и еще…

Евсей . Мучиться за них душой, товарищ Годовалов…

Годовалов . И еще мучиться душой, я выражаю всеобщее гигантское чувство радости, а также энтузиазм…

Алеша включает автомат. Раздается гром аплодисментов. Годовалов садится. Все едят кашу.

Щоев . Ну как она, товарищи?

Серена . Папа! Это — саранча! Они едят вредителей.

Евсей . Верно, барышня. Мы вредителей прячем в себя.

Серена . Тогда вы будете вредным…

Годовалов . Каша приличная, Игнат Никанорович.

Первый служащий . Эти опыты имеют громадное воспитательное значение, товарищ

Щоев . Их надо устраивать каждую декаду.

Первая служащая . Ах, мне ужасно мило здесь. Я в первый раз вижу интервенцию.

Щоев . Эй, дура… Молчи, когда слов не знаешь. Сиди и чувствуй что-нибудь бесславно.

Первая служащая . Но мне чего-то хочется, Игнат Никанорович. Я вся полностью волнуюсь!..

Евсей . Поля!! Ты мамаше шепотом потом все расскажешь, а здесь ты для опыта…

Первая служащая . Ах, Евсей Иванович, мне так нравится наше учреждение… Я так

что-то чувствую…

Стерветсен . Ничто не следует оставлять без испытания. Весь мир лишь эксперимент…

Щоев . Тише там глотайте! Дайте нам слушать научное!

Стерветсен . Я говорю: весь мир есть эксперимент божьих сил. Ты согласна, Серен?

Серена . Папа, разве бог тоже профессор? А зачем тогда ты?

Евсей *(тихо Щоеву)* . Игнат Никанорович, это религиозная пропаганда!

Щоев . Пускай, Евсей. Им можно: они ненормальные… Алеша! Давай всю пищу на выбор!

Алеша переводит рычаг. Грохот. По конвейеру уплывает каша. Грохот утихает. Конвейер подает постепенно серию различных кушаний.

Вкушайте, товарищи, эти яства без остатка. У нас всего много — у нас одна шестая всего земного глобуса… Алеша! Организуй бутерброды!..

Алеша включает некий деревянный аппарат; в аппарате заранее заложена коврига хлеба. Аппарат режет хлеб на ломтики и эти ломтики автоматически мажутся каким-то белым веществом; затем готовые бутерброды сошвыриваются лапой аппарата на деревянное блюдо. Блюдо поступает на конвейер.

Стерветсен *(разглядывает действие аппарата)* . Это изумительно, Серен. Это гигиена!

Серена . Папа мне нравится Алеша.

Щоев . Алексей! Сделай заграничной барышне что-нибудь любезное — ты ей нравишься!

Алеша подходит к Серене и целует ее, приподымая все ее тело с места.

Стерветсен . Это дико, Серен!

Серена *(оправляясь)* . Ничего, папа, мне же не больно. Я должна ведь почувствовать Юнион Рашион Совьет.

Щоев *(Алеше, сурово)* . Не будь беспринципщиком, Алексей…

Серена *(Алеше)* . Вы любите что-нибудь на свете или один коммунизм?

Алеша . Я люблю больше всего дирижабль. Я все думаю, как он взойдет над всею бедной землей, как заплачут все колхозники вверх лицом и я дам ревущую силу в моторы, весь в слезах классовой радости. Мы полетим против ветра надо всеми океанами, и мировой капитал сильно загорюет над летящими массами, под громадным туловищем науки и техники!..

Серена . Я вас слушаю… Но мне говорил в Москве ваш одинокий член — вы любите ударников и таких, какие трудятся догнать и перегнать.

Евсей . Он летун, ему лишь бы мчаться куда-нибудь, когда наши родные массы живут пешком…

Алеша *(отвечая Серене)* . Ты не понимаешь, а он *(на Евсея)* — это как ваши. Он — не класс, он присмиренец.

Серена . Но дирижабль есть и в Европе.

Алеша . Ну и что ж!

Щоев . Там же деляческие дирижабли!

Алеша *(Серене)* . Ты не понимаешь, потому что буржуйка. Ты единоличница!.. Ты думаешь, что у тебя есть душа…

Серена . Да…

Алеша . Нету. А у нас будет дирижабль. Он пойдет над неимущим земным шаром, над Третьим Интернационалом, он спустится, и его потрогают руки всемирного пролетариата…

Щоев *(Евсею)* . А я думал — он дурак.

Евсей . У нас ведь одни прямые, четкие были дураки, Игнат Никанорович. А он дурак наоборот.

Серена *(Алеше)* . Вы действуете на меня как ландшафт, я чувствую грусть… как она у вас говорится… в своей кофте.

Стерветсен вынимает папиросы «Тройка» и закуривает.

Папа, отчего мы с тобой единоличники?

Стерветсен . Серен, ты меня шокируешь!

Опорных *(выпивая чашку уксуса)* . Пью за все державы, где… этта… пролетариат поднимает голову, увидя наш, как его, дирижабль!

Щоев *(вставая, торжественно)* . За дирижабль революции, за всемирных пайщиков и… за все опубликованные в местной прессе лозунги — ура!

Все . Ура!

После возгласа внезапно настает тишина, но второй служащий кричит «ура» одиноким голосом, не замечая тишины.

Щоев *(кричащему)* . Васька, не шокируйся!

Второй служащий враз утихает. Шум за стеной учреждения.

Алеша! Запусти бал!

Годовалов . Дайте хоть компотную воду-то допить…*(Пьет компот из черепушки)* .

Опорных *(Стерветсену)* . Угостите этим — как-то он? — вашим демпингом…

Стерветсен подает ему пачку «Тройки». Опорных берет три папиросы, двумя угощает соседей. Гости наспех доедают пищу, кроме Серены, которая беседует с Алексеем.

Щоев *(задумчиво)* . Бал… Люблю я это веселое междуусобие человечества!

Один из гостей-служащих подходит к окну и открывает его. Врывается шум района и постепенно затихает. Три полудетских лица появляются в окне и глядят в учреждение. Гость-служащий равнодушно обдает те лица дымом, который выходит далее во мрак районной ночи.

Евсей *(Стерветсену)* . Господин буржуазный ученый, может быть, у вас сложилось мнение о наших пищевых образцах — или не сложилось еще?

Стерветсен . Я говорил бы так, что оно складывается… По-вашему, это звучит, как самотек, или я отметаю недооценку?! Я скучаю без понятья…

Евсей . Ну ничего — ты ведь не марксист, мы тебя научим. Можно посмотреть твою самопишущую систему? Это импорт, что ли?

Стерветсен *(подает Евсею самопишущую ручку)* . Рекомендую — это приличный автомат.

Евсей . Сама пишет?

Стерветсен . Нет, активности она не имеет. Следует вам думать — как называется? — единоличником…

Евсей . Ладно. А я ведь полагал, она сама что-нибудь соображает. А она у тебя оппортунка. Оставь для образца, Алешка ее обгонит.

Девочка *(из окна)* . Дядь, дай кусочек!

Серена *(Алеше)* . Отчего вам скучно на лице?

Алеша . Да все по социализму…

Серена . А это прелесть?

Алеша . Угроблю за вопрос! Иль не видишь?

Серена . Нет, я вижу только вас.

Девочка *(из окна)* . Дядь, дай кусочек!

Другое существо *(из населения за окном)* . Ну, хоть что-нибудь!

Позади всех, за окном, появляется лицо Мюд.

Щоев . Алеша! Давай нам часть неофициальную!..

Алеша переводит некий рычаг — и стол с остатками яств уползает прочь — в боковую прорву учреждения. Гости на ногах.

Голоса за окном . Нам хоть невкусное… Хоть мутного.

Чуждый мусорный голос *(взрослого, за окном)* . Дозвольте жижку жевнуть! Я тоже был член.

Пожарный закрывает окно. Но извне открывается другое, соседнее окно — и те же

лица глядят, в том же порядке, точно они не переменили места. Пожарный закрывает и это окно. Открывается опять прежнее окно — и те же лица, в неподвижном порядке.

Щоев . Евсей! Упорядочь население!.. Алеша, давай же нежное…

Алеша переводит приводной ремень на шарманке, и, хлопая сшивкой по шкиву, ремень вращает шарманку; шарманка играет нежную музыку — вальс. Гости начинают двигаться в такт.

Евсей *(в окно)* . Вы что уставились?

Голос девочки *(за окном)* . Нам хочется вкусненького!

Чуждый мусорный голос . Дай, пожалуйста, я чего-нибудь проглочу!

Евсей . На, пей ради бога. *(Дает кому-то за окном чашку с уксусом, оставшуюся на трибуне)* . Здесь ведь научный вечер — тут мучаются из-за вас, братец ты мой.

Человек выпивает за окном уксус и отдает чашку обратно.

Чуждый мусорный голос . Люблю жидкое…

Гости танцуют: Алеша с Сереной, Опорных (большого роста человек) с маленькой своей женой, Стерветсен с выдвиженкой Евдокией и т. д. Один Щоев сидит задумчиво на возвышенном месте.

Щоев . Уважаю я это наслажденье масс…

Евсей *(приближаясь к Щоеву)* . Чего-то, Игнат Никанорович, я сейчас всех граждан полюбил!

Щоев . Все животные, Евсей, любят друг друга. Нужно иметь не любовь, а установку… *(Более задумчиво)* . Установка… без нее давно лежал бы каждый навзничь.

Вальс продолжается. Опорных, прижимая к себе жену, блюет через ее голову в угловую урну и не останавливает своего вежливого супружеского танца; жена не замечает этого факта.

Мюд *(за окном)* . Алеша! Возьми нас туда!

Алеша не слышит, танцуя с Сереной, которая уже вся побелела лицом и скорее корчится, чем танцует, Стерветсен вдруг припадает к роялю, побледнев. Евсей хватает урну и почтительно держит ее перед ртом Стерветсена.

За окном стоит Мюд, и рядом с ней появилось лицо Кузьмы, лежащее подбородком на подоконнике.

Других людей никого нет; ясно видна районная ночь.

Стерветсен . Благодарю. Пища не вышла, она усвоилась вглубь.

Евсей . Если даже вас не вырвало, то наше население сроду не заблюет…

Первая служащая среди танца начинает извиваться телом, ее челюсти и горло сводятся в судорогах, ее мучит тошнотворное чувство, — она движется почти в припадке, вся трепеща от желудочного страдания. С ее кавалером-служащим совершается то же самое.

Первая служащая . Ах, я так в общем и целом довольна, но я больше не могу… я не в силах… из меня выходит вся душа…

Стерветсен . Продайте ее мне, мадемуазель…

Всех остальных танцующих также сводит рвотная судорога, но танец все же продолжается; одичавшие тела в мучении обнимают друг друга, но напор желудочного вещества давит им в горло, и танцующие откидываются один от другого. Музыка утихает.

Кузьма *(из-за окна запевает)* .

…Высоко в небе ясном…

Мюд *(жалобным голосом продолжает песню из окна)* .

…Вьется алый стяг…

Серена *(еле двигаясь в танце изнемогающим телом, говорит печально Алеше)* . Ах, мне так грустно в животе!

Алеша . Что у тебя — душа с телом расстается?

Серена *(судорожно наклоняется и плюет в платок)* . Рассталась уже!

Музыка замолкла вовсе. Гости расселись по сторонам и корчатся на стульях от желудочных чувств.

Серена сразу после факта с платком меняется, веселеет и танцует одна.

Серена *(отцу)* . Папочка, я теперь хочу фоксик!

Стерветсен садится к роялю и начинает играть медленный пессимистический фокстрот.

(Движется и поет) .

Бедный мой маленький парень,
Далекий, погибший матрос,
Вернись еще раз на прощанье,
Ты слышишь — плачет наш фокс…

(Грустно, Алеше) . Где у вас есть большевистская душа?.. Европа ведь скучает без нее и плачет…

Алеша . Буржуазия должна плакать без отдыха. Ей хорошо теперь поплакаться!

Серена . Ах, Алеша, большевизм такой милый, у вас так весело и трудно!.. Обнимите меня с вашим большевистским мужеством…

Алеша *(отстраняя Серену)* . Неинтересно: ты буржуйка…

Опорных . Этта… Как-то она?! Игнат Никанорыч, можно меня вырвет — во мне добавок остался…

Годовалов *(умоляюще)* . Игнат Никанорович, я только один переедок вышвырну изо рта — я пищи перехватил…

Первая служащая . Товарищ Щоев, разрешите мне быть сейчас выходной. Я уже была рада весь вечер!

Щоев . Умолкните! Приучайте себя к выдержке — вы откроете новую эпоху светлой еды. Весь мир развивается благодаря терпежу и мучению. *(Задумчиво)* . Терпеж! Вот причина для движенья времени куда-то!

Евсей *(гостям)* . Довольно вам притворяться!..

Кузьма за окном плачет: по железному лицу сочится какая-то влага.

Мюд *(из-за окна)* . Алеша, возьми нас к себе, нам скучно. Здесь природа-фашистка дует в меня, а Кузя плачет.

Алеша *(спохватывается)* . Мюд! *(Втаскивает ее в окно, затем Кузьму — Кузьма бурчит).*

Гости все поворачиваются лицами к стене; их томит тошнотворность. Кузьма ест остатки пищи с канцелярского инвентаря. Бьют часы на башне в районе.

Серена . Папа, где же у них надстройка?

Стерветсен *(Щоеву)* . Господин шеф! Мы бы весьма желали, вы обрадуете всю панЕвропу, если отпустите нам горячий дух из вашей государственной надстройки!

Кузьма уходит в уборную.

Серена . Или хотя продали установку… Папа, она дешевле!

Щоев *(задумчиво)* . Наш дух энтузиазма хотите себе заготовить?!

Евсей *(Щоеву)* . Отпускайте его, Игнат Никанорович, без нормы. Нам тара нужна, а не дух.

Щоев . Что ж! Установок на энтузиазм у нас много, почти что затоваривание получилось…

Слышно, как Кузьма рыгает в уборной чугунным звуком и гости — после Кузьмы — одновременно делают то же самое.

Щоев *(обращает внимание на гостей)* . Ступайте прочь спать: завтра служебный день.

Гости исчезают. Остаются: Щоев, Евсей, Стерветсен, Серена, Мюд, Алеша, пожарный, милиционер.

(Продолжает) . Что ж, установочки идеологические наши мы можем вам отгрузить, но только за валюту!

Взрыв коллективной тошноты за сценой.

Евсей . Налопались, уроды!.. Брешут — привыкнут!

Милиционер и **пожарный** *(улыбаясь)* . У них выдержки нет!

Картина пятая

Сцена в прежнем оборудовании. На лавке спит Мюд, обняв Кузьму. Евсей дремлет на стуле. На конторке спит Серена, Щоев, Алеша и Стерветсен бодрствуют за столом. В открытое окно видны звезды над районом.

Щоев . Дешево даете, господин буржуазный ученый. Будь бы это продукт не скоропортящийся иль заготовительная цена его была подходящая, а то ведь — нет! Ты знаешь, где у нас установки хранятся?

Стерветсен . Не имею такого факта, товарищ шеф.

Щоев . А раз не имеешь понятия, то и не торгуйся… Что тебе — в амбаре, что ли, иль в буртах мы надстройки сваливаем?! Что тебе — нанял сторожа, что ль, по первому разряду тарифной сетки, плати ему двадцать четыре, купи валенки на зиму — и всё!? Ишь ты какой, интервент, дьявол!..

Кузьма *(во сне)* . Пап-па римский… Ххады…

Щоев . Ты прав, Кузьма, на все сто с лишним. Ты, господин агент буржуазии…

Стерветсен . Я не агент, я культурная личность Европы.

Щоев . Это все едино, личности у вас нет, раз ты в нашу периферию приехал. Личность теперь я… А ты считай дальше — во сколько нам обходятся одни складочные расходы на каждую идею! Считай: складываем мы ее в миллионы выдержанных личностей, каждую личность надо, не говоря уж кормить, — надо ее страховать, беречь от разложения, прорабатывать, чтоб в ней воздух не сперся и установка не протухла, — это ж нежнейший товар, господин научный, а не грыб!

Евсей *(со сна)* . А с грыбом, Игнат Никанорович, иль мало было хлопот?!

Щоев . Далее посчитай постройку каждой установки!..

Стерветсен . Разве ваша душа делается как промышленность?..

Щоев . Надстройка же она, дурак! Надстройка над отношеньем вещества!! Конечно, она у нас делается! В нашем райпотребсоюзе одну идеологическую резолюцию три года прорабатывали: сорок тысяч пайщиков были привлечены на ногах для выяснения принципиальной установки. Четырнадцать массовых кампаний было проведено! Тридцать семь человек старших инструкторов были брошены в гущу нашего членства на полтора года! Двести четырнадцать заседаний с числом присутствующих душ-едоков в семь тысяч штук! Да плюс сюда еще общие собрания, где скоплялись в итоге миллионы!.. Вот во что обходится нам строительство одной только установки! А ты хочешь всю надстройку купить!! У тебя всей Европы на один ее транспорт не хватит! А тара у тебя где? У вас же нет подходящей международной личности…

Кузьма . Пап-па римский…

Щоев . Он, Кузьма, не годится. Это жалкий оппортунист-схематик. *(Задумчиво)* . Схематик! Гнусный упрощенец линии Иисуса Христа, и больше нет ничего.

Алеша . Товарищ Щоев, давай я им свезу. У меня внутри много революционности лежит! Я чую все вперед будущего, я весь томлюсь от скуки заграничного капитализма!

Стерветсен . Я не понимаю… Я кормлюсь пищей, но живу душой. У нас на Западе тихо стало в сердце, а у вас она… ударник в радость и в грудь. Бедная интеллигенция желает

вашу душу. Мы просим подешевле, у нас кризис и так грустно в уме…

Щоев . Сочувствую. Но что ж с тобой делать, когда ты нищий?! У нас ведь контроль рублем, братец ты мой!

Кузьма . С капитализмом нужно соглашение…

Алеша . Лежи, Кузьма, лучше молча, раз я тебя устроил.

Мюд *(со сна)* . Не буди меня, Кузя. У меня виден сон.

Щоев . Знаю, Кузьма, что нужно. Неохота, да приходится. Он, интервент, черт, никак ведь не понимает, что у нас идет строительство сознательных гигантов — резолюций. А хочет купить их за ничто. Нам весь Кузбасс дешевле и скорее обойдется, чем проработка нашего устава!.. Евсей!

Евсей *(со сна)* . Э?

Щоев . Во сколько нам обошлось строительство нашего районного устава?

Евсей . Сейчас, Игнат Никанорович! Э-э, по исполнительной смете номер сорок восемь дробь одиннадцать — сорок тысяч с копейками, не считая затраты на живую силу собраний…

Щоев *(Стерветсену)* . Ну вот видишь! А ты хочешь установку купить! Купи лучше директивку — по дешевке отгружу…

Стерветсен . А можно? Там есть ваш энтузиазм?

Щоев . Браком не торгуем! Ваша товарная буржуазия на нас не жалуется.

Стерветсен . А сколько вам нужно средств?

Щоев . Евсей!

Евсей *(в дремоте)* . Э?

Щоев . За сколько мы с тобой сумеем директивку отпустить — со всеми нашими наценками?

Евсей . По тридцать семь рублей за штуку, Игнат Никанорович! Стоимость костюма среднего интеллигентного покроя…

Стерветсен . Костюмы у меня есть!..

Евсей . Давай!

Алеша *(Евсею)* . С него не бери. Лучше я тебе свои штаны с рубашкой отдам!

Евсей . Сиди в своих портках. Твой материал не валютный.

Алеша . Я вас побью вручную, чертей!.. Товарищ хочет в нашу идею окунуться, а вы…

Евсей . А мы его раздеваем, чтоб он окунулся и обмылся!

Щоев . Алеша! Успокой свою психологию, здесь не частное заведение.

Стерветсен . Серен!

Серена . Ие?

Стерветсен . Где наш гардероб?

Серена . Сейчас, папа! *(Поднимается и идет в угол, где два чемодана)* .

Евсей оперирует в чемоданах вместе с ней.

Алеша *(Щоеву)* . Вы не идею, вы бюрократизм за деньги продаете — я партии скажу!

Щоев . Ты прав на все проценты. Пускай бюрократизм в буржуазию идет — пускай она почешется. *(Задумчиво)* . Бюрократизм… Двинем его на капитализм — и фашистам конец. А то они нашего деревянного леса испугались, упрощенцы, черти! Пусть бы радовались, что мы им живую древесину отпускаем, а то наделаем из дерева бумагу, а из бумаги оформим душу — и пустим к ним ее: пускай тогда плачут…

Евсей тем временем сбросил с себя штаны и ватную куртку и переоделся в заграничный костюм.

Евсей *(берет папку с бумагами, дает одну бумажку Стерветсену, открывает место в папке)* . Распишитесь в получении.

Стерветсен *(расписывается и берет бумагу, потом читает)* . «Циркулярно. О принципах самовозбуждения энтузиазма». Это мы любим. Отпустите еще нам вашего настроения.

Евсей . Можно, Игнат Никанорович, там кофта для твоей бабы есть…

Щоев . Возьми Евсей. Баба тоже существо.

Евсей вынимает из чемодана цветную кофту, швыряет ее на стол Щоева. Стерветсен снова расписывается и получает бумагу.

Стерветсен *(читает)* . «Частичные примечания к уставу о культработе». Очень рад!

Щоев . Ну вот. Учись, чувствуй и станешь приличным классовым человеком.

Стерветсен . Спасибо.

Кузьма *(привстав, вынимает изнутри себя бумажку, что дал ему кольцевой почтальон, и подает ее Стерветсену)* . На!

Стерветсен *(беря документ)* . Благодарю вас…

Кузьма . Дай, ххад…

Стерветсен . Пожалуйста, прощу вас. *(Подносит Кузьме открытый маленький чемодан)* .

Кузьма берет цветную жилетку, брюки и успокаивается.

Алеша *(Щоеву)* . Отчего, товарищ Щоев, я гляжу на тебя, на всех почти людей, и у меня сердце болит?!

Щоев . Невыдержанное еще, вот и болит!

Кузьма . Покоя нету… Эклектики…

Щоев . Вот именно, Кузьма, что покоя нету… Я ночей не сплю, а мне говорят — у тебя темпов мало. Я нежности из надстройки хочу, а мне сообщают — радуйся сам по себе… Я скучаю, Кузьма!

Кузьма . В будущее рвутся… Х-хады…

Мюд шевелится и открывает глаза.

Щоев . Рвутся, Кузьма!.. О господи, господи, хоть бы ты был, что ли!

Евсей *(роется в чемоданах)* . Тут еще есть добро, Игнат Никанорович! Может установочку продадим на валютный товар?..

Щоев . Продадим, Евсей… Мы ведь и без установки простоим. А свалимся, так будем лежа жить… Эх, хорошо бы лежа теперь пожить.

Алеша . Продавайте уж сразу всю надстройку! Нам не жалко — у нас вырастет душа из остатков!

Щоев . Ты прав, Алексей. А где ее взять — надстройку, чтобы по накладной одно место поучилось?

Алеша . Она вся в тебе целиком, товарищ Щоев! Ты же самый четкий человек в районе!.. А у нас надстройки нету — мы нижняя масса, ты сам говорил!

Щоев . Да пожалуй что!.. Я ведь все время чувствую что-то величайшее, только говорю не то.

Стерветсен . Нам и нужно ваше чувство!

Мюд . Алеша, продай Щоева, он сволочь социализма.

Алеша *(тихо)* . Я давно все чую, Мюд. Лежи пока во сне.

Щоев . А то и правда, Евсей, — продать свою душу ради Эсесер?! Эх, погублю я себя для социализма — пускай он доволен будет, пускай меня малолетние помнят!.. Эх, Евсей, охота мне погибнуть — заплачет надо мною тогда весь международный пролетариат!.. Печальная музыка раздастся во всей Европе и в прочем мире… Съест ведь стерва-буржуазия душу пролетария за валюту!

Евсей . Съест, Игнат Никанорович, и энтузиазм украдет. А весь Эсесер останется без тебя круглой сиротой, и что нам тогда делать, кто нас возглавит без тебя!.. *(Искажает лицо для плача, но слезы у него течь не могут, и он надевает в тоске пенсне из кармана заграничного костюма, в который уже оделся, из чемодана Стерветсена)* .

Щоев . Да, пожалуй, что ты прав, Евсей!.. Обдумай это и доложи впоследствии…

Алеша . Нечего обдумывать. Торгуйся подороже с буржуазией за все свое туловище, в котором дрожит твоя идеологическая душа!.. Или ты республику разлюбил, сволочь?!

Стерветсен *(Щоеву)* . Ну, пожалуйста, я прошу… Если бы вы надстройка… психея радости… то я прошу воодушевить Европу всем сердцем вашей культуры. Едемте в наш

свет!

Щоев . Возглавить вас, что ль?

Стерветсен . Вы сообщаете верно. Нам нужно ваше полное мероприятие культуры.

Серена испуганно, неразборчиво бормочет во сне по-французски.

Щоев . Пугается барышня чего-то!

Евсей . Установки нету, вот и боится. Классовое сознание разлагается…

Алеша . Поезжай, товарищ Щоев! Проси миллион!

Щоев . Я несколько дороже этой суммы. Как, Евсей?

Евсей . Я озадачился и все обдумал: Игнат Никанорыч, как наша возглавляющая надстройка, должен остаться в Эсесере, потому что Эсесер дороже всей прочей гнусной суши…

Щоев . Ты прав, Евсей!!

Алеша . Ехайте оба на другой свет — вы нам дешевле всех…

Евсей . Обожди, Алеша, перегибать… Я полагаю, что мы быстро найдем подходящую идейную личность среди наших пайщиков. Пусть она поедет в фашизм и даст ему надлежащее настроенье. Нам это пустяки — им хочется одного духа, а он — ничто. Нам его девать некуда — нам нужен один материализм!

Щоев . Опорных, что ль, отпустить?

Евсей . Петьку-то? Он дурак, он нам самим дорог…

Щоев . Ну, Годовалова.

Евсей . Невыдержанный человек. Все время рад чему-то.

Щоев . Может — бабу?

Евсей . Цену снизят, Игнат Никанорович.

Серена *(во сне)* . Ах, папа, папа, я так люблю советского Алешу и не могу проснуться от нашей грусти.

Стерветсен . Спи, наша девочка!

Серена . Но папа, это бывает так же редко, как жизнь, — один раз.

Евсей . Ну, нашла себе дура установку!

Щоев . Ну кого же с духовным грузом-то послать?

Кузьма . Тихий разумный элемент…

Щоев *(на Кузьму)* . Он мыслит, почти как я. Пошлем тихий разумный элемент.

Евсей . Ложитесь пока отдыхать, Игнат Никанорыч. А завтра мы соберем пайщиков и назначим торги на лучшую идеологичность. И пошлем какой-нибудь некий элемент!

Щоев . Ты умен, Евсей! До свиданья, господин буржуазный ученый. Прощай, Кузьма!

Кузьма . Спи, актив!..

Щоев . Кузьма, ты живой, что ли?

Кузьма . Да. Почти что… как ты…

Мюд . Алеша, я вижу во сне одних буржуев и подкулачников. Только мы с тобой — нет!

Алеша . Бей их, Мюд, и во сне!.. Где они?!

Евсей . Граждане, прошу спокойно. Здесь идет социалистическое строительство. Дайте мне возможность запродать профессору наши установки!..

Мюд *(сталкивая Кузьму на пол)* . Иди от меня, оппортун! Ты за них стоишь!

Кузьма брякается на пол. В районе бьют часы.

Акт третий

Картина шестая

То же самое учреждение, но опустелое, лишенное механических устройств. Идет собрание пайщиков. Присутствуют все люди, которые были на балу кушаний, плюс еще

человек десять разных личностей. Трибуна. На трибуне Щоев и Евсей. Они, как и Опорных, Годовалов, Клокотов, — в заграничных костюмах; Щоев, кроме того, в роговых очках. Евсей в пенсне. Кузьма — в заграничной жилетке, в брюках — вид совершенно человеческий. Наоборот, Стерветсен и Серена одеты теперь совсем плохо: профессор в пиджак-кацавейку желто-тифозного цвета, в ватные штаны ополченческого образца, в картуз; его дочь — в ситцевый кухарочный капот, на голове ее — уездный полушалок. К моменту начала этого действия собрание уже давно идет. Шум.

Щоев *(курит сигару; задумчиво, в наставшей вдруг тишине)* . Никого нету. Все выдержаны, у всех внутри бушует что-то светлое, а всё — явно недостаточно. Петя, как у тебя дело с душой?

Опорных . Да всё, Игнат Никанорыч, — как-то ее? — прилично. И еще… эт-та… мне хорошо!

Щоев . А ты что полагаешь, Годовалов?

Годовалов . А я же рад, Игнат Никанорыч, я не понимаю.

Евсей . Может, девчонку Мюд отослать?

Щоев . И то, Евсей. Девчонка!! Ты как настроена?

Мюд . Я определенно против.

Щоев . Чего — против?

Мюд . Против тебя. Ты потому что сволочь, аллилуйщик, право-левый элемент, ты замучил всю местную массу, у тебя тары нету, ты гад бедного класса, ты вот что такое!.. Алеша, мне скучно здесь, я вся плачу… Идем отсюда в социализм!

Алеша . Погоди, Мюд. Я еще зажгу в них энтузиазм! Или — потушу их навеки!

Мюд . Лучше потуши их навеки. А то я слышу по ночам, как гремят вдалеке молотки и колеса, и еще гвозди! У меня так тогда сердце болит, Алеша, что мы с тобой не там!.. Я хочу ударничества, Алеша, и чтоб было скучно от трудности!

Кузьма . Голосуй единогласно… Внедряй!..

Щоев . Нечего, Кузьма. Не пришли еще к мнению…

Годовалов . Игнат Никанорыч, ты Евсея Ивановича продай буржуазии — дюже дорог человек!

Евсей . Вася! Молчи, пока я тебя не переизбрал!

Первая служащая . Игнат Никанорович! Меня командируйте… Я в культэстафете была, во мне ведь давно скрывается роскошное обаяние духа — только я не говорила!.. Я безумно люблю соревнование с Европой!..

Щоев *(задумчиво)* . Эх, женщины, женщины, отчего вы толстые снизу, а не сверху?! Евсей, думай же что-нибудь ради бога — ты видишь: я томлюсь.

Евсей . А я уже выдумал, Игнат Никанорыч! Мы Кузьму отправим!

Щоев . Как, Евсей? Он же одна идея!

Евсей . А мы же и продаем, Игнат Никанорович, одну идею! Надстройка же! Пустяк над базой! А Кузьма человек твердый, выдержанный, разумный почти что!

Мюд . Пускай, Алеша, продают. Мне Кузю ничуть не жалко. Мне жалко пятилетку в четыре года.

Серена . Папа, пусть они дадут нам Алешу! Он есть надстройка!

Мюд *(бросается на Серену)* . Ты дурочка капитализма! Алеша всю вашу Европу расстроит — вот что!

Серена . Ах, я уже расстроена…

Щоев . Кузьма! Мы тебя отправляем в буржуазию, как груз, а ты будешь там как идеология ихней культуры!.. Ты живым-то можешь быть?

Кузьма . Не могу жить!.. Ххады…

Щоев . Что с тобой?

Кузьма . Не хочу жить, а то ошибусь… хочу остаться железным…

Щоев . Печальный элемент!

Евсей . Он боится твердость потерять, Игнат Никанорович. Боится в беспочвенный энтузиазм впасть и сползти со своих убеждений в уклон. Он — разумный элемент.

Кузьма . Боюсь скатиться с установки… Живые — рады энтузиазму и мучаются, а я сомневаюсь и покоен. Никого нету, ххады. Один товарищ Угланов Михаил Палыч!

Щоев . Он действительно разумный элемент.

Серена *(указывая на Кузьму)* . Кто это?

Алеша . Он стал буржуазным угожденцем.

Серена . Ударник?

Алеша . По нас бьет. Мы его нарочно выдумали — для проведения воспитательной работы…

Мюд . Кузя — сволочь… Он оппортунщик…

Опорных . Этта… Как-то она самая?

Один из пайщиков . Игнат Никанорыч, разрешите мне поехать разложить Европу!

Опорных . Этта… Может, Игнат Никанорыч, мы здесь только не подходящи для идеологичности, а там опомнимся?

Стерветсен . Я с приветом извиняюсь… Но если для вас такая продажа приносит дефицит…

Евсей . Верно, ученый. Нам твоя цена убыточна. Набавь какую-нибудь толику!

Стерветсен . Мы почти согласны…

Щоев . Ты правильно учел, Евсей. Пускай в набавку идет он сам. Закрепи его до конца пятилетки, как научный кадр.

Евсей . Скроется, Игнат Никанорыч!

Щоев . А мы его — вот что… Мы подписку возьмем…

Годовалов . Женить его, и больше ничего. У нас Евдокия без нагрузки ходит. Пусть он Евдокию полюбит…

Щоев . Евдокия!

Выходит из массы Евдокия.

(Указывая на Стерветсена) . Можешь полюбить иностранного мужика?

Евдокия . Да то будто нет, что ли!?

Щоев *(Стерветсену)* . Вот твоя особа, протерпи с ней года два, тогда я вас разведу. Поцелуйтесь теперь!

Евдокия первая обхватывает и целует Стерветсена.

Евсей . А как же дочка, Игнат Никанорыч? Дочка заскучает ведь!

Щоев . Сейчас… Алешка, обнимай барышню-буржуйку. Полюби ее ради общего дела.

Серена хочет приблизиться к Алеше.

Алеша *(вскакивая на трибуну)* . Я поеду к буржуям! Во мне все время бушует идейная душа… *(Стерветсену)* . Что вы дадите Эсесеру за нашу надстройку?

Евсей . Сколько нам заплатите наличными за производство революции?

Серена . Дирижабль, Алеша!

Алеша *(счастливый)* . Дирижабль!!! На нем высоко взойдет пролетариат над всею бедняцкой землей!.. Я согласен сгореть в Европе за такую машину!

Стерветсен . Но я не понимаю…

Серена . Папа, Алеша меня любит…

Опорных . Как то есть ее?! Нам дирижабль в виде тары нужон! У нас кадушек нету!

Годовалов . Я б вынес мнение — купить заново гуже-транспорт.

Один из пайщиков . На что нам идея? Мы уж давно все осознали. Всемирный вопрос — пустяк.

Мюд . А я, Алеша? А я с кем останусь? Я умру от оппортунизма…

Алеша . Ничего, Мюд. Я сейчас его ликвидирую. Кузьма?

Кузьма *(из гущи собрания)* : Э?..

Алеша . Хочешь кончиться навеки?

Кузьма . Покоя хочу. Мертвые угождают всем.

Алеша выводит Кузьму из собрания наперед. Вынимает из кармана разводной ключ, отвертку и прочие инструменты. Отвинчивает Кузьме голову и швыряет ее прочь.

Опорных . Этта… Я головку ту возьму — можно чашку для щей сделать… *(Берет себе голову Кузьмы)* .

Алеша извлекает из груди Кузьмы примус, радиоаппаратуру и прочие немудрые предметы. Затем разымает все туловище на несколько частей — элементы Кузьмы с грохотом падают на землю и сыплются пятаки; из глубины же погибшего железного тела вырывается облако желтого дыма. На полу остается куча железного лома. Все следят за облаком рассеивающегося желтого дыма.

Мюд *(глядя на дым)* . Алеша, это что?

Алеша . Отработанный газ. Оппортунизм.

Мюд *(меланхолично)* . Пускай пропадает. Им дышать все равно нельзя.

Стерветсен . Я сожалею о кончине гражданина Кузьмы. Мы в Европе нуждаемся в железном духе.

Клокотов выходит с мешком и складывает туда остатки Кузьмы.

Алеша . Не скучай, ученый человек. Я из тебя тоже могу железку сделать.

Стерветсен . Я далеко не возражаю.

Щоев . Опорных! Петя!

Опорных . Я вот он, Игнат Никанорыч!

Щоев . Прими и сдай Кузьму в райутиль в счет нашего плана.

Опорных . Сычас, Игнат Никанорыч… *(Бросается по служебному делу)* .

Щоев *(Алеше)* . А ты что же — оппортунистов выдумываешь, товарищ дорогой? Массу хочешь испортить?

Алеша . Да я, товарищ Щоев… Я нечаянно… Я хотел героя сделать, а он сломался…

Щоев . Сломался?! Мало ли что сломался! Подавай теперь заявление, что ты осознал свою ошибку. Но заявление свое считай явно недостаточным, а себя признай классовым врагом…

Евсей . Да, да… Ишь ты какой! Герой сломался! Разве герой может сломаться?

Алеша горестно наклоняет голову.

Мюд . Не плачь, Алеша. Ты зажмурь глаза, а я поведу тебя в социализм как слепого. И мы будем опять одни с тобой петь в колхозах о пятилетке, об ударниках — обо всем, что лежит на сердце.

Алеша . Нет… Я оппортуниста сделал. У меня душа теперь печально болит.

Евсей . Заявление подай. Пиши, что чувствуешь немалую тоску.

Щоев . Осознайся, полегчает.

Один из пайщиков . Смерть предателю интересов нашей прослойки!

Первая служащая . Ах, это ужас!.. Этот неофициальный музыкант оказался примиренцем, он нашу идеологию упростил!.. Вы понимаете?

Разговор среди собрания :

— Кошмар!.. Я говорил, что интервенция будет…

— Документы! Документы проверьте!.. Хватай его за документ!

— Окружите их несокрушимым единством рядов!

— Это формальное заблуждение — он должен отречься от своего безобразия!..

— Дайте ему плюху, кто поближе!

— Он вредитель, он классовый аппарат хочет сломать!..

— Фашист! Дайте мне прорваться к нему! Дайте мне лицо классового врага!

— Ах, в нас бушует высшая ненависть! И главное — в общей груди!

— Потеха, едрена мать!

— Интересно теперь жить в учреждении! Прямо весь дрожишь от чувств!

— Членов арткружка — прошу ко мне!

— Серен, что здесь такое? Я опять в недоразумении…

— Ах, папа, здесь самотек интриги!..

— Этта… как-то ее… Алешка — ты сволочь!

— А я, знаете, все время, все время, даже когда мне аборт делали, — все время чувствовала, что у нас на службе что-то неблагополучное… Я даже доктору при операции это говорила… Я сама удивляюсь!

— Ух, люблю я эти опасности!

— Вы же милый человек. Вы на подлость только по отношению к женщине способны.

— Конечно же, не по отношению к государству!

— Учредить порочное предприятие для изменников!

— А-а, давай-давай-давай погорячей!.. Потеха, сукины сыны!

— Теперь, товарищи, нам нужно сплачиваться!

— Следите друг за другом!

— Не доверяй себе никто!

— Считай себя для пользы службы вредителем!

— Карайте сами себя в выходные дни!

— Больше мученья, больше угрызений совести, больше тоски за свой класс, товарищи!

— На высокую ступень!

— Ура!..

Алеша стоит, окруженный всеобщей враждой: он тоскует и растерян. Он не знает, как ему дальше жить.

Щоев . Умолкни, стихия!..

Наступает тишина.

Достаточно будет, если человек письменно раскается в сердечном заблуждении.

Евсей . Нам важно получить от него документ по форме, и больше ничего. Согласно документа он исправится механически!

Щоев . Ты прав, Евсей! *(Задумчиво)* . Документ!.. Сколько задумчивости в одном слове! Венчая память мыслям человечества!

Алеша . Я был единоличный талант…

Евсей . Ты дар божий, а бога нет…

Алеша . Отчего я не стал железным! Я был бы верен вам навсегда!

Евсей . Твердости нет, нежность тебя замучила.

Алеша . Вы правы кругом! А я ничто, меня больше нет на этом организованном свете.

Евсей . Дисциплинки не хватило, установочка расшаталась.

Алеша . Я думал что попало, я некультурный, у меня чувства бродили без русла, и я часто плакал даже от одной грустной музыки…

Щоев . Ты выдумывал без руководства, и твои предметы работали наоборот. Где ты раньше был — я б возглавил тебя!

Алеша . Я сознаю себя ошибочником, двурушником, присмиренцем, и еще механистом… Но не верьте мне… Может быть, я есть маска классового врага! А вы думаете редко и четко, вы — умнейшие члены! А я полагал про вас что-то скучное, что вы плететесь в волне самотека, что бы бюрократическое отродье, сволочь, кулаческая агентура, фашизм. Теперь я вижу, что был оппортунистом, и мне делается печально на уме…

Мюд . Алеша! Я одна теперь осталась! *(Отворачивается ото всех и закрывает лицо руками)* .

Щоев . Ничего, Алексей, мы тебя образумим!

Серена . Папа, что здесь такое?.. Алеша, не бойтесь!

Стерветсен *(Щоеву и Евсею)* . Я отказываюсь от сделки на эту *(указывая на Алешу)* психологию. Это брак, а не надлежащая надстройка. Нам полезны лишь горячие, беззаветные герои! Я отметаю этот брак!

Евсей . Ввел ты нас в убыток, Алешка!

Алексей . Я жалкий заблужденец, а вы вожди…

Щоев . Это нам достаточно известно. Мы руководим и подытоживаем.

Мюд . Зачем ты такой, Алеша?!

Алеша . Я присмиряюсь под фактом, Мюд.

Мюд . Зачем ты испугался этой гнусной прослойки? Ведь я осиротею без тебя. Я не подниму одна шарманку и не дойду по такой жаре до социализма!.. Алеша, товарищ Алеша!..

Алеша плачет. Все молчат.

Щоев . У него нежность наружу выползает. Не сберег, стервец, до будущего.

Мюд вынимает из кофты револьвер. Направляет дуло на Щоева и Евсея.

Мюд . Кончайтесь!

Евсей сразу, безмолвно и обильно плачет: все лицо покрывается текущей влагой. Щоев глядит на Евсея и Мюд с неверием.

Опорных . Этта… Евсей Иванович, разве у тебя слезы? Ты ж плакать сроду не мог!

Мюд . Кончайтесь! Вы социализм будете мучить!.. Лучше я вас замучаю!

Щоев . Сейчас, товарищ женщина. Дай бумажку — я заявление напишу, что отрекаюсь от ошибок…

Евсей *(ничтожно, детским голосом)* . У нас чернила нету, Игнат Никанорович. Попроси гражданку девушку обождать. Мы ей расписку дадим, что согласны кончаться…

Щоев . Печального хочу. Алеша, сыграй нам марш…

Мюд . Скорее. У меня рука уморилась.

Щоев . Евсей, поддержи руку гражданке.

Евсей бросается к Мюд. Мюд стреляет в него. Евсей падает и лежит неподвижно. Мюд направляет револьвер на Щоева. Собрание инстинктивно делает шаг в сторону Мюд.

Мюд . Спокойно. У нас некогда могилы рыть!

Собрание замирает.

Щоев . От лица пайщиков выражаю благодарность товарищу женщине за смерть этого *(указывает на Евсея)* тайного гада…

Мюд *(Щоеву)* . Я тебе слова не давала.

Щоев . Извиняюсь. Но разрешите мне тогда попечалиться… Алеша, отпусти мне, пожалуйста, что-нибудь из музыкального напева!

Опорных . Сейчас, Игнат Никанорович! Где она — эта, как-то ее? *(Исчезает вон, появляется с шарманкой; подносит ее к Алеше)* . Пожалуйста — ради бога.

Евсей *(лежа)* . Чтой-то, Игнат Никанорыч, не кончусь никак.

Щоев . А ты, Евсей, помаленьку. Ты не спеши — как-нибудь управишься. Тебе что: помирать неохота?

Евсей . Да ведь раз я гад, то приходится, Игнат Никанорыч. Глядите, только не скучайте без меня.

Щоев . Не будем, Евсей. Алеша, заведи нам что-то мотивное.

Алеша начинает тихо вертеть музыку. Музыка играет скорбящую песенку, затем несколько стихает и играет еле слышно.

Опять мне жалостно что-то! Гражданка, дай мне хоть заявление написать, что я всему сочувствую.

Евсей шумно вздыхает на полу.

Первая служащая . Евсей Иванович вздыхает.

Евсей . Предупреждаю — без меня в строительстве будет прорыв…

Опорных . Как-то его?! Убит, а сочувствует…

Мюд . Рука уморилась, Сейчас стрельну.

Алеша *(запевает под мотив своей музыки)* .

По трудной веселой дороге
Идем мы, босые, пешком…

Мюд . Другую, Алеша, другую, гад! Тебе теперь не трудно и не весело. Вот эту…

Музыка смолкает.

(Опускает револьвер и поет одна в совершенной тишине) .

Кто отопрет мне двери,
Чужие птицы, звери?!
И где ты, мой товарищ,
Увы — не знаю я!

Евсей *(с пола)* . Можно я буду твоим товарищем?.. Я ударником стану, в энтузиасты запишусь, весь век буду усердие иметь!.. Тару сорганизую!

Собрание входит в песню и поет под шарманку:

«И где ты, мой товарищ,
Увы — не знаю я!»

Щоев *(плачет сквозь роговые очки)* . Кончиться хочу…

Шум птиц, шум потоков воды — вдалеке, вне учреждения. Треск мотоцикла. Вбегает агент совхоза.

Агент совхоза . Мобилизуйте мне массы поскорее! Я птиц и рыб гоню обратно в экономию!.. Вы что такое?

Щоев . Не бойся трудностей, товарищ, — гони один.

Агент совхоза . А?

Евсей . Можно, я загоню? Меня животные боятся.

Мюд . Беги…

Евсей, бодро вскочив, убегает. Агент также скрывается следом.

Опорных . Убитые еще лучше стараются. Вот это — как-то ее? — установка!

Стерветсен . Граждане района, я поражен наличием вашего духа!.. Я высоко оценил вашу прохожую девушку Мюд!

Щоев . Что ж ты меня не убиваешь, девчонка?! Тварь маломощная! Мужества испугалась? *(Задумчиво)* . Мужества!.. Люблю я свою личность за качество!.. Бей, душегубка!

Мюд . А я уже расхотела. Я перегибщицей боюсь стать.

Серена . Папа, ты не купишь теперь Алешу?

Стерветсен . Нет, он разложился, Серен…

Собрание постепенно укладывается спать на пол и на канцелярский инвентарь. Мюд берет у Алеши шарманку, с трудом несет ее на спине до двери, у двери останавливается и оглядывается на учреждение. Все люди бдительно смотрят на нее…

Алеша . До свиданья, Мюд!

Мюд . Прощай, гад-присмиренец!

Лежачее собрание поднимает руки для приветствия уходящей.

Мюд *(показывает им кулак и улыбается)* . Эх вы, гуща низовая!.. *(Открывает дверь)* .

Стерветсен *(встает с пола и бросается к Мюд)* . Слушайте меня, маленькая госпожа… Разрешите приобрести вас для Европы. Надстройка — это вы!

Мюд смеется.

Но я вас прошу. Вы ум и сердце всех районов нашей земли. В вас влюбится Запад…

Мюд *(серьезно)* . Нет. Мне любовь не нужна. Я сама люблю.

Стерветсен . Разрешите узнать — кто у вас на груди?

Мюд . Товарищ Ленин.

Собрание *(почти хором)* . Приветствуем!

Стерветсен . Но вашему государству необходимы дирижабли, а мы можем подарить целую эскадру воздушных кораблей…

Опорных . Бери, девка!

Мюд . Не хочется что-то. Мы пока пешком будем жить.

Стерветсен *(кланяясь)* . Чрезвычайно жаль. Мюд. Попроси у пролетариата своего района…

Стерветсен . Благодарю вас.

Мюд уходит. Тишина.

Щоев *(вздыхает)* . Доколе, господи!..

Опорных *(лежа в собрании)* . Эх, как-то тебя? — Игнат Никанорыч, Игнат Никанорыч… Кто ж нас утешит теперь?!

Щоев . Эх ты, Петя, Петя, печали я теперь хочу… Мне давно уж все ясно, а нынче тянет на что-то неопределенное…

Клокотов . Товарищ Щоев, давай, пожалуйста, текущие дела. Члены тоже ведь умариваются. Завтра надо рано вставать — план выполнять.

Первая служащая . Ах, нет, что вы говорите! Нам слишком интересно. Мы любим побеждать трудности.

Стерветсен *(багровея лицом от злобы)* . Обманщики, рвачисты, аллилуйщики… самотек… У вас нет установок — это циркуляры, у вас нет надстройки — вы оппортунисты!.. Берите ваши отношения *(извлекает из штанов бумаги и швыряет их в пространство)* , берите ваши пункты и параграфы — отдайте мне мои костюмы, мои сорочки, мои очки и принадлежности!..

Серена . Кофты, лифчики, чулки, комбинезоны!!

Стерветсен и Серена бросаются на Щоева, на Клокотова и сдирают с них свое бывшее платье.

Годовалов *(первой служащей)* . Слухай, ты кажется иностранный напузник обменяла на копию перспективного плана?..

Первая служащая . Я… А вы у меня взяли и своей супруге отнесли — сказали, что она в тот день родилась сорок лет назад. Помните?

Клокотов . Забыл.

Щоев уже без пиджака, без жилетки и без очков. Серена управилась с него содрать эти предметы. Стерветсен тем временем раздел почти донага Клокотова. Щоев, когда его обдирают, равнодушно читает одну из бумажек, вышвырнутых Стерветсеном.

Щоев . Остановитесь, граждане, нас, оказывается, уже нету…

Всеобщее внимание. Все лежачие встают.

(Читает) . «…Ваша Песчано-Овражная коопсистема с сего апреля месяца обращается к ликвидации. Заброска промтоваров, равно и хлебофуража прекращается. Основание: означенный населенный пункт сносится, ради промышленной эксплуатации подпочвы, в которой содержится газовый угар…» *(К собранию)* . Не понимаю. Как же мы были, когда нас давно нет?..

Клокотов . Так ведь мы угаром, стало быть, дышали, Игнат Никанорович! Как же тут поймешь: сознательно ты существуешь или от угара?!

Щоев *(задумчиво)* . Газовый угар!.. Вот она, объективная причина несознательности районного населения.

Годовалов . А что ж теперь нам-то делать, Игнат Никанорович? Ведь объективных причин, люди говорят, кету, а есть одни субъекты…

Щоев . Объектов нету, говоришь?.. Тогда организуй самобичевание, раз ты субъект.

Годовалов . Сейчас, Игнат Никанорович! *(Суетится)* .

Стук топоров. Отваливаются несколько бревен в задней (относительно зрителя) стене учреждения. В просвете работают двое рабочих. Отваливается еще часть стены. Собрание ложится вновь, кроме Стерветсена и Серены, которые стоят с отобранными кучами одежды в руках.

Один из рабочих *(закладывает под верх учреждения крановые зубья и кричит)* . Краном! *(К собранию)* . А нам говорили, что тут давно чистое место и никого нету… Вы нам весь путь загородили…

Верхняя часть учреждения уходит в высоту, остатки стен разваливаются. Видна

пустота мира — бесконечный районный ландшафт. Пауза. Затем слышится издали шарманка: где-то играет невидимая ушедшая Мюд.

Музыка торжественна и трогает скучное чувство человека.

Мюд поет вдалеке :

«В страну далекую
Собрались пешеходы,
Ушли от родины
В безвестную свободу,
Чужие всем —
Товарищи лишь ветру…
В груди их сердце
Бьется без ответа».

У Щоева разгорается бурчание в желудке, и он трет себе живот в надежде потушить звуки. Собрание безмолвно лежит вниз лицом. Стерветсен и Серена одиноко стоят среди ликвидированного поверженного учреждения.

Серена . Папа, что все это такое?

Стерветсен . Это надстройка души, Серен, над плачущей Европой.

Высокое напряжение

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Абраментов Сергей Дмитриевич — инженер, 45 лет.

Крашенина Ольга Михайловна — инженер, лет 25.

Мешков Иван Васильевич — утомленного вида инженер, лет 40 с лишним.

Жмяков Владимир Петрович — инженер, небольшого роста, сытое туловище, не более 40 лет.

Девлетов Илья Григорьевич — директор завода, 35 лет.

Распопов Семен Федорович, Пужаков Петр Митрофанович — рабочие-ударники аварийной службы, оба средних лет.

Муж Крашениной — служащий, лет 30.

Почтальон.

Работница, разносящая обеды.

Несколько рабочих и работниц.

Громкоговорящие телефоны.

Действие происходит на большом заводе в течение 4–5 дней.

Действие первое

Занавес опущен. Редкие удары механического молота. Пауза. Затем судорожная частота ударов нескольких молотов. Пауза. Занавес поднимается. Через сцену в зрительный зал врывается шум работы большого завода, иногда судорожно бьют молота и слышен вихрь спускаемого пара.

Комната — жилище Мешкова: наибольший беспорядок, горы сора, стихийная постель, пустые бутылки на полу, примус, на стенах чертежи машинных конструкций, портрет

Дзержинского. Телефон. Над телефоном крупный номер: 4-81.

Окно открыто в ночной мир: грохот завода, сияние электричества, свист пара и сжатого воздуха. Инженер Мешков стоит у окна спиной к зрителю. Он кашляет. Затворяет окно. Настает почти тишина — заглушен, но, как бы вдалеке, звучит завод. Мешков лежит среди стихии комнатных предметов.

Где-то начала играть духовая музыка, и ее слышно в комнате то сильнее, то слабее. Она играет нечто печальное и героическое; временами затихает совсем; сейчас ее почти не слышно.

Мешков . Нужно скончаться… Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк… Вот уже опять стоит в мире вечернее время. Но никто ко мне в гости не приходит, и мне пойти некуда.

Громче играет музыка вдалеке, в невидимом саду.

(Прислушивается: музыка стихает, словно относимая ветром) . Люди отдыхают где-то. А я, чем больше дома, тем больше устаю… О чем это всегда играет музыка? Она как будто обещает человеку друга. Светлое будущее… Но я скучаю от товарища и утомляюсь от врага.

Стучат в дверь.

Входите, кто там есть.

Входит Абраментов, в дешевой, изношенной одежде, худой и бледный человек.

(Не узнавая) . Вы кто? Вы зачем пришли?

Абраментов . Инженер-механик Абраментов, ваш бывший друг… А сейчас ищу не дружбы, а ночлега: все общежития и бараки переполнены…

Мешков *(узнавая, радуясь)* . Откуда ты, милый мой Сережа? *(Встает, целует пришедшего, почти плачет)* . Я ведь один теперь на свете — жена еще при тебе скончалась, а сыновья бросились куда-то в Республику и скрылись от меня…

Абраментов . Да, Иван Васильевич… *(Осваивается в комнате)* . Давно мы с тобой не глядели друг на друга!

Глядят друг на друга.

Ты что так постарел, Иван?

Мешков . А я, Сережа, устал от исторической необходимости. Я живу и все время чувствую какой-то вечный вечер. Как будто везде уже зажжены свечи.

Абраментов . Отчего же?

Мешков . Не знаю… Я ослаб. Я вижу, что стал бездарен, что новые люди способней меня и знают уже больше. У них великая практика, Сережа… А ты где был?

Абраментов . В Австралии, а потом в тюрьме… Отчего у тебя в комнате сор и не прибрано?

Мешков . Настроения нету… В Австралии? Зачем ты там был? Ты знаешь, я забыл однажды формулу живой силы!

Абраментов . Эм вэ квадрат, деленные на два… Я хотел оттуда победить Советский Союз.

Мешков . И полюбил его?

Абраментов . Нет, я заинтересовался им.

Мешков *(меняясь)* . Это что значит? Может быть, ты мерзавец? Ты не гляди, что я стар и несчастен, что в сердце моем горе, — я и безответно могу любить рабочий класс и его страну… Ты сочувствуешь социализму или нет?

Абраментов . Я ему потворствую.

Мешков *(думая)* . Не знаю, что ты говоришь… А что ты делал в Австралии?

Абраментов . Сторожил пчелиные пастбища от саранчи.

Мешков . Но ты инженер!

Абраментов . Там их много без меня. Я голодал два года, год был в ссылке, в пустыне, за руководство маленькой забастовкой.

Мешков . Сердечно удивляюсь. Ты же бывший зажиточный человек?

Абраментов . Ну и что ж. А ты думал — революция всегда приходит в нищей одежде, а контрреволюция обязательно в галстуке?

Громче играет музыка.

Мешков . Я не думал об этом… Ты слышишь, как у нас играет музыка? Это идет культработа в нашем прекрасном рабочем клубе.

Абраментов . Разве? *(Подходит к Мешкову вплотную)* . Слушай меня, Иван. Ты знаешь меня очень давно…

Мешков . Да… С юности. Когда я полюбил еще свою покойную жену…

Абраментов . Правильно. А я тогда же начал жить с разными девушками… Ты знаешь, Иван, что я вредителем не был.

Мешков . Знаю, Сережа. Ты не был.

Абраментов . Я понял давно: нельзя победить изнутри почти единодушную страну.

Мешков . Нельзя, Сережа.

Абраментов . Я уехал прочь. Я забылся один среди капитализма. Чужие страны стали для меня родиной. Нужда, убожество, презрение — все это я перенес с полным сознанием, с готовностью, потому что моя идея была сильнее впечатлений.

Мешков . Буржуазия — ведь это мир одиноких, Сережа. Там трудно быть человеку.

Абраментов . А я и хочу, чтобы человеку было трудно — он лучше, когда мучается… Дай мне чаю.

Мешков . Сейчас, Сережа. Только у меня пищи нету никакой. Я должен за ней сходить кой-куда.

Абраментов . Сходи. Все равно ты любишь человека.

Мешков *(в стеснении)* . А документы, Сережа, есть у тебя? Ты по закону вернулся в СССР?

Абраментов . Конечно, есть. Советская власть отпустила меня жить и работать.

Мешков *(в стеснении)* . А документы, Сережа, ты скажи мне тихо: ты не шпион, не подлец, не вредитель?..

Абраментов . Нет. Я лично рассмотрел весь мир и признал коммунизм необходимым. Но признал только мыслью, искусственным напряжением. Теперь я хочу узнать социализм чувством и действием… Советская власть еще меня не победила, а я ее побеждать уже не хочу. Может быть, мы обнимемся и упадем вместе на пустой земле.

Мешков . Кто мы — СССР и капитализм?.. Ты не знаешь силы нашей державы, она упасть никогда не может… Ну, я пошел за угощением, а то ты есть хочешь. *(Уходит)* .

Абраментов *(один)* . Живет себе в этом помещении один советский дурачок, и неплохо ему. Ни капитализма, стервец, не спас и социализму, наверное, плохо помогает.

Звонит телефон.

Абраментов *(берет трубку)* . Алло… Да. Нет. Девлетов?.. А кто вы такой? Директор?.. Здравствуйте, директор! Его нет. Я его послал закуску себе покупать… Инженер Абраментов. Нет, я механик, но изучал гидравлику и электротехнику… Ладно. Приезжайте! *(Кладет трубку)* .

Кажется, я уже на службу поступил.

Дребезг стекол в окне. Звук напряженного взрыва. Свист сжатого воздуха. Окно распахивается. Громче слышна музыка, и вдруг она прекращается, точно разнесенная ветром. Тишина. Абраментов молча, но без паники, бросается вон из комнаты.

Краткая пауза. Тревожный, ритмично повышающий и понижающий свой тон гудок. Комната некоторое время пуста. Слабо начинает звонить телефон и умолкает. Приходит Мешков с покупками.

Мешков . Опять, наверное, авария. Пускай, там есть сменный инженер… *(Мучается)* . Меня же дома не было в момент происшествия… Я просто спал и ничего не слышал… Где Сережа-то? *(Видит распахнутое окно)* . Надо его затворить. А то скажут — у тебя окна распахиваются, а ты не слышишь… Ишь, скажут, глухонемой какой! *(Затворяет окно)* .

Слабо звонит телефон.

(На телефон) . Он слишком тихо звонил, я не могу проснуться… *(Терзается)* . Либо пойти всетаки… Нет, я и так на заем на двухмесячный оклад подписался: пускай я сплю. *(Тушит свет)* .

За окном встает зарево освещенного завода. Вибрирующий высокий звон работающих машин в тишине.

Пауза. Мешков всхрапывает где-то в темном хаосе комнаты. Входит человек. Зажигает свет. Это

Абраментов . Он измазан в машинном масле, одежда на нем разорвана, местами в клочья.

Абраментов *(смотрит на спящего Мешкова)* . Сладко спят гуманисты на свете… Мешков, вставай!

Мешков *(медленно поднимается из вороха вещей, говорит со сна)* . А? Что? Ты откуда явился?

Абраментов . Я на аварии был.

Мешков . Где? Какая авария?

Абраментов . Перекачали в компрессорной. Крышки цилиндров порвало.

Мешков . А?! Что в компрессорной? *(Волнуясь)* . А не говорили там, что меня нет?.. А я ведь спал, Сережа, я сильно сплю теперь. Я ударник и боюсь ослабеть, поэтому стараюсь лучше питаться, а по ночам не просыпаюсь.

Абраментов . Понятно. Ты же мягкосердечный человек, либерал, гуманист. А такие всегда себя жалели больше всех.

Мешков *(взволнованный)* . Ну, а что в компрессорной? Не спрашивали, где я?

Абраментов . Интересовались.

Мешков . Я, пожалуй, сейчас сяду рапорт напишу. А?

Абраментов . Напиши, что спал и была температура.

Мешков . Вот именно, я так приблизительно и думал. *(Ютится у стола, ища принадлежности для письма)* .

Стучат в дверь.

Войдите, пожалуйста, товарищ.

Входит Девлетов. Подает руку Абраментову.

Девлетов . Благодарю вас за помощь на аварии.

Мешков *(подходя к Девлетову)* . Здравствуйте, Илья Григорьевич.

Девлетов *(равнодушно)* . Здравствуйте, Мешков.

Мешков отходит писать.

(Абраментову) . В компрессорной мы с вами не договорились. Какие ваши условия, если я вам предложу должность заместителя главного механика?

Абраментов . Те, которые у вас полагаются по профсоюзному закону. Я сам условий не имею.

Девлетов . Хорошо. Вы говорили мне пустяки про Австралию. Скажите, вы белогвардеец?

Абраментов . Теперь я одинокий.

Девлетов . Что это значит? Не говорите мне пустяками. Одиноких нет. Вы не притворяйтесь.

Абраментов . Нисколько, гражданин. События били меня кирпичами по голове и гнали в вашу сторону. А в сердце своем я ничей, там я свой.

Девлетов . Свой только? Значит — чужой, значит — враг.

Абраментов . Нет… Просто в сердце еще долго остается теплота того класса, который уже погиб…

Девлетов . Ну, ладно. Нам нужна ваша голова. Сердце храните неприкосновенным для памяти, если сумеете сохранить… Стало быть, вы будете замом главного механика.

Мешков *(подходит, подает бумажку)* . А я, Илья Григорьевич?.. Примите,

пожалуйста, рапорт.

Девлетов *(беря рапорт)* . А вы будете теперь сменным инженером вместе с Олей Крашениной.

Мешков . С этой девушкой?!

Девлетов . С этой девушкой.

Мешков *(глухо)* . Так я что же? Я малоспособен или худ стал?

Девлетов *(прочитав рапорт, швыряет его прочь)* . Нет, Иван Васильевич, не потому… Посудите сами — у нас один сменный инженер на все три смены. Какой же это сменный, когда его самого сменить некем. Ведь Крашенина не выходит из цехов по двадцать часов. Вчера я ее нашел спящей в силовой, третьего дня она стояла на ремонте фильтра тридцать часов… Нужен второй сменный инженер по заводу, иначе мы не выйдем из аварий и неполадок. Это гвоздь всего положения на заводе. Я вас прошу понять меня, Иван Васильевич, ваша ставка снижена не будет. Я обращаюсь к вашей чести старого производственника. Вы меня понимаете?

Мешков *(угрюмо)* . Я все понимаю. Я должен нести обязанности девушки.

Девлетов . Класс ваш маленький, Иван Васильевич, а самолюбие у вас большое… Я шучу.

Абраментов . Слушайте, директор. Мешков ведь сирота. У нас с ним нет своего класса.

Девлетов . Я это знаю, товарищи. Поэтому я и зову вас к нам. Человек должен перестать быть сиротой, — а вы не притворяйтесь убогими. Однако мне пора на вокзал — я должен утром побывать в Москве. Нас должны немедленно включить в республиканское кольцо высокого напряжения. *(Прощается и уходит)* .

Мешков . Не нужны мы им более, Сережа. Завтра я — сменный инженер, послезавтра — надсмотрщик двора, а через полгода — сторож у ворот… *(Трогает свои покупки)* . Ешь продукты — тут много вкусных вещей: нам в закрытом распределителе дают… Ешь, а то скоро уж покушать колбасы не придется, сторожем буду.

Абраментов . Слушай, Иван Васильевич. А ты не путаешь пролетариата с закрытым распределителем?

Мешков *(теряясь)* . Нет, Сережа. Я знаю, что это разница.

Стучат в дверь.

Голос Крашениной за дверью: «Вы не спите, Иван Васильевич?»

Нет еще. Мы здесь работаем кое-что. Входите, пожалуйста.

Входит Крашенина, усталая и сонная.

Крашенина *(Абраментову)* . Добрый вечер еще раз! Спасибо вам за работу на аварии.

Абраментов . Здравствуйте, инженер.

Крашенина *(Мешкову)* . Иван Васильевич, директор мне сказал, что вы будете вторым сменным. Смените меня сегодня, а то я вся уже сплю… *(Садится в какой-то мусорный хаос)* . Я за вас буду потом двое суток… Перемените манометр в компрессорной — он врет… Трест точной механики — дурак или дура… *(Засыпает сидя; вдруг опять открывает глаза)* . Товарищ Мешков, если вы уморились уже, то я сама пойду… Берегите компрессорную — молота станут. Извините, что я не могу смотреть на вас. *(Закрывает глаза)* .

Мешков . Я не вправе сменить вас, товарищ Крашенина. Были только ни к чему не обязывающие меня переговоры с Девлетовым. Я должен дождаться приказа.

Крашенина *(со сна)* . В цехах сейчас опасно, инженеры. Но я через час совсем отдохну… Хотя я буду видеть всю компрессорную во сне — меня не надо сменять… Распопов, Пужаков, у вас греются моторы, откройте окна на ветер… *(Спит)* .

Мешков *(подходя к Крашениной)* . Сережа, эта девушка уже спит. Села на мое чистое белье, примяла и спит.

Абраментов . Она, наверное, не тяжелая. *(Подходит к Крашениной, подымает ее на руки)* . Она легка, как мальчик. Где у тебя постель?

Мешков . Сейчас. *(Сортирует какой-то хлам, швыряет книги и пр.)* .

Абраментов держит Крашенину в ожидании.

Крашенина *(бормочет во сне)* . Я ведь не сплю, я только притворяюсь… Распопов, зови свою бригаду — держи давление, котельная слабеет… Нет, — у меня один ум устал, а сердце все равно бьется… Я все бригады, все механизмы вижу во сне. Я сплю только нарочно… Я не хочу…

Абраментов *(наклоняется ухом к груди Крашениной)* . Врешь, товарищ. Ты спишь так глубоко — ты так далека сейчас от нас, как на том свете…

Крашенина *(открывает глаза и глядит на Абраментова)* . Неправда, товарищ Абраментов.

(Снова закрывает глаза; спит) .

Абраментов . Что за странное создание — спит и думает.

Мешков *(управившись с постелью)* . Клади ее сюда.

Абраментов осторожно опускает Крашенину в приблизительно расчищенную постель.

Крашенина . Вы не ушли еще, товарищ Мешков? Дайте мне встать — я сама пойду.

Мешков *(в испуге)* . Спите, спите, Крашенина… Я сейчас… *(Другим тоном)* . Но не могу же я идти дежурить безо всякого оформления. Наконец, я просто не знаю всех заводских установок.

Сильно бьют молота; стекло слабо дребезжит. Затем — тихо. Крашенина спит.

Абраментов . Оставайся с нею. Я пойду за нее.

Мешков . Сережа, ты ставишь меня в неловкое положение. Выходит дело, я и тут не гожусь. Девчонки, мальчишки, пузанки какие-то работают лучше меня. Я не нужен никому. Меня путают, отстраняют, гонят куда-то ночью, какие-то неточные манометры… Мне нужны четкие директивы, условия, а не сонный бред девушек… Ведь это же курс на катастрофу, я в тюрьме помру за такие дела…

Абраментов . Оставайся… Сидеть сейчас в комнате — это действительно курс на катастрофу. Я пойду в компрессорную, я не боюсь умереть в тюрьме, я там был.

Мешков . Сережа, ты пойми, ведь я теряюсь в этой сложной обстановке…

Абраментов уходит. Пауза. Бьют молота. В окне — зарево от накаленных исходящих газов завода. Мешков ест один принесенную им же пищу. Жуя, подходит к спящей Крашениной и рассматривает ее.

Спит новый человек… По-старому спит. *(Внимательно вглядывается в лицо спящей)* . Неужели она умнее и лучше меня? Что же это такое? *(Осторожно пробует Крашенину по поверхности ее туловища)* . Наверное, есть что-нибудь странное внутри ее. *(Гладит Крашенину вокруг лба)* . Какое действительно хорошее существо — ничего не требует, ни на что не жалуется, любит что-то далекое и меняет на это далекое свою текущую молодость. Бедный новый человек, какой в тебе дар? *(Отходит от Крашениной)* . А во мне нет никакого дара — сам любуюсь ею, а сам есть хочу. А она, наверное, никогда не помнит пищи — она ест только тогда, когда умирает с голоду. *(Ест)* . Ем и тоскую…

Крашенина *(во сне)* . Абраментов, клапана стучат!..

Мешков *(пугается)* . А? Вы что? Абраментова нет.

Крашенина *(бормочет)* . Он в силовой… Там экономайзер не ладит… Мешков, скажите ему.

Мешков . Сейчас… Сейчас пойду скажу… *(Уходит. Затем — сразу же — появляется снаружи, в окне, и глядит оттуда внутрь комнаты)* .

Крашенина спокойно спит.

(Сейчас же возвращается) . Сказал.

Крашенина молча спит.

(Про себя) . Значит, мне пропадать в этом мире… Они и во сне все чувствуют. Ведь действительно экономайзер в котельной испорчен. Как я забыл? Как я наяву об этом ни разу не вспомнил!.. Отчего я теперь не чувствую своего ума?

Крашенина . Проснуться хочу. Разбудите меня.

Мешков *(про себя)* . Надо заняться делом. Проснется еще и скажет: ты что сидишь,

буржуазный остаток? *(Хлопочет у стола, вынимает соответствующие принадлежности и пристраивается чертить)* .

Звонит телефон.

(Берет трубку) . Слушаю… Сейчас спрошу. *(Крашениной)* . Товарищ, товарищ… Сережа спрашивает, где двухдюймовая труба у вас.

Крашенина . В котельной, где второй бункер.

Мешков *(в телефон)* . В котельной. *(Вешает трубку. Спешно чертит что-то, с испугом оглядываясь на спящую Крашенину. Немного погодя — Крашениной, тихо)* . Товарищ, какого вы обо мне мнения?.. Можно я буду жить?

Крашенина молчит во сне.

Неужели я отстал, неужели я дурак?.. *(Медлит)* . Наверное. *(Подходит к спящей. Снова рассматривает ее).*

Крашенина что-то тихо бормочет.

(Слушает) . Шепчет чего-то во сие… У нее все будущее обеспечено, а она волнуется… Интересно, чем пахнет от особого человека? *(Наклоняется, нюхает волосы Крашениной)* . Не то травой, не то ветром. А от меня? *(Нюхает свою грудь, расстегнув рубашку)* . Пустяком каким-то… Я и запах потерял… Я засыхаю — мне конец…

Крашенина бормочет и смеется во сне.

(Наклоняется к ней) . Что вы сказали?

Краткая пауза.

Крашенина . Отчего вы так смешны, Мешков? Я бы давно сумела умереть.

Мешков *(отстраняясь, со злобой)* . Ах, вы так… Не беспокойтесь — у меня тоже давно все готово. Я сейчас же все совершу надлежащим образом… *(Суетится: рыщет по вещам, достает из-под матраца листик бумаги, читает его)* . Вот оно — мое милое. *(Читает вслух)* . «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине…» *(В сторону Крашениной)* . Теперь вы поняли?

Крашенина мелко смеется во сне.

А вы думали, я уже ничто. Нет, подружка дорогая, — я организационно подготовился… Организационно! Не беспокойтесь, не беспокойтесь — у меня все предусмотрено: за телефон уплачено за год вперед, номер записан, деньги за объявление — в особом конверте сложены… *(С вызовом, Крашениной)* . Пожалуйста. *(Берет трубку телефона, говорит веско и твердо)* . Дайте мне срочно нумер 4-81… Благодарю. Главная контора газеты?.. Мне нужно сдать экстренное объявление о смерти… Что вы говорите?.. Нет — о моей смерти… Почему нельзя?? Можно?.. Так примите, пожалуйста, по телефону… Деньги?.. Деньги я завтра утром пришлю… Как?.. Да это верно, что умру… Так как же быть-то? А сейчас нельзя прийти?.. Поздно?.. Ну, хорошо, я завтра утром принесу. *(Вешает трубку. Крашениной)* . Вот вам и все, сударыня.

Крашенина спокойно спит.

(Аккуратно свертывает свою бумажку с объявлением о смерти, прячет ее за телефон и довольно, умиротворенно улыбается. Затем подходит к Крашениной и, чуть склонившись, взяв свои руки назад, пристально следит за ее сном и дыханием).

Пауза.

Бьют молота на заводе. Одновременно без стука отворяется дверь. Осторожно, злонамеренно входит Крашенин — муж. Он останавливается позади Мешкова и бдительно наблюдает его и спящую жену.

Крашенин . Спасибо тебе, жена… Две ночи я ждал тебя, сволочь.

Мешков *(в испуге оборачивается)* . Здравствуйте, товарищ.

Крашенин *(жене — в сдержанном исступлении)* . Я думал — ты правда работаешь. А ты — на постели. Ты с пожилым живешь… *(Бросается на Крашенину и, не совершая ничего, наклоняется и плачет)* .

Мешков . Она уморилась, товарищ.

Крашенина молча встает и садится на кровати с закрытыми глазами.

Крашенин . Оля! Ты забыла меня, девочка? Я ведь твой Коля… Ах ты так — прочь от меня, сука! Докажи мне, что ты любишь меня одного на свете! Ведь терпенья нету — душа в груди болит!

Крашенина открывает глаза. Входит Абраментов.

Докажи сейчас же!.. Иль я для тебя обезличкой стал? *(Пытается рвать на Крашениной платье)* .

Абраментов хватает Крашенина, приподнимает его и сокрушающе швыряет всего человека в угол комнаты — в хаос вещей; вещи заваливают Крашенина. Крашенина встает на ноги.

Абраментов . Кто это был?

Крашенина . Мой муж.

Абраментов . Простите меня, ради бога.

Крашенина . Ничего. Я давно от него вся в шишках и синяках…

Мешков *(в недоумении)* . А я думал — новый человек весь чистый…

Гудок на заводе. Все слушают.

Крашенина . Моя смена… *(Абраментову)* . Скажите, выполнила ночная свой встречный? Хватило воздуха котельной и молотам?

Абраментов . Так точно. Бригады гнали механизмы с перегревом — и ночь опередила день.

Крашенина . Как хорошо… Ну, до свидания, сейчас я вас сменяю. *(Уходит)* .

Крашенин *(вставая из хаоса вещей)* . Вы сейчас будете заявление на меня писать? Или — нет?!

Действие второе

Пульт — центральное устройство по распределению тока силовой электроустановки. Это примерно наклонный к зрителю стол, покрытый темным блестящим лаком, либо — мраморная доска. В пульт вделаны разноцветные лампы, (красные, синие, желтые, белые); около каждой группы ламп — градуированный разрез, в котором ходит стрелка. На вертикальной плоскости пульта, обращенной к зрителю, — контактное автоматическое управление: ряды рукояток и штурвальных колес. Над пультом — три громадных циферблата и одна большая красная лампа. Перед пультом — круглый стул, который бывает у пианистов. На правой стороне пульта — серия телефонов. Позади пульта — металлическая башенка, устроенная из небольших балок; внизу башни видны резервуары масляных выключателей, вверху блестят медные шины контактов. Внутренность башенки покрыта проводами и различными деталями. Вся башенка видна зрителю насквозь. Над пультом — рупор радио.

В начале действия лампы на пульте не горят, стрелки всех циферблатов и градуированных шкал покоятся на нулях. Занавес поднимается.

На пульт всходит по ступенькам инженер Жмяков, диспетчер энергетики, радостный человек средних лет. Он поет «Посмотри, как дивно море» и глядит на свои часы на руке. Берет телефонную трубку.

Жмяков . Котельная, котельная, котельная… Ты жива еще, матушка?.. Как у тебя водичка, кипит?.. Ага… Уголь, говорите, не горит? Ага… Отчего же он не горит-то? Советская власть, наверное, виновата?.. Нет?.. А кто же? Значит, вам порох надо давать! А вода-то цела у вас? Может, и вода засохла?.. *(Глядит на часы, кладет трубку. Берет другую трубку)* . Это вы, девушка?.. Дайте мне, пожалуйста, первую сквозную ударную… Да… А вы поищите по цехам бригадира… Распопова, да, а можно и Пужакова, Петра Митрофановича, кто вам больше нравится… Никто не нравится?.. Ну что ж, рабочий класс крайне сожалеет… Ожидаю вашего сигнала. *(Кладет трубку, берет другую)* . Машинный?.. Говорю я… Я

говорю… Ну я, конечно, — пора по тембру различать… Готовьте турбогенератор на перегрузку, держите дизель в резерве на оборотах. Алеше привет, поклон всему машинному. *(Кладет трубку. Смотрит на часы)* .

Звонок одного из телефонов.

(Берет трубку) . Я!.. Кто?.. Здравствуйте, Петр Митрофанович… Вот что: сегодня уголь нас обратился в несгораемое вещество… В империализме даже дрова горят, а у нас такая особая точка, что все гаснет. Нельзя ли тебе с бригадой сегодня побыть немного в котельной?.. Да! А то не вывезем… Пар посадят — вот что. *(Глядит на часы)* . Скорее, Петр Митрофанович, скорее, дорогой… Проверьте воздушный экономайзер, дутье на полный форс, хорошую шуровку топкам и прохладный душ кочегарам, — до свиданья, дорогой, до свиданья — у меня сигнал.

Вспыхивает красная лампа над пультом; вслед за красным светом гудит заводская сирена где-то невдалеке.

(Встав на ноги, быстро действует на пульте, напевает) . «Колокольчики… *(Включает один из автоматов на пульте: на пульте вспыхивает красная лампочка, трогается стрелка в градуированном разрезе; чуть трогаются стрелки на двух больших циферблатах, висящих над пультом. На третьем циферблате стрелка восходит сразу высоко и там останавливается)* . Бубенчики… *(включает второй автомат: вспыхивает вторая красная лампа, трогается стрелка в градуированном разрезе, стрелки на двух главных циферблатах дают дрожание вперед)* …звенят… *(включает третий автомат с теми же эффектами)* …Звенят… *(Включает четвертый автомат)* . О моей… *(включает: зажигается синяя лампа)* …погиб… *(включает: синие, красные, желтые, белые лампы)* …шей юности твердят, твердят…» *(Включает: сильный свет на всей плоскости пульта)* .

Высокая дрожь стрелок на циферблатах; медленно начинается приглушенное пение работающих вблизи котлов, генераторов и механизмов, — приглушенное настолько, что не мешает слышать слова действующих, лиц.

Вся сцена идет скоро и энергично. Включение закончено. Ритмическая дрожь стрелок на циферблатах. Напряженное пение механизмов. Лампы на пульте меняют цвета: красный на синий, на желтый и обратно.

(Слегка танцуя, припевает) . Их паровоз летит вперед, а нам всем остановка… *(Одна красная лампа начинает быстро вспыхивать и потухать, что-то сигнализируя)* . Неужели остановка? Я тебе остановлюсь, сукин сын!

Звонит телефон.

(Берет трубку) . Да… Петя?.. Нет? А кто же ты такой?.. Василь Иванович?.. Не тянет? Оборотов не хватает?.. Перегрузка?.. Хорошо, — я чуть добавлю напряжения — вытянем.

(Кладет трубку, берет другую) . Котельную, тетя… Петра Митрофановича!..

Одна красная лампа по-прежнему мигает; вспыхивают пульсирующим светом три-четыре новые красные лампы.

…В руках у нас винтовка!.. Петр Митрофанович?..

Замигали еще две красные лампы.

(Берет одновременно другой телефон: говорит в два) . Турбинную… Турбинная? Я говорю!

Мигают пять красных ламп.

Я говорю… Я! Что вы там молчите? Немедленно включите дизель на второй фидер! *(Кладет одну трубку, остается с первой трубкой)* . Петр Митрофанович?! Я хочу давления — атмосферы дветри сверх всего… Нет, ну на часик, на два… Будьте любезны, ради бога. Прижмите клапанок на котле. А котел — с форсом и шуровочкой! *(Кладет трубку, берет другую)* . Турбогенератор… Я говорю. Я! Слушайте — проходим пик. Перекручиваем агрегат на час… Ну, конечно, сверх! Повышаем обороты — режем пик на вольтах и амперах. Внимание!.. Слушать турбину, прижать предохранители, держать подшипники на руках… Электрик! Генератор! Держать руку на корпусе машины, нюхать обмотку, запустить добавочный вентилятор. Внимание!

Почти все красные лампы мигают: синих, желтых, белых нет.

(Берет три трубки телефонов) . Котлы! Турбина! Генератор! Дизель! Внимание! Началось!.. Проходим пик!

Стрелки всех трех главных циферблатов восходят высоко вверх, почти до предела градуировки. Мигание красных ламп сильно учащается.

(В телефон) . Полное дутье — форс!.. Следите за обмоткой… Пахнет там гарью или нет, бедный мой товарищ? Дизель, дизель, жми свою долю, — ни черта не помогаешь… Пик растет, товарищи! Эй, ударники, где вы там, во что бьете, — вы на пик меня посадили…

Красное мигание учащается.

(Снимает все трубки телефонов) . Слушайте меня, телефонные девки! Мгновенно дать сюда дежурного инженера… *(В исступлении кричит во все телефоны)* . Эй, цеха!.. Выключись ктонибудь на полчаса. Ну ради бога! Хоть на пять минут. Кузница! Прокатная! Молота! Дайте потише чуть-чуть. Я не вынесу, сердце разлетится.

Краткая пауза.

Телефон *(громко, басом)* . Пошел ты к черту. У нас двадцать процентов сверх плана нагорело.

Жмяков *(полубезумно)* . А?! Ну, я извиняюсь… *(Другим тоном, тихо)* . Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора. Именно — дивная.

Телефон *(глухо)* . Я сменный инженер. Слушаю.

Жмяков *(берет телефон)* . Отцепите от меня где хотите десять тысяч киловатт. Я сожгу генератор. Кто вы такой?

Телефон . Я Мешков. Сейчас остановлю что-нибудь.

Жмяков . Иван Васильевич?! Ради бога. У меня слезы на глазах… Идите сюда.

Звонит телефон.

Жмяков *(берет трубку)* . А… Да… Что?.. Вам двести киловатт на кирпичные пресса?.. Пошли вы к черту. Потушите последнюю лампу над своей башкой. *(Кладет трубку)* .

Мигание красных ламп достигает высшей частоты.

Жмяков *(озирается)* . Я сейчас заплачу от такой ненормальной жизни.

Телефон *(басом)* . Кто там плакать хочет? Дай мне отделаться — я тебя утешу…

Жмяков *(бессознательно)* . А? Да я вполне согласен!

Лампы сразу прекращают мигание, стрелку, приборов снижаются, на пульте начинается прежняя игра цветов: красный, синий, желтый, белый.

(Весело) . Да, я вполне согласен! *(Прежняя жизнерадостность. Потирает руки, почти танцует)* . «Колокольчики-бубенчики звенят-звенят!.. О моей…»

Лежачие трубки телефонов *(глухо)* . Ну! Кто там есть?

Жмяков . Пик снят, товарищи. Закуривай.

Лежачие телефоны *(враз)* .

— Воздуху нету, гад.

— Кто выключил?

— Печь потухла. Шихта шлакуется.

— Воды!

— Сорвал план, стервец.

Матерное бормотание, пауза.

Жмяков *(поникая)* . Боже мой, боже мой, почто ты оставил меня… в этом веке? В каменном тихо было.

Входит Мешков.

Мешков . Я три цеха выключил.

Жмяков . Спасибо, Иван Васильевич. Теперь нам с вами конец.

Телефоны злобно бормочут.

Мешков *(в испуге)* . Включайте скорей опять.

Жмяков . А как генератор?

Мешков . Горячий, Владимир Петрович, он сгорит.

Жмяков . Так как же быть-то?

Мешков . Неизвестно, Владимир Петрович… Может, среднее что-нибудь есть?

Жмяков . При большевизме я среднего ничего не видал.

Мешков . И я тоже, Владимир Петрович. Все одно большое только.

Телефон *(громко, резко)* . Включай!..

Жмяков и **Мешков** *(в испуге)* . Сейчас!! *(Делают манипуляции с автоматами; стрелки на главных циферблатах восходят до предела. Все контрольные лампы делаются красными и начинают пульсировать светом с высшей частотой)* .

Телефон *(басом, громко)* . Взяли!!

Слышно через телефон, как загудели моторы и пошли станки.

Мешков нерешительно опять выключает автоматы; стрелки падают, лампы перестают мигать, некоторые становятся желтыми, синими.

Жмяков . Что вы делаете?

Мешков . Выключил опять три цеха. За это самое большее нам с вами общественный позор, а за генератор, если сожжем, нам будет лет десять… У меня, Владимир Петрович, перечень есть: сколько за что полагается. *(Вынимает бумагу и предъявляет ее Жмякову)* . Поинтересуйтесь!

Телефон *(басом, громко)* . Эй, опять току нету! Вы что, работаете или боитесь? Вы кто?

Жмяков *(читает бумагу Мешкова)* . До пяти лет изоляции. Да, это дивная пора.

Телефон . Давай току, я отвечаю!

Входит Крашенина.

Крашенина *(тихо)* . Так нельзя, товарищи. Надо скорее вытягивать завод — социализм нас ждать не будет. *(Становится за пульт)* .

Жмяков . Мы боимся рисковать генератором, товарищ Крашенина. Можно сжечь обмотку.

Крашенина *(тихо и просто)* . Хорошо. Но если вы останавливаете заводы, срываете планы — вы рискуете не генератором, а всей страной.

Пешков *(нерешительно)* . Обмотка сгорит… Нам страшно тянуть завод на перегреве.

Крашенина *(тихо)* . Пусть. Я сожгу обмотку — я и чинить ее буду день и ночь. *(Производит включение автоматов: пульсирование красных ламп, движение стрелок главных циферблатов)* .

Жмяков и Мешков стоят в стороне. Мешков берет за руку Жмякова, и так находятся оба неподвижно.

Рычит одна из лежащих трубок телефонов. Крашенина берет ее.

Крашенина . Я слушаю… Сколько вам нужно?.. Тысячу киловатт?.. Что у вас?.. Лесопилку пускаете? Это хорошо… Я вам сейчас включу. *(Кладет трубку. Включает: бешеное пульсирование ламп)* .

Жмяков *(в ужасе)* . Это безумие. Девочка сожжет сейчас силовую.

Мешков . Хорошо, что не мы… Ведь пять лет по перечню.

Жмяков . Капут будет девочке. Немножко жаль.

Крашенина *(берет телефон)* . Генератор, пожалуйста… Генератор?.. Я — пульт, инженер Крашенина… Кто это?.. Товарищи, вы чувствуете генератор?.. Как работает обмотка? *(Пауза. В сдержанном волнении)* . Запах появился?! *(Вешает трубку, оглядывает помещение отвлеченными глазами, не замечая двух инженеров. Тихо)* . Горит генератор, товарищи, и нет никого.

Входит Абраментов.

Абраментов . Здравствуйте. Почему так много здесь технических сил? *(Крашениной)* . Почему долгий пик?

Крашенина *(невнимательно)* . Завод выходит из прорыва… Сто ударных бригад… Тлеет изоляция — есть ли выход, товарищ Абраментов?

Абраментов *(остро оглядывает пульт)* . Нет выхода. Выключайте перегрузку.

Сбрасывайте перегрев. Машины ведь нейтральны в классовой борьбе — генератор сейчас сгорит.

Входит Пужаков, на бедре у него мешок с инструментами.

Крашенина *(невнимательно)* . За кого, вы говорите, машины?

Пужаков *(сразу)* . За нас, Ольга Михайловна, — мы их заставим сочувствовать… На третьем крану лебедка не работает — мы никак не сообразим, пойдемте скорее. Час думали без вас, да, наверно, алгебры не знаем.

Крашенина *(не слушая)* . Пужаков, генератор горит… *(Раздраженно)* . Разве можно сейчас думать по целому часу?

Пужаков *(остро)* . Как? Генератор горяч?! Сейчас соображу!.. *(Соображает)* . Обливать корпус водой — поставить ребят. Сам стану! Но — осторожно, внутрь не заливать! Враз, — сейчас!! *(Ко всем)* . По любому делу соображу, только по своему — нет… Не сгорит!! Протянуть шлангу! Бузовать беспрерывно!.. Пойду для четкости сам. *(Быстро уходит)* .

Краткая пауза.

Абраментов . Машины мертвы, к сожалению, Ольга Михайловна.

Крашенина . Когда они в мертвых руках, инженер Абраментов.

Абраментов *(вспыхивает от обиды)* . Ленин не советовал зазнаваться, коллега. А генератор — не большевик.

Крашенина . Я не зазнаюсь, но и полюбить вас никого не могу.

Абраментов . Посмотрим.

Крашенина . Буду рада заплакать о вас.

Абраментов . Постараемся.

Крашенина . Зачем же для меня стараться? Вы инженер или кавалер?

Абраментов . Как вам не стыдно? Ведь я понимаю все. Я учился науке рабочего класса в тюрьме, я там пролежал много ночей с открытыми глазами. Я прожил жизнь в одиночестве, но умру в тесноте вашего класса.

Крашенина . Зачем же вам умирать, Абраментов? Плохо вы знаете науку рабочего класса. Зачем ему ваша смерть? Ему нужно, чтобы вы стали товарищем пролетариата.

Красные лампы мигают все более спокойно. Раздается нежная негромкая музыка, она приближается и постепенно смолкает; входит почтальон с громадной, набитой сумкой на животе, точно в сумке лежит сундучок или шарманка.

Мешков *(про себя)* . Ну куда ж тут мне жить на этом свете?

Жмяков . Да, героически и скучновато… Где мы теперь, кто нам сжимает пальцы?..

Почтальон *(разобравшись в сумке)* . Обождите-ка вы все. Кто тут будет инженер… Крашенинова какая-то и еще Жмяков. Ве Пе. Кто это такой — вы или нет? Отвечайте последовательно!

Жмяков . Мы. Давай сюда.

Почтальон . Нате вам депешу — одну на двоих, а в другой раз я вам носить ничего не буду… Целую четверть своего рабочего дня вас ищу: сказано — лично вручить. А где лично — когда этих личностей нету нигде на свете? Дома сказали, вы не бываете, на заводе у вас тоже вечного места нету. Идите, говорят, ищите их где-нибудь сквозь. А где искать, когда кругом машины и меня огненной железкой чуть не ушибло! Разве это жизнь? Вы бы поставили где-нибудь койки, сундучки, чтобы я уж знал, что там вы когда-нибудь очутитесь. *(Берет расписки, уходя)* . Прямо наказание! Только и мучаешься, что без почты, сказано, социализм — ничто!

Мешков *(читает)* . «Подготовьтесь к приему тока с республиканского кольца высокого напряжения. Устанавливайте новый радиопульт. Девлетов». Милый товарищ, у нас давно все готово. Еще не действует это общепролетарское кольцо высокого напряжения и не получен этот радиопульт. *(Рвет и бросает депешу)* .

Почтальон *(видя такое дело)* . Ну вот, видите, а я хожу, тружусь на них, тело свое трачу…

Уходит, сделав какие-то манипуляции в глубине своей сумки, — сразу начинает играть негромкая радиомузыка марша: звуки явно происходят из сумки.

Жмяков *(глядя вслед почтальону)* . Этот человек, кажется, музыку носит в самом себе.

Красные лампы почти спокойны, еле мигают.

Мешков . А мы в себе носим смерть… Володя, не могу я так существовать, когда эта девушка служит инженером лучше меня!.. У нее остыл генератор, я же вижу по сигналам!..

Жмяков . Ясно и прекрасно.

Мешков . Я это предвидел. *(Берет телефон)* . Дайте мне, пожалуйста, нумер 4-81… Это говорит гражданин Мешков. Я вот утром давеча объявление дал… Нет, о скончании одного гражданина, где двоюродная сестра еще скорбит… Да-да. Вы напечатаете его?.. Что?!.. Места нету? А когда же?.. На днях? Ну вы поскорей, пожалуйста, а то мне терпеть-то уж очень… Что?.. Хорошо, я немного подожду… *(Кладет трубку. Жмякову, скучно)* . Да, Володя…

Жмяков *(тем же тоном)* . Да, Ваня…

Лежачая телефонная трубка *(голосом Пужакова)* . Оля, генератор остывает.

Крашенина . Морозь его дальше, Пужаков.

Пужаков *(в телефоне)* . Сейчас!.. Мы сейчас боковой вентилятор поставим, сделаем пульверизатор и будем дуть в его нутро водяную пыль — самую мелочь! Ничего?

Крашенина . Ничего. Понемножку.

Пужаков *(в телефоне)* . Ну конечно: чуть-чуть, но с вихрем!!

Крашенина . Вот-вот.

Мешков *(вздыхая)* . Не сгорит генератор, Владимир Петрович.

Жмяков . Нет, Иван Васильевич. Но наше славное имя уже сгорело. Облетели огни, отгорели цветы… Нам остается лишь марш Шопена.

Красные лампы перешли к этому моменту на спокойный свет.

Мешков . Марш играть не станут — разлуку сыграют.

Лежачая телефонная трубка *(хрипло)* . Можно кирпичные пресса запустить? Киловатт двести?

Крашенина . Конечно, можно. *(Включает)* . Почему с утра не пускали?

Лежачая телефонная трубка *(хрипло)* . Утрешний инженер-мужик не велел.

Абраментов *(Мешкову и Жмякову)* . Вы, что ль, не велели?

Жмяков . Мы. У нас изжога в душе, Сергей Дмитриевич. Мы же — старое поколенье, остатки от истраченной мелочи, мы — колокольчики-бубенчики…

Мешков *(Абраментову, уныло)* . Я говорил тебе, Сережа, что мы теперь — пустяки. *(Садится в немощи на приступок пульта, невнимательно вынимает из кармана кулечек с конфетами и начинает сосать конфетку)* .

Абраментов *(со злобой и энергией)* . Но я не хочу быть пустяком! Я хочу быть товарищем пролетариата, я хочу вместе с ним долго и трудно жить. *(Берет руками свою голову; тихо)* . Я измучился весь!..

Рупор радио начинает играть музыку. Играет до конца акта.

Входит работница с обедом в судках. Ставит судки на пульт.

Жмяков *(Крашениной)* . Обеденный перерыв — выключайте холодные цеха. Переключайте третий фидер на районное кольцо. Работница с обедом. Ешьте блюда. Проголодались ведь небось! *(Уходит)* .

Жмяков *(Крашениной)* . Ну же, милая! Первый в нейтраль, третий на кольцо — мягко, быстро!..

Крашенина резко манипулирует автоматами. Судорожная игра цветов на пульте. Но большинство ламп остается красными.

Абраментов *(бросаясь к пульту)* . Не так! Легче!!56

Жмяков *(бросаясь к Крашениной)* . Возьмите сопротивление! Что же вы делаете, бедная моя?!

Абраментов и Жмяков хватаются за автоматы.

Мешков *(в стороне)* . Не трожь нового человека. *(Швыряет в рот новую конфету)* .

Судорожная игра цветов на пульте. Взрыв синего пламени — без шума — наверху распределительного башенного устройства, что за пультом.

Жмяков *(в волнении, у автоматов)* . Автомат не вырубает!

Абраментов . Дай, я. *(Резко манипулирует, не выходит)* . Топор!! Инструмент!! *(Бросается в разные стороны, в поисках)* .

Жмяков *(мучается у автоматов)* . Контакты спеклись, масло высохло… Гибель богов! Мешков, справься в перечне, что нам будет… Хоп!

Автомат отказывает.

Крашенина хватает гаечный ключ и бросается внутрь распределительного устройства — в башню. Абраментов бежит за ней. Он снимает фуражку, надевает ее на, руку и, выхватив у Крашениной ключ, пытается раздробить изолятор, сорвать провод, держа ключ в руке, обернутой фуражкой.

Абраментов *(кричит из башни)* . Выключайте генератор!

Жмяков *(работая у пульта)* . Не выходит, Сергей Дмитриевич. Контакты сварились. Мешков, дай пососать напоследок.

Мешков подает ему кулечек.

Крашенина *(из башни)* . Зовите аварийную ударную бригаду.

Жмяков *(выплевывая конфету, затем в телефон)* . Ударная аварийная — на пульт, на автоматы!

Синее пламя вверху башни нисходит постепенно книзу. Входит работница, приносившая обед.

Работница *(осматривая судки на пульте)* . Что ж вы блюда-то не едите? Остынут ведь, а мне выговор будет, что инженеров невкусно кормлю. У-у, блаженные! *(Уходит)* .

Жмяков . Мешков, съешь блюда.

Мешков *(со слезами)* . Что вы смеетесь надо мной! Я тоже люблю революцию, я тоже хочу чего-то… *(Бросает кулек, почти плача подходит к пульту, берется за автомат)* .

Вбегают Пужаков и Распопов. На бедрах у них мешки с инструментами. Они взбираются по металлической обрешетке башни наверх, к пламени.

Абраментов *(кричит им снизу)* . Перервать ток? Остановить турбину?

Пужаков . Зачем? Не сметь. Мы так разъединим. Здесь не очень жарко. *(Распопову)* . Как скажешь, Семен?

Распопов . Вытерпим так.

Лезут выше, надевают резиновые перчатки, достают из сумок инструмент: стержни с крюками на концах. Пульт по-прежнему судорожно играет цветами, но часть ламп — неподвижно красные. Абраментов и Крашенина выходят из токораспределительной башни.

Крашенина *(в телефоны)* . Турбину! Турбинная! Внимание! Я — пульт. Авария. Турбинщик — руку на стопор. Слушать меня. По моему сигналу — немедленно стоп. Люди под высоким напряжением. Электрик, руку на сопротивление. Слышите ли вы меня, товарищи?

Телефоны . Слышим.

Распопов и Пужаков наверху башни, близ синего огня. Распопов ухватывает инструментом контактную шину, около которой трепещет пламя. Шина не поддается. Расколов повисает на ней, прихватившись инструментом. Пужаков повисает таким же образом вслед за Распоповым на второй, шине.

Абраментов *(Мешкову, который все еще держит руку на автомате пульта)* . Попробуй вырубить еще раз масляный автомат.

Жмяков . В масле сейчас газ. Взрыв может быть.

Абраментов . Пробуй, Мешков.

Мешков с резким усилием двигает автомат. Взрыв в масляном баллоне внизу башки. Огонь вскидывается кверху, до ног Распопова и Пужакова, и почти окружает их.

Крашенина *(в телефон)* . Стоп, турбина?

Гаснет весь пулы, весь свет. Остается огонь, в башне. Обеденное радио играет по-прежнему. Резко хлопают контактные шины наверху башни, где двое людей. Одна шина защемляет руку Распопова ниже кисти; он, повисая всем туловищем, роняет инструмент. Пужаков падает вниз, в огонь, и выбегает из него к пульту. Распопов висит с прихваченной рукой.

Пужаков . Сеня, тебе больно? Что ж ты не кричишь?

Пламя бьет снизу в ноги Распопова, охватывая почти все его туловище до живота.

Распопов *(томясь)* . Товарищи… *(Хватает свою зажатую руку ртом и грызет ее зубами. Откидывается. Томится)* . Товарищи… Перебейте мне руку… Где товарищи, я никого не вижу… Мне скучно одному. *(Снова грызет свою руку)* .

Абраментов . Мы с тобою. *(Бросается в башню, минует нижний очаг огня, быстро лезет по обрешетке сквозь огонь по пылающим проводам и деталям)* .

Мешков закрывает лицо руками. Жмяков поднимает кулек с конфетами и берет оттуда конфету в рот.

Крашенина *(Пужакову)* . Достань револьвер! Дай чего-нибудь…

Пужаков *(роясь в карманах своей прозодежды)* . Обожди! Я в Осоавиахиме вчерашний день на проверку взял. *(Достает два-три маленьких револьвера. Один подает Крашениной, другой берет себе)* .

Абраментов, немного не достигнув Распопова, молча валится вниз, в огонь. Распопов поворачивает свое лицо к Пужакову и Крашениной, видит наведенные на него револьверы и рвет руку из зажима. Пужаков и Крашенина спускают курки — раздается щелканье вхолостую, без выстрелов. Распопов падает за Абраментовым вниз, в огонь.

Пужаков *(бросая револьвер)* . Брак продукции: будь ты проклят!..

Крашенина и Пужаков бегут к башне. Из башни, из огня, медленно выходят черные, обгорелые, почти неузнаваемые Абраментов и Распопов. Они держат друг друга за руки. Крашенина и Пужаков останавливаются перед ними. Останавливаются и Абраментов с Распоповым. У них нет глаз.

Жмяков *(в телефон)* . Пожарную!.. Огонь на пульте!.. *(Краткая пауза)* . Жертвы? Какие жертвы?! *(Глядит на Абраментова и Распопова)* . Они были, но встали опять жить.

Абраментов и Распопов падают на землю, не выпуская взаимных рук.

Быстрый занавес.

Действие третье

Комната заводского клуба. Две двери. Окон нет. Два гроба на столах, два черных трупа в них. Два венка с надписями: «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса», «Другу Сене, павшему на поле пролетарской, славы и чести». Общий транспарант над гробами: «Мертвые герои прокладывают путь живым». Безлюдно. Пауза.

Входит Крашенина, в длинном платье, в весенней шляпе, с маленьким букетом цветов. Она подходит к гробу Абраментова. Стоит у изголовья. Потом несмело гладит обугленную голову Абраментова. Потом склоняется и робко целует его в губы. Молчит. Вытирает глаза таким жестом, точно поправляет прическу на висках.

Крашенина *(тихо)* . Вы были правы, товарищ Абраментов. Я и полюбила вас и заплакала. Но я не рада теперь. *(Кладет цветы в изголовье. Поправляет одежду на трупе, всматриваясь в Абраментова)* . Я забыла запомнить ваше лицо. *(Трогает лицо покойного)* . Ну, прощайте теперь совсем. *(Отходит, но останавливается и вновь глядит, не отрываясь, на Абраментова)* .

Входит Пужаков, в костюме, в галстуке, убранный, с громадным букетом красных роз.

Пужаков *(читает)* . «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса». Довольно верно — хотя что-то недостаточно. «Другу Сене, павшему на поле пролетарской славы и

чести». На поле падать не надо, оно ровное. «Мертвые герои прокладывают путь живым». Живым? А кто такие эти живые — герои или нет? Нужно ли им путь-то прокладывать? Эх ты господи!.. *(Подходит к трупу Распопова)* . На, Сеня, *(Кладет цветы на грудь мертвого. Стоит молча в неловкости)* . Что ж ты, Семен, навсегда, стало быть, уморился? Так там и останешься? *(Молчит)* . До самого социализма дожил, а — умер… Вот скоро хорошо уж будет, а тебя нету; нам, брат, без тебя тоже стыдно оставаться. Ты, значит, сделал, а другие жировать будут, — это ведь неверно. *(Молчит, тоскует)* . Нет, и помереть хорошо за такое дело и в такой год… Взяла революция — и даст революция. Молодец, Семен, — ты лучше живого теперь: лежи вечно!.. Вот дай управиться — природу победим, тогда и тебя подымем… Эх, горе нам с героями! *(Берет из своего букета два цветка)* . Надо и тому положить: тоже свой человек. *(Кладет на Абраментова два цветка. Крашениной)* . Здравствуйте! Тоже горюете стоите — иль просто так себе?..

Крашенина . Просто так стою.

Пужаков . Отчего же? — надо погоревать. Так стоять неприлично.

Крашенина . Я тоже горюю. Я солгала вам, что так стою.

Пужаков *(глядя на осунувшуюся Крашенину)* . Ну вот это нормально, это сознательно, а так стоять нельзя.

Крашенина . Я теперь полюбила его.

Пужаков . А это еще лучше, еще приличней. Поцелуйтесь с ним на прощание — он ведь один остается. А ты с нами будешь.

Крашенина приближается к Абраментову. Одновременно входит Мешков — согнувшийся, неряшливый в лице и одежде; он останавливается у ног Абраментова.

Крашенина *(приподнимает черную руку Абраментова, целует ее и говорит мертвому)* . До свидания. *(Накрывает лицо Абраментова куском покрывала от изголовья)* .

Пужаков *(радостно)* . Вот это нам приятно… А то раньше красивые девки мужиков любили за одно лицо, а на лице — глупость. Крашенина стоит молча.

Мешков *(неопределенно)* . Неясность жизни была…

Пужаков . А нам давно все ясно. Социализм, брат, это тебе не один пот на рубашке, а вот… что-то такое… серьезное: геройская жизнь и смерть… Что ж я Семена-то забыл поцеловать! *(Идет к Распопову и целует его)* . Ну, Сеня, прости меня. Я, знаешь, может, и сам бы умер, — по-товарищески, чтоб с тобой быть, да теперь вместо тебя нужно жить — опять мне забота.

Мешков *(про себя, недоуменно)* . А мне что делать в этой жизни? *(Горестно)* . Я не могу ни погибать, ни целоваться. Я стесняюсь жить… *(Абраментову)* . Сережа, ведь я же говорил тебе, что я пустяк…

Входит Жмяков, одетый в черное, намеренно грустный, до торжественности.

Жмяков . Оркестр прибыл, товарищи, двадцать три человека состав. На дворе дождь и молния! *(Снимает шляпу и отряхивает ее от капель дождя)* .

Пужаков . Ну зачем оркестр? Зачем людей еще больше расстраивать? И так печально будет.

Жмяков . Нисколько, товарищ Пужаков. Наша печаль превратится в звуки, а звуки рассеются.

Пужаков . Вот тебе раз.

Жмяков *(в дверь)* . Прошу вас, товарищи. *(Хозяйствует у гробов, готовит их к выносу)* .

Входит человек шесть-семь рабочих.

Пожалуйста, будьте любезны — в главную залу.

Рабочие и Пужаков поднимают гробы на руки и быстро трогаются с места.

Осторожнее. Без темпов, пожалуйста.

Идут вслед за гробами. Позади всех уходит Крашенина. Остается один Мешков.

Мешков *(находит телефон на стене и берет трубку)* . 4-81… Благодарю вас… Я вот вам звонил уже… Это объявление по поводу смерти одного гражданина, члена секции… Да,

да, — о котором скорбит двоюродная сестра… *(Слушает)* . Нет, он еще не похоронен… Он ждет объявления… Все лежит. *(Слушает)* . Сегодня помещено?! *(В волнении)* . А… а где же газета, ее утром не продавали, где ж она? *(Слушает)* . Когда? К четырем часам дня? Отчего к четырем — из-за объявления?!.. Ах, бумагу не доставили… Спасибо, спасибо!.. Правильно все напечатали: Иван Васильевич Мешков, да? и — умер? *(Слушает)* . Скончался?.. Спасибо, спасибо… *(Вешает трубку. Один)* . Ну, мне надо кончаться… Уже давно, давно пора, дорогой мой друг, бедный мой человек, — ни помолиться тебе некому, ни попрощаться не с кем… Вот умер Сережа, и мне его не жалко — сердце пусто, ум давно без памяти, чувства безответны… Я весь уже легкий, скучный, как усталое насекомое, которое несется ветром в старую осень.

Глухо, точно очень далеко, играют похоронный марш. Звуки встают, как вещи, неподвижно.

Мешков *(прислушиваясь)* . Сережа, ты обманут. Ты видишь, они не могут сами тосковать по тебе и заставили музыку… Сережа, ты скоро уйдешь в материк, в тесную землю, опять в тюрьму. Зато у нас с тобой останется одна свобода — свобода быть забытыми.

Музыка прекращается. Слышится далекий раскат грома.

Ну, мне пора ложиться. Сейчас перестану дышать! *(Ложится на стол. Вдруг привстает и сидит на столе)* . Скучно чего-то. *(Сходит со стола, идет к телефону, снимает трубку)* . Барышня, дайте мне номер какого-нибудь человека… *(Ждет, слушает)* . Что вы говорите?.. Хорошо. *(Кладет трубку)* . Гроза: телефоны не работают, человек не отвечает. Пойду погляжу на улицу — какая там гроза. Сейчас вернусь. *(Уходит)* .

В другую дверь входит Жмяков.

Жмяков *(садится в усталости)* . Устал горевать… Трупы унесли в дождь, живые пошли сочувствовать, а оркестр с полдороги пойдет в садик и там заиграет другие мотивы… А затем наступит вечер, погода изменится, выйдут домработницы и начнут под музыку воздух рассекать. Шумит население на земле!

Приходит Девлетов, в мокром плаще, с маленьким чемоданом. Ставит чемодан на пол.

Девлетов . Здравствуйте, Владимир Петрович. *(Садится, утирает платком лицо)* . Я с поезда только что… Был в Москве. Там говорят, что нас уже включили в общий ток силовых гигантов, что выслали нам давно особый диспетчерский радиопульт, но — у нас ведь нет ничего. Усердствуют от ужаса чиновники!.. Встретил в гробу Сергея Дмитриевича, встретил Семена Федоровича Распопова… Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, что же вы-то смотрели?

Жмяков . Не хотелось, Илья Григорьевич, ток прерывать. Были бы аварии на механизмах, брак, скандал, промфинплан бы сорвали.

Девлетов . Ну и что ж? Справились бы потом, не очень страшно… А то ведь вы людей пожгли, и каких людей… *(Иронически)* . Промфинплан бы сорвали. Вот вы и сорвали его. Что такое «промфинплан»? Это не бумага, это вот те люди, какие погибли… Извольте теперь идти под суд. Кто там еще был? Мешков и Крашенина? Тоже под суд. А я буду общественным обвинителем… Не беспокойтесь, я вас укатаю прочно…

Жмяков *(расхаживая, слегка напевает)* . Колокольчики-бубенчики…

Девлетов . Вы что издеваетесь, Жмяков?

Жмяков . Вы забыли еще одного подсудимого.

Девлетов . Кого?

Жмяков . Директора — вас.

Девлетов *(встает)* . Вы правы, Жмяков. Общественным обвинителем будет Пужаков.

Жмяков . Я даю согласие.

Девлетов . Его не требуется. Идемте — вы напишете аварийный рапорт, — сейчас же, при мне.

Жмяков . Прекрасно, со всем вдохновением, ударно… Будьте любезны. *(Дает директору дорогу)* .

Одновременно входит в другую дверь вымокший на дожде Мешков с газетой в руках. Жмяков замечает его и делает ему рукой знак прощания. Оба уходят.

Мешков *(один, медленно и внимательно читает газету)* . «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине инженера-механика, члена секции ИТР Ивана Васильевича Мешкова». *(Складывает газету)* . Хорошо. Плохо только, что сестра извещает, а не треугольник. Подумают теперь, что я антиобщественник был, раз завком промолчал… Неприятно… *(Спохватывается. Запирает обе двери на ключ. Садится)* . Теперь совсем хорошо. Плохо только — домой нельзя пройти: газета вышла, увидят, что я живой, и окружат вниманием. *(Пауза)* . Говорить мне чего-то охота, мнение какое-то появилось… *(Развертывает газету, читает молча, потом вслух)* . «Партком, завком, дирекция, рабочие-ударники… о смерти в огне… незабвенного, верного пролетариату товарища, храбрейшего инженера Сергея Дмитриевича Абраментова, пришедшего из рядов врагов…». *(Озирается)* . Из рядов врагов!.. А я откуда? Я врагом не был. Я все время сочувствовал. Я наоборот даже. Я слишком честный. Я умираю от честности, потому что осознал, что я дурак новой жизни, — я стесняюсь жить!..

Резкий стук в дверь.

(Бросает газету, потом прячет ее под стол, быстро раздевается наполовину; опомнясь, одевается опять).

Стук в дверь повторяется.

(Подбегает к телефону, берет трубку, хрипло шепчет) . Барышня, барышня!.. Скажите мне что-нибудь, ради бога…

Стук в дверь, голоса.

Голос Жмякова . Да здесь же он, я вам говорю. Я его только что видел, он мокрый был…

Мешков *(в телефон, хриплым шепотом)* . Барышня, а барышня!.. Прошла гроза или нет?.. Барышня, товарищ…

Стук в дверь. Голоса.

Голос Пужакова . Дай я высажу всю снасть. Мешков хороший человек.

Дверь трещит. Мешков бросается к столу, на котором лежал Абраментов, влезает на него и ложится вниз лицом. Дверь вышибается извне. В дверном отверстии появляются: Пужаков, Девлетов с чемоданом, Жмяков с газетой и несколько рабочих, мужчин и женщин; позади, — Крашенина под руку с мужем. Звук упругого пневматического удара — негромкого, неглубокого и мощного. Комната сотрясается. Стол, на котором лежит Мешков, подпрыгивает, — и Мешков скидывается на пол. Мешков вскакивает на ноги. Мгновение общего тревожного напряжения. Жмяков, наоборот, чрезвычайно спокоен. Крашенина вырывает руку у мужа.

Девлетов *(бросая на пол чемодан)* . Что это?! Немедленно всем в цеха!

Новый удар. Комната сотрясается. Общее волнение. Мешков покачнулся всем телом, но устоял. Девлетов, Крашенина и Пужаков бросаются к выходу. Жмяков спокоен.

Жмяков *(Девлетову)* . Спокойно, директор. Это пробуют новые молоты, это неполные удары.

Девлетов и другие останавливаются.

Девлетов . Да, я вспомнил. Кто проверяет установку? Чья сейчас смена?

Крашенина *(подходя)* . Моя смена.

Девлетов . Почему вы не в цеху?

Крашенина *(тихо)* . Я провожала в могилу своего товарища — Абраментова.

Пауза.

(Вдруг отворачивает свое лицо ото всех и закрывает его руками) .

Муж Крашениной . Олечка, не плачь! Ведь я с тобой остался. *(Обнимает ее за плечи)* . Крошка ты моя…

Маленькая пауза.

Девлетов *(медленно)* . Так… *(Крашениной)* . Ольга Михайловна, завтра у вас будет внеочередной выходной день.

Крашенина . Как вам не стыдно! У меня новые молота на испытании.

Девлетов . Здесь не стыд, а мой приказ. Здесь я директор. Гражданин Крашенин, проводите свою жену домой.

Крашенина *(оборачивается с высохшим лицом)* . Я сама уйду. Мое сердце прошло *(Уходит)* .

За нею следом уходит ее муж.

Пужаков . Бедная ты наша женщина!

Случайные рабочие, бывшие свидетелями сцены, расходятся. Раздается нежная музыка. Входит почтальон с громадной сумкой на животе; весь оборванный, одежда на нем в клочьях.

Почтальон . Давайте мне теперь прозодежду. Пока я шел до сих пор, по адресу, мне разные цехи, индустрия и машины костюм изорвали… Там все крутится, мечется, бушует, жжется — почтовому человеку пройти негде… Принимайте «молнию»!

Девлетов *(берет телеграмму, читает)* . «Поздравляю днем рождения милого друга мужа. Тася. Мерзавец, зачем ты фактически бросил семью и плачущих по тебе детей?» Кто сегодня родился?.. Адресовано мне, прислано из моей же квартиры. Значит, мерзавец, товарищи, это я.

Почтальон . Да, наверное, ты: ты же адресат, ты же расписался.

Пужаков . Пускай пишут, пускай поздравляют, пускай обижаются, товарищ Девлетов. Все равно всем известно, что мы люди нежные и культурные… Илья Григорьевич, как ты мне посоветуешь: я хочу зубы себе вставить… А то завод у нас приличный, жизнь наступает высшая, а я беззубый… Так бы мне зубы не особенно нужны были, я и десною жую вкусно, — но все же это как-то некрасиво в нашу эпоху… Ты глянь сюда, до чего меня пища довела. *(Открывает рот и показывает щербины отсутствующих зубов)* .

Почтальон первым заглядывает в рот Пужакова.

(Почтальону) . А ты чего глядишь на меня? Тебе одежда нужна? На! *(Снимает с себя пиджак)* .

Почтальон . Прочь ты от меня, деляцкий элемент! Я на вечерних курсах учусь и стою сейчас черпаю от вас различные знания. Не оскорбляй меня рвачеством, квалифицированный черт! Ты видишь — я стою посредине техники, темный, как бутылка. А сознание во мне светлое, и я тебя обгоню.

Маленькая пауза.

Пужаков . Ну до чего ж наш пролетариат сердцем возгордился. Это прямо сукин сын стал!

Почтальон, бормоча, уходит. Из сумки на его животе возобновляется музыка.

Девлетов *(подходит к Мешкову, который стоял неподвижно во время всей сцены)* . А это что такое?

Жмяков . А это, Илья Григорьевич, наш сознательный покойник, инженер Мешков. Он, по официальным данным, скончался.

Девлетов *(всматриваясь в Мешкова)* . Отчего он скончался?

Жмяков . Он стихии выдвиженчества испугался, Илья Григорьевич.

Мешков . Мне нужно скончаться, Илья Григорьевич, а я не умею, — я никак, я разучился.

Девлетов . Ну и черт е тобой… Дай я тебя сам сейчас убью, негодная тварь, если тебе нужно и ты не умеешь… Где револьвер? Ты думаешь — что?.. Ты думаешь — социализм это тебе ширпотреб? Ширпотреб?! — куда вся сволочь, шлак, весь гной всех времен стечет? Ты думаешь — социализм для всех, а для тебя в особенности? Прочь с земли, скучная твоя душа!.. Где револьвер? Кончайся!

Жмяков . Я человек безоружный, Илья Григорьевич.

Пужаков *(вынимая револьвер и отдавая его Девлетову)* . На, возьми, только

пользоваться не советую: брак продукции.

Девлетов *(хватая революльвер, Мешкову)* . Ты социализм хочешь кончить, стервец, а не себя. Ты инженер и член социалистического общества, тебя пролетариат поставил в один ряд с собою, свой ум отдал тебе на выучку, технику — маховое колесо революции — поручил тебе держать на высших оборотах, он хотел заставить твое сердце чувствовать и биться вперед, он спас тебя из могилы истории, мясо от себя оторвал и тебе выдал. А ты — ты кончаться, ты — в гроб, ты буржуем своего туловища себя вообразил! Ты пролетариату в лицо, в душу, в открытые руки плюнул. Ты — что такое? Тебе чего? Тебя все рабочие завода знали и уважали, а ты недоволен! — что тебе? — специального счастья захотелось в нашем несчастном мире — покоя в благородства над гробами миллионов?!! Эх ты! *(Бросает революльвер на землю)* .

Пужаков . Тише, директор… Чего ты человека калечишь!

Девлетов . В отпуск! На месяц! На два месяца — на курорт!.. Завтра же оформить ему путевку! Надо прекратить эту психологию на заводе. Мертвых сохранить, живых вылечить.

Мешков . Можно, я… можно, я сейчас пойду подежурю за Крашенину?

Девлетов . Ступайте.

Мешков *(делает движение и опять останавливается)* . Надо мной там массы засмеются…

Пужаков . Идем, Иван Васильевич. *(Берет Мешкова под руку)* . Идем, никто не засмеется. Мы люди тактичные, нам нравится интеллигенция. А ты ничего не бойся, — массы — они ведь добрые… Это только субъекты — сукины сыны.

Мешков . А я… я полагал, что человек нарочно не отвечает мне… Я скучал…

Пужаков . Так то ж ты по буржую скучал, а не по человеку. Ты ж ни разу не жаловался мне, что скорблю, мол, и бедствую грудью…

Уходят. Остаются Девлетов и Жмяков.

Девлетов . Ну, Владимир Петрович, а вы что такое?

Жмяков *(серьезно)* . А я же, Илья Григорьевич, последний мелкий буржуй на свете. Прикажите — и меня не будет.

Девлетов . Дурите пореже, Жмяков… Невежда хулиганит финкой, а интеллигент — умом. Но нравитесь вы мне чем-то, черт вас знает.

Жмяков . А тем, что я счастливый гад, Илья Григорьевич.

Девлетов . Гадами ведь целый мир был заселен — разве вы забыли? А вам надо перестроиться; я серьезно говорю.

Жмяков . Зачем же тратиться, Илья Григорьевич? Я человек дешевый и веселый, — я в социализм колокольчиком-бубенчиком вкачусь, позвоню немного и замолкну сам.

Девлетов . Прямо хуже вредителя, сукин сын.

Жмяков . Хуже, Илья Григорьевич, гораздо хуже. Вредители же пессимисты были, а я всякой исторической необходимости рад. Даже вперед необходимости рад… А суд-то нам будет, Илья Григорьевич?

Девлетов . Обязательно. Непременно.

Жмяков . Благодарю вас. *(Движется и напевает)* . Пускай могила нас всех накажет — мы еще разик поживем!

Частым тактом бьют тяжелые молоты. Комната сотрясается. Жмяков легко танцует в такт тяжелому ритму. Сразу тихо. Жмяков останавливается.

Девлетов . Врешь, Жмяков, все равно ты нашим будешь! *(Берет чемодан)* . Кроме нас — кому ты нужен? Кто оценит или поймет твою тревогу и твой характер?.. Социализм велик! Будь здоров! *(Уходит)* .

Пауза.

Жмяков *(грустно)* . Товарищи, я люблю вас… Но любить вас — с моей стороны бестактно, и я скрывался под улыбкой… Ах жизнь, неужели ты вся прожита? Неужели ты серьезна и прекрасна, начиная с осени девятьсот семнадцатого года? Ах сволочь и гад! Зачем тебе жизнь, когда ты лишь сожалеешь, но не действуешь! Вперед, мерзавец! *(Бросается в*

пространство) .

Входит почтальон, в прежней порванной в клочья одежде.

Почтальон . Ты куда? Чего ты мечешься: ведь адрес потеряешь!

Жмяков . Да куда-то вперед, сам не знаю…

Почтальон . Ну вот видишь, а ты мечешься! Прими-ка местную срочную, задержанную на аппарате… Распишись на обратной расписке… Первый раз застаю я человека на одном и том же месте — и правильно! Раз есть почта и телеграф, люди должны жить неподвижно. Читай при мне — что там тебе сообщают — советский связист должен интересоваться смыслом продукции своего труда. А то, может, я хожу без смысла и растрачиваю зря основной капитал своего тела: ведь это ж — дефект!

Жмяков *(читает)* . «Сего числа три фазы вашего завода введены в контакт с высоковольтной магистралью республики. Энергетический резерв страны распоряжении завода. Включайте нагрузку республиканское кольцо. Автоматический радиопульт выслали почтой две декады назад. Включайтесь на расстоянии. Инструкция при аппарате. Линейный инженер Брекчиус». Люблю я вас, Брекчиус! Почтальон, на сколько задержана эта телеграмма?

Почтальон *(размышляя)* . Содержание довольно смысловое. Я доволен, что хожу… Да я полагаю, что суток на четверо депеша опоздала: у нас электричество в проволоке ослабело и аппараты Бодо перестали активничать.

Жмяков *(задумчиво)* . Суток на четверо… Абраментов умер трое суток назад. На трое суток задержано включение. Трое лишних суток мы гнали генератор с перегревом и перегрели людей.

Почтальон . Выходит — так. От почты, братец ты мой, люди плачут, радуются и сразу помирают. Почта, телеграф — это слишком серьезное дело. Ты люби эту область!

Жмяков . Хорошо, буду любить. Где посылка в наш адрес?

Почтальон *(засовывает руку в сумку, делает там в глубине несколько манипуляций, вынимает наружу небольшой специальный прибор — вовсе не похожий на радиоприемник, хотя тех же размеров, что радиоприемник; прибор начинает играть нежную музыку еще в руках почтальона; почтальон ставит его на стол, прибор играет)* . Вот она — ваша посылка; я думал, что это пустяк! Без адресата. А я люблю радионауку и технику и сделал себе приемник, чтоб мне была музыка, когда я нервничаю или когда мне скучно. Я уж пятый день хожу под марш.

Жмяков *(хватая революьвер с земли, брошенный Девлетовым)* . Застрелю, негодяй! У нас люди умерли из-за тебя…

Почтальон *(невинно)* . Теперь стрелять уж ни к чему… Сами виноваты: правили мне любовь к научно-техническим достижениям, пустили ходить в будущее, — вот я и стремлюсь!

Жмяков бросает револьвер, садится на пол и беззвучно плачет.

Чего ты нервничаешь? Аппарат твой цел. Я изучил его по инструкции и ничуть не испортил… *(Манипулирует на аппарате)* .

Загорается вначале одна синяя лампа, затем две, затем три — и все горят ровным светом; внутри аппарата по-прежнему играет нежная музыка.

Ты думаешь — я попка?.. Ты думаешь — я просто себе гуща масс?.. Нисколько! Сейчас я тебе электричество по радио включил — только и всего. Нам понятно.

Жмяков встает, глядит на аппарат, на лампы, на циферблаты на нем. Пауза. Быстро входит Мешков.

Мешков . Владимир Петрович, на главном пульте падает нагрузка. Завод идет полным ходом. Я не растерялся, просто ужасаюсь.

Жмяков *(указывая на прибор на столе)* . Вот теперь наш главный пульт. Нас включили в республиканское кольцо высокого напряжения. Останавливайте турбогенератор, тушите дизель, поставьте дежурного монтера на главный трансформатор республики.

Мешков . Слушаю, Владимир Петрович. Сейчас все налажу: я ведь теперь бодр —

после смерти! Я ведь теперь счастлив! *(Быстро и бодро уходит)* .

Вбегает Пужаков.

Пужаков . Владимир Петрович! Кто там прет таким ходом наш завод? Нам теперь силы девать некуда, раньше машины только шумели, а теперь они песни поют.

Жмяков . Мы попали в общепролетарское силовое кольцо и вот — мчимся!

Почтальон *(Пужакову)* . А ты думал — мы остановимся?

Пужаков *(почтальону)* . Прочь от меня, фабзаяц! Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, ты бы хоть спел теперь что-нибудь.

Жмяков . Нет, Петр Митрофанович, я пел не от радости. Песня моя спета, и наступает жизнь.

Почтальон . Ну что ж — иди и существуй. Я вполне допускаю.

Жмяков *(почтальону)* . Благодарю вас!

Почтальон . Неначем. Живи себе безвредно и героически, как я живу… Ну, затем до свиданья — пойду пользу делать. Эх, судьба — проблема! *(Направляется к выходу)* .

Занавес

14 Красных избушек, или Герой нашего времени

Пьеса в 4-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Эдвард-Иоганн-Луи Хоз — ученый всемирного значения, председатель Комиссии Лиги Наций по разрешению мировой экономической и прочей загадки, 101 год
2. Интергом — спутница Хоза, 21 год
3. Приветствующий деятель — лет 45
4. Начальник станции
5. Уборняк Петр Поликарпович
6. Жовов Мечислав Евдокимович